

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

6

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

★ И Ю Н Ь ★

О Г И З ★ 1 9 3 6
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

СОДЕРЖАНИЕ № 6

Речь т. Вышинского на процессе по делу на острове Врангеля	1
От Верховсуда и Прокуратуры СССР	23
А. Шляпочников — За рационализацию судебной работы	24
П. Кравцов — Органы юстиции Ленинградской области в борьбе с противодействием стахановскому движению	26
В. Т. — „Рассмотрев жалобу...“	31
А. Герцензон — О едином учете преступлений и наказаний	33
С. Гинзбург — Законодательство и судебная практика о правовом положении временных жильцов	37
В. Сорокин — Правовая литература в 1936 г.	41
Д. Горвиц — О некоторых особенностях суда по делам несовершеннолетних	46
Ю. Элькинд — Прокуратура МББ ж. д. в борьбе с хищением автотормозов	49
Д. Голубовский — Узловые вопросы защиты	50
Д. Бешер — Арбитраж на перепутье	53
Ю. Позан — Пять лет работы Свердловского правового ин-та	54
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	56
По союзным республикам	63
Право, процесс и судоустройство в капиталистических странах	78
В Институте уголовной политики	81
Письмо в редакцию	89
Официальный отдел	90
Сводна важнейших постановлений	97

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

И Ю Н Ь 6
1936 г.

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ, ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР т. А. Я. ВЫШИНСКОГО,

по делу б. нач. зимовки на острове Врангеля Семенчука и каюра
Старцева¹

Товарищи судьи, в течение почти полных 6 дней вы со всей тщательностью, удаляясь в самые мелкие подробности, исследовали дело, которое сейчас в процессе прений сторон должно получить свою окончательную оценку и в которой мы, стороны, должны изложить в окончательно сформулированном виде свои точки зрения по поводу основного вопроса каждого судебного дела и настоящего дела в частности, — вопроса о самом событии, представляющем собою предмет обвинения, и об отношении к этому событию со стороны обвиняемых, привлеченных по настоящему делу к уголовной ответственности.

Было бы неправильно связывать с гибелью доктора Вульфсона тяжелую трагедию, занявшую в процессе судебного следствия достаточно много времени и сосредоточившую на себе наше общее внимание, рассматривать как центральный вопрос настоящего судебного дела. Было бы неправильно трагедию, которая унесла, вычеркнула из жизни одного из прекрасных представителей нашей работы в полярной Арктике доктора Николая Львовича Вульфсона, делать центром всего этого судебного дела, полагая, что именно в убийстве Вульфсона и сосредоточено основное обвинение, предъявленное по настоящему делу. Это было бы неправильно, это было бы неверно, грубо ошибочно и в политическом отношении и с точки зрения задач настоящего процесса.

Это было бы неправильно раньше всего потому, что убийство доктора Вульфсона является лишь одним из звеньев, хотя и кошмарных звеньев, ряда чудовищных преступлений, совершенных Семенчуком, пробравшимся к должности начальника арктической зимовки. Это значило бы заслонить кровавой драмой, разгравшейся 27/XII 1934 на о. Врангеля, все то действительно громадное политическое содержание и тот громадный политический смысл,

который государственное обвинение вкладывает в деятельность Семенчука с первых же дней его появления на врангельской зимовке. Это было бы неправильно еще и потому, что убийство доктора Вульфсона может быть раскрыто и может быть понято, может быть объяснено и правильно оценено лишь в связи и на основе всей деятельности Семенчука в целом, деятельности, проникнутой теми отрицательными качествами, тем своеобразным антигосударственным и антисоветским его поведением, которое позволяет государственному обвинению, руководствуясь ст. 59^а Уголовного кодекса Республики, квалифицировать преступление как бандитизм.

Вот почему в моем сегодняшнем изложении и соображениях, которые я кладу в основание обвинения Семенчука, будет уделено и не может, конечно, не быть уделено достаточно внимания и места убийству доктора Вульфсона; но этому ужасному и кошмарному преступлению будет уделено, если можно так выразиться, лишь подчиненное место.

Враги наши каждый акт уголовного преступления склонны возводить в степень политического акта. Враги наши склонны приписывать тем или другим лицам, совершающим уголовное преступление, роль чуть ли не политических деятелей. Это особенно часто делается тогда, когда мы имеем дело с преступлением не обычного уголовного порядка, а с преступлением, окрашенным некоторыми своеобразными чертами; когда это преступление совершается на передовых участках нашего социалистического строительства, совершается людьми, примазавшимися, присосавшимися к нашему обществу, а иногда и к органам нашей власти, людьми, о которых в свое время говорил еще Владимир Ильич как о той наживке революции, без которой ни одно глубокое народное движение, к сожалению, не обходится.

Этим отчасти объясняется и то внимание, которое сосредоточивают враги советского государства на таких отрицательных фактах, которые так понятны и так естественны в жизни

¹ Сокращенная, переработанная стенограмма речи. Полностью речь напечатана к изданию отдельной брошюры Гос. изд-вом «Советское законодательство».

громадного гигантского государства, в жизни государства, ведущего колоссальную героическую борьбу за новое социалистическое общество, ведущего борьбу против остатков эксплуататорских классов и против старых предрассудков, против старых привычек, против всей этой старой нравственной слабости, мешающей нашему движению вперед, против всего того, что мы стараемся преодолеть, разоблачить, отбросить в сторону.

Враги пользуются каждым такого рода моментом для того, чтобы изобразить дело в свете высоких политических событий, извращая действительность и представляя каждое судебное дело как одно из проявлений болезни нашего государственного организма.

Именно этим объясняется сообщение газеты «Карьяла» — органа финской коалиционной партии, поместившей сообщение о том, что на Земле Франца Иосифа раскрыт целый заговор среди зимовщиков, возглавляемый комендантом острова Семенчуком, и что доставленные Водопьяновым и Махоткиным агенты ГПУ ликвидировали этот заговор и привезли виновных в Москву, где они и находятся на скамье подсудимых в Верховном суде.

Пять с лишним дней, почти шесть дней судебного разбирательства, конечно, не оставили камня на камне от этой гнуснейшей выдумки, вранья, от этой вражеской брехни...

Настоящее дело характерно двумя особенностями: оно лишено политического характера, того характера, который позволил бы вам квалифицировать его по соответствующим статьям о контрреволюционных преступлениях, но в то же время оно далеко выходит за пределы обычных уголовных преступлений. Оно, если можно так выразиться, представляет собой яркую иллюстрацию того, как бытовые преступления приобретают значение громадной государственной важности, перерастают в государственные преступления.

Особое значение сейчас приобретает борьба развивающегося и строящегося молодого советского социалистического государства против всех тех элементов, которые мешают ему встать на свои прочные ноги, творить свою новую, счастливую, радостную для всех трудящихся жизнь!

Эти особенности данного процесса должны быть подчеркнуты с самого начала. Имея в виду именно эти особенности, разрешите мне перейти к тем вопросам, которые в этом деле должны представлять особый и специальный судебный интерес, к тем обстоятельствам, которые объясняют позиции в этом деле обвинительной власти.

В постановлении от 20/VII 1934 г. Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП(б) подчеркнули большие успехи в научном и хозяйственном изучении советского Крайнего севера. В этом постановлении было сказано, что ныне положены основы хозяйственного освоения нашего севера, что, опираясь на гигантскую работу северных окраин, сейчас возможно значительное расширение развертывания мероприятий, обеспечивающих полное освоение Северного морского пути и развитие хозяйства Крайнего севера Союза ССР.

Это постановление было продиктовано не только необходимостью подвести от имени нашей партии и нашего советского правительства первые итоги гигантской и героиче-

ской работы наших полярников. Оно было продиктовано гигантским значением, которое принадлежит нашему Крайнему северу, в том числе и в первую очередь таким пунктам, как остров Врангеля, являющийся форпостом советской культуры, передовым форпостом нашей советской, подлинно человеческой цивилизации.

Это обстоятельство объясняет и то исключительное внимание и заботу, которые проявляются к задачам освоения Крайнего севера со стороны нашей партии, нашего правительства, раньше всего и больше всего со стороны нашего гениального учителя и вождя народов Советского союза товарища Сталина. И эти успехи действительно огромны, и нашим полярникам есть чем гордиться. И нашему северу также есть чем гордиться, и не только по сравнению с тем, что представлял собой север до Великой пролетарской революции, но даже и по сравнению с тем, что он представлял собой еще так недавно. Это явилось результатом героической, самоотверженной и неустрашимой работы наших полярников. И, когда Ю. Ю. Шмидт 16/II 1936 г. на собрании работников Арктики подводил итоги 1935 г. и намечал как начальник Главного управления Севморпути новые задачи, стоящие перед нашими советскими полярниками, он с полным основанием имел право говорить о тех громадных успехах, которые сейчас подытоживают трудную работу советских полярников.

1935 г. в морском транспорте был годом пробной эксплуатации Северного морского пути, который отныне существует уже как практически действующая транспортная артерия. Чтобы оценить все историческое значение этих итогов, надо только себе представить, что речь идет о Ледовитом океане, который был впервые пересечен советскими моряками, советскими учеными, советскими полярниками с востока на запад и с запада на восток. Надо только вспомнить, что речь идет о совершенно неосвоенной водной стихии, превращенной творчеством Советской страны в нормально действующую практическую транспортную артерию! Речной транспорт и его рост отмечены в 1935 г. даже по сравнению с предыдущим годом. Норильское строительство и река Пясины свидетельствуют о тех успехах, которых никто не вычеркнет, которые не замянут никакие преступления никаких Семенчуков!

О нашей авиации не нужно много говорить. Надо только назвать это слово, чтобы в нашей памяти встали образы наших замечательных полярных летчиков, один из лучших представителей которых находится в составе суда, которому правительство правильно вручило судьбу людей, поднявших свою дерзновенную руку против авторитета и славы Советской Арктики.

Шпицбергенские копи перевыполнили в 1935 г. свой производственный план; промыслы прекрасно прошли в отношении морского зверя, и, в частности, в горле Белого моря укрепились северные совхозы, являющиеся теперь прочной базой развития Советской Арктики, позволяющие в дальнейшем это хозяйство развить еще шире и еще более мощно.

Вот итоги 1935 г., итоги работы наших полярников, наших строителей Советской Арктики — сотен и тысяч замечательных людей, воспитанных и выращенных нашей партией.

нашим Советским государством, людей сталинского стиля работы, сталинской складки, неустрашимых, не сгибающихся и не отступающих ни на один шаг ни в каких условиях.

Этого мы не должны забывать, рассматривая вопросы, составляющие предмет изучения в настоящем судебном деле. Мы не должны забывать именно потому, что на фоне этих прекрасных успехов тем тяжелее становится предательский удар, нанесенный, хотя и кратковременным, но, к сожалению, все же губительным хозяйничаньем в Полярной стране, на новой земле этим, прибывшим с «большой земли» «представителем» советской власти, обвиняемым Семенчуком и его окружением.

В 1924 г. на острове Врангеля были устроены национальные флаги других государств, посягавших на эту часть нашей советской государственной территории, и был поднят наш советский флаг, который с тех пор гордо реет над Арктикой, над полярными льдами, как знамя, как символ победы, как символ новой радости, счастливой жизни, принесенной с «большой земли» великой пролетарской революцией, победившим в нашей стране социализмом.

Что представляет собой, в результате именно этой победы, остров Врангеля под сенью нашего красного знамени?

Период Ушакова.

«Своей задачей, — говорит т. Ушаков, — я как начальник первой зимовки или одной из первых советских зимовок ставил завоевание авторитета у эскимосов, т. е. у людей, с которыми мне нужно было работать, жить и проводить генеральную линию партии и линию нашей советской политики».

Правильно поставленная задача, просто, отчетливо и грандиозно, ибо нужно было эту задачу решать на чистом поле полярных снегов.

«Этот авторитет, — с полным правом здесь мог заявить это т. Ушаков, — мною был завоеван». Мы видим, как он завоевал этот авторитет и как он действительно этот авторитет сумел завоевать.

«Нужно было показать, — говорит он, — что большевик — друг эскимоса, — они ведь мало имели дела с большевиками, — друг туземного населения, а не враг, не колонизатор, не купец, с которыми они имели дело раньше. А эскимос с купцом дел имел много, и у них уже создалось соответствующее отношение к белому человеку, а это отношение строилось на отношении колонизаторской пропаганды, на отношении колонизаторского характера».

Тов. Ушаков правильно поставил перед собой задачу — разгромить это старое представление о белом человеке, пришедшем с «большой земли», создать новое представление о советском человеке, о большевике, показать все принципиальное различие между большевиком, пришедшим на остров, и старым купцом, промышленником, колонизатором, которые тоже приходили на остров и которые грабили и эксплуатировали жителей этого острова.

Но мало говорить, надо делать, и Ушаков делает. Шаг за шагом, в тяжелых, трудных, часто совершенно невероятных условиях.

«Эскимосы, — говорит т. Ушаков, — народ бесценный в известном смысле; эскимос может сидеть дома до того момента, пока у него не исчезнет последний кусок мяса. Поэтому нужно организовать эскимосов, чтобы в пе-

риод иммиграции они могли бы отдавать все свои силы охоте.

Так работал т. Ушаков, так каждый шаг своей практической, хозяйственной работы он освещал светом великой ленинско-сталинской национальной политики. Этим светом ленинско-сталинской национальной политики он согрел холодное сердце эскимоса, он расплавил и разбил лед, который сковывал отношение эскимосов к белому человеку, он воспитал уважение и любовь к большевикам как к своим старшим братьям, друзьям и помощникам. Эту линию блестяще, прекрасно продолжал сменявший т. Ушакова т. Минеев, пять лет проработавший на острове Врангеля в качестве начальника зимовки 1929—1934 гг.

И нет ничего удивительного, нет ничего странного в том, что, разбирая это дело, уже в 1936 г. мы встречаемся с таким документом, который пришел с этой «малой земли» на «большую землю», как письмо одного из старых охотников острова Врангеля — Тайна. Это письмо здесь было оглашено. На этом письме я считаю необходимым остановиться еще раз. Это письмо дышит такой непосредственностью, простотой, свежестью, таким прямотоном, теплотой и любовью, что мимо этого письма нельзя пройти, разбирая настоящее дело.

Приведу далее ряд мест из письма т. Тайна. т. Вышинский подчеркнул, что письмо Тайна — достойная и прекрасная награда за правильное проведение нашими товарищами нашей национальной политики, хозяйственной и культурной работы, которую они вели в Арктике. В итоге, говорит Ушаков, и это подтверждает и ряд других объективных материалов, остров Врангеля на всем Чукотском полуострове прославился как «земной рай».

И действительно — это был рай!

За три года пребывания т. Ушакова на острове, благодаря его прекрасной организаторской работе, песцов было собрано 800 штук, медведей убито 225, моржевых клыков собрано 2 тонны и немалое количество было собрано мамонтовых костей. Это громадное богатство свидетельствует о громадном материальном благосостоянии острова. Также обстояло дело и при Минееве.

«Туземцы, — говорит Минеев, — иясом были вполне обеспечены. Нужно знать, что для туземцев главный продукт питания — это мясо, как для нашего крестьянина главный продукт питания — это хлеб». Нас это удивило, и председатель суда спросил, достаточны ли были нормы питания. Это вновь вызвало удивление. Минеев сказал: «совершенно достаточны, и вообще никаких норм у нас не было. Я давал туземцам столько, сколько они просили. Если они приезжали и просили 2 мешка муки, а у нас были мешки по 50 английских фунтов, то я им отпускал; если они приезжали и просили сахару, то я им отпускал, впрочем, до тех пор, пока они из этого сахара не начали варить себе бражку». Эскимосы очень скоро поняли, что сахар не только сладок, но сладок и в горечи своей, и т. Минеев, как большевик, как хозяйственник, как организатор, сейчас же насторожился: из сахара вы, друзья мои, варите бражку, отравляйтесь сахарным пивом, — я сахару вам больше не дам. И не дал, и правильно и хорошо сделал. Выходит, что и Минеев иногда отказывал в выдаче продуктов; но сравнивать отказы Минеева с теми отказами продуктов, ко-

горые позволял себе Семенчук, абсолютно нельзя. Впрочем, о Семенчуке я буду говорить дальше и подробно.

«У нас осталось, — говорит т. Минеев, — после пяти лет хозяйничания, когда люди ни в чем не нуждались, такое количество муки, риса, сливочного масла, что могло бы хватить на много лет вперед. Из предметов ширпотреба, — говорит он, — осталось много мехов». Мехов оставил Минеев несколько тысяч шкур, тысячу пыжиков, пять тысяч лап для сапог, даже была росомаха, готовые кухлянки, т. е. полный ширпотребовский ассортимент, которым могли бы похвалиться лучшие, а не только полярные «Мосторги».

На вопрос, — много ли при вашем отъезде оставалось продуктов? — Минеев ответил: «Невероятно много. Я даже уговаривал Семенчука отправить половину муки, потому что она была бы обузой». И уточняя, что это за «невероятно много», Минеев сказал: «У Семенчука было муки лет на десять».

Я просил Семенчука дать свои объяснения по поводу показаний т. Минеева и т. Ушакова. После того как мы заслушали показания Ушакова и Минеева, я поставил перед Семенчуком вопрос: «Обвиняемый Семенчук, что вы можете сказать по поводу этих показаний?». И что же? Нехотя и вяло, как всегда во время процесса, поднявшись, Семенчук пробормотал: — «Ничего». И действительно, нечего ему сказать, и ничего он не может сказать в свое оправдание.

Что мы можем констатировать? В результате правильно организованной работы девяти советских лет на зимовке острова Врангеля, остров Врангеля, действительно, превратился в цветущий земной рай, поднялся на громадную высоту своего материального благополучия, и вместе с тем поднялось на громадную, недостижимую до нашего прихода на этот остров, высоту за материально-культурное положение эскимосского населения. Семенчук получил, таким образом, большое и прекрасное устроенное хозяйство, большое и прекрасное наследство.

А что же он с этим наследством сделал? Он превратил это хозяйство в дым и прах, в дым и прах, обвиняемый Семенчук, в прямом смысле слова!..

Спросили Минеева, что собою представляла зимовка, на которой хозяйничал Семенчук. Он сказал: «Зимовка, на которой хозяйничал Семенчук, была какая-то дикая, странная, и я думаю, что нормальные люди не могут жить в таких условиях; люди по доброй воле, с нашей точки зрения, не могли бы достигнуть таких результатов. Мы жили пять лет, у нас люди, извините за выражение, — говорит Минеев, — не дошли. Там прожили несколько месяцев и люди начали умирать пачками. Ничем другим, — говорит Минеев, — кроме как вредительством я этого объяснить не могу».

«В 1921 г. канадцы начали хищнически эксплуатировать остров, они завезли туда группу людей, которые все погибли, за исключением одной эскимоски. Мы, советские люди, при освоении острова стремились к тому, чтобы не прибавлялось крестов, а Семенчук эти кресты умножил». Вот как охарактеризовал т. Минеев итоги «работы» на острове Врангеля Семенчука.

Если сравнить некоторые данные хозяйственного порядка, то и в этом отношении будет

виден тот развал, до которого довел свою зимовку Семенчук. При Минееве заготавлилось 280—380 песцов в год, при Семенчуке было заготовлено 50 песцов; при Минееве было заготовлено немалое количество моржевых клыков, при Семенчуке ничего; при Минееве заготовлено было немалое количество моржевого мяса, при Семенчуке — ничего. 50 песцов и 25 медведей за 8 месяцев, вот итог так называемой «работы» Семенчука!

Может быть, Минеев не объективен; может быть, Минеев говорит, несколько поддаваясь человеческой слабости, стараясь чужое умалить, а свое возвеличить? Но нет оснований так думать, ибо все это подтверждается материалами, имеющимися и в книге Зинаиды Рихтер «Во льдах Арктики» и в материалах настоящего дела. Это целиком подтверждается и т. Ушаковым. Минеев в одной только бухте Роджерс оставил около 25 моржевых туш. Семенчуку нужно было только хранить это мясо, чтобы, имея его запас, улучшать и дальше благосостояние острова; но он не только не пополнил эти запасы, он не сумел даже сберечь оставленного ему мяса, и большая часть этого мяса была смыта, а частично съедена собаками в неорганизованном порядке. Тов. Ушаков говорит, что все запасенное мясо, оставленное Семенчуку Минеевым, пропало. Конечно, это — вредительство, конечно, это — развал!..

Я спросил т. Ушакова, какое количество песцов заготовил Семенчук, и он ответил: «Точно не знаю, но все это были единичные экземпляры, потому что основная часть эскимосов-охотников погибла от голода, а остальные охотники болели».

Семенчук пытался в своем полтора часовом объяснении все это поклеветать и опровергнуть. Он заявил, что на 98% свидетели говорят неправду, и только лишь на 2% свидетели говорят правду.

98% свидетельских показаний — ложь... Неубедительный аргумент!

Семенчук пытался опорочить характеристику его управления островом Врангеля, его хозяйничания, которую мы получили здесь от свидетелей. Но позвольте сослаться на письмо Таяна. Вот человеческий документ, который пришел к нам в суд с острова Врангеля, будучи составлен еще 21/VIII 1935 г., т. е. в то время, когда и речи не было о том, что мы будем сегодня, 22/IV 1936 г., судить Семенчука. Это письмо так ярко и глубоко проникнуто большим человеческим горем этих маленьких северных людей, истерзанных Семенчуком! Вот что пишет т. Таян:

«Болел очина сильно хорошо, что доктора были хороший» — это он говорит про тех самых докторов, которых травил Семенчук, а потом из которых — д-ра Вульфсона убил руками одного из своих «адыутантов» Старцева.

«Если бы не было докторов я бы умер, а мой сын Володка умер, жалием его, он уже начал говорить по русски здоровался докторами когда я лижал Инкали сама пишком ходила за дровами на кошку на себя тащила нарту по тому что говорить Семенчук дров не давал. Насчет других охотников чем они болели я не знаю почему мало поймали песцов они говорят потому, что работы много было и проболели все охотники заболели также умерло охотников умерли Тагею Етуй Новок Тагран (новый приезжий) Синоми (жена Старцева

Кивуткак (жена Анакак) эти охотники умерли после гибели доктора он сам замерз оне уехали в Лоссом с Степней Бурга их застала по дороге друг другу подерали и он погоб так я слышал от Степки еще оден русски Биолок. Сам застрелился то я не знаю почему он застрелился по тому что я только на чал ходит немного Я пролыжал 4 м-ц дажи был без памяти говорят простудился на севери. была большой город семя Пиакуля ели собаки и кожи лахтаци у меня собаки подошли и воче мало осталось по тому что мало было корма. у мен мясo не убрали с косы та собаки обглатали мясo. Насчет продуктов нам выдавали по одной банке на м-ц мясных на человека охотникам сахару спирва по 2 кгр а потом по 1 кгр., рису 0,25 на человека. Компот тоже и крупы охотникам выдавали спирва в кредит и 6 м-ц а потом только под пушнину».

Вот как хозяйничал Семенчук. Охотнику — одна банка консервов на месяц; а семья, а жена, а дети, а старики?

Хорошо, что сравнительно скоро на смену Семенчука прилетел Жердев, — прибавили продуктов.

И бедный Таян пишет: «Он охотникам да поддержку и он пому охотникам даже мы хотели его оставить» (начальником зимовки).

Они хотели оставить Жердева своим начальником; они считают, что начальник зимовки — это их представитель и им должно принадлежать здесь слово в решении этого вопроса. С сожалением т. Таян вспоминает, что Жердев отказался остаться, потому что был болен, хотел лечиться. Таян кончает письмо лывым упреком Семенчуку: «И насчет моржовых охоты; она на Роджерсе совсим было плохо, пому что, не зная, нам начальник Семенчук руководствовал, даже носовому стрелку нельзя было махат рукой, сказываает направление».

Какая же может быть охота, когда пришел человек, не знающий охоты, и мешаает «носным махатъ». А моржи славу Семенчуку поют: вот приехал с «большой земли» настоящий морж, всем моржам морж, за ним, как за крепкой каменной стеной. Охота сорвана, носовой не машет, охотник не стреляет, моржи по берегу гоголем ходят.

Семенчук доволен. Все, говорит, в порядке. Но люди начинают голодать; его это трогает. Люди начинают умирать, — его это тоже не смущает. Ему говорят товарищи зимовщики: «обрати внимание, помоги». Он говорит: «они лодыри, чего им помогать». — «У них, — говорят, — мяса не осталось свежего». Он говорит: «да им свежего и не нужно, пусть тухлое едят».

Вот «политика» Семенчука.

Я понимаю возмущение свидетелей, которые прошли перед судом, говоривших по этому поводу, что это вредительство, антисоветское дело, настоящая контрреволюция.

Тов. Ушаков говорил:

«Я мог бы расценивать деятельность Семенчука как вредительство и желание скомпрометировать национальную советскую политику и мою работу на острове Врангеля». Он говорил: «по моему, он эту свою задачу — скомпрометировать советскую власть, советское государство, советскую страну, советский народ — «большой земли» — он эту задачу частично выполнил, и если бы не приехал Жердев, который за короткий период времени сумел выправить положение, сумел восстановить

нормальное положение, если бы еще некоторое время Семенчук был на острове Врангеля, к тем смертям, которые были, прибавились бы еще новые. Все население и вся работа на острове Семенчуком были бы разгромлены».

Семенчук это отрицает. Но что он противопоставляет этим убийственным фактам, кроме голого отрицания? Что он может противопоставить этим, в высшей степени обоснованным, достоверным, полным жизненной правды фактам, кроме голого «нет». Только ложь. Ничего кроме лжи, ибо нет у него ничего, чтобы можно было противопоставить выдвинутому против него тягчайшему обвинению. И если я в качестве одного из важнейших и тягчайших обвинений против Семенчука дам такую характеристику результатов его управления: разгром, разложение, развал советской зимовки, созданной в неимоверно трудных условиях упорным героическим трудом лучших представителей нашей страны под руководством нашей партии, — то это будет правильно и непоколебимо сформулированное обвинение.

Я предъявляю Семенчуку тягчайшее обвинение от имени советского государства, советской власти в том, что он довел до гибели охотников, и если я скажу, что за эти, по тогдашним и тамошним условиям, многочисленные человеческие смерти вся ответственность лежит на Семенчуке, я не допущу никакого преувеличения!.

Вот, товарищи судьи, основное обвинение, которое не сумеет поколебать никто, никто не сумеет и не сможет и даже не осмелится и пытаться здесь колебать.

Далее т. Вышинский подробно анализирует приказ ГУСМП за № 628, констатировавший ряд преступных действий Семенчука, развалившего и разложившего зимовку 1934—35 гг., и продолжает:

«Впервые стало известно о безобразиях, творящихся на острове Врангеля, в результате приезда, или вернее прилета, на остров Врангеля инспектора Главного управления Северного морского пути т. Жердева. Тов. Жердев целым рядом фактов подробно освещает и характеризует деятельность Семенчука».

Тов. Вышинский далее говорит:

«Я не думаю, чтобы Семенчук имел какую-то политическую программу, по которой он действовал в таком направлении. Нет. Он действовал так потому, что он — Семенчук. Он действовал так потому, что он не понимал и не понимает до конца, что такое ленинско-сталинская национальная политика. Но могут сказать: но разве за то, что люди не понимают, можно привлекать к уголовной ответственности? Если он не понимал, то разве за это можно его судить, да еще по такой строгой статье, как 59^а, которая грозит самым грозным наказанием, имеющимся в системе наших уголовных наказаний? Конечно, нельзя. Если бы он так действовал только потому, что он не понимал, так действовать по отношению к Семенчуку было бы нельзя. Но не понимать это мог только сумасшедший человек, как это говорил т. Ушаков; а Семенчук, хотя он и пытался симулировать психическую болезнь, изображая в Бутырской тюрьме марсианина, является совершенно нормальным и абсолютно вменяемым; а раз он человек совершенно нормальный, значит, он должен был видеть, к чему это ведет. Значит, дело далеко выходит за

пределы простого «непонимания». Семенчуку были чужды, как чужды могут быть только врагу, интересы и задачи социалистического строительства острова. Семенчук так рассуждал: «Пусть все идет прахом, пусть вымрут эти самые эскимосы, которым от природы суждено есть тухлое мясо». Такова идеологическая установка Семенчука. И он действовал в соответствии с этой установкой, беря твердый курс на бессердечное отношение к людям, результатом чего явились голод, болезни и смерть. Ему говорили, ему указывали, ему советовали, против него пытались бороться, не как бороться, как «боролся» Карбовский, который как крайнюю меру борьбы применял роспуск производственных совещаний, а пытались бороться по-настоящему, как это делала Фельдман, как это делал Вульфсон, эти непартийные большевики, оказавшиеся в этот раз на зимовке Врангеля настоящими большевиками, чего, к сожалению, нельзя сказать о тех большевиках, у которых были в карманах партийные и комсомольские билеты.

Мы спросили т. Жердева: «Можно ли было избежать на острове Врангеля человеческих жертв?». Жердев ответил: «Можно. Продовольственные склады были заполнены запасами пищи не меньше, чем на три года. Можно было авансировать эскимосов из запасов станции, и эскимосы это с лихвой вернули бы в течение года».

Ведь дело дошло до того, что эскимосская семья Аналько на севере острова, на косе Луч, если не ошибаюсь, питалась сдохшей собакой и моржевой шкурой, снятой со старой байдары. Хотя Семенчук и это обстоятельство пытался, как вы помните, отрицать, но оно подтверждается и показаниями Старцева. (Вот он кивает и сейчас головой утвердительно). Это подтверждается показаниями и целого ряда свидетелей».

Особо т. Вышинский останавливается на показаниях свидетеля т. Долгого.

«Тов. Долгий говорит о жутких безобразиях, которые творил Семенчук, что он вел себя, как «сатрап», издевался над людьми. Мы знаем, что у Семенчука процветало и рукоприкладство, и не только с его стороны, но и со стороны его жены, Надежды Индикторовны, которая один раз крепко промасьла по физиономии Зарубы, что, конечно, осталось совершенно без всяких последствий со стороны Семенчука. Она сама не отрицала здесь факта этого происшествия, смягчая его вопреки действительности и говоря, что она «нетактично дотронулась» до плеча или до щеки, или до скулы Зарубы.

Вот положение вещей, которое было создано на острове Врангеля Семенчуком: «Жестокое, нечеловеческое отношение к туземцам, которых он обрекал на голод, смерть», — говорит свидетель Долгий.

Куцевалов, молодой гидролог, который на меня произвел, — не знаю, как на вас, товарищи судьи, — впечатление наиболее свежего человека из всех зимовщиков 1935 г., этих (я исключаю из этого числа т. Фельдман) протухших людей, — пусть они на меня не обижаются, — этого бессильного, гнилого коллектива, который не носит в себе ничего коллективного. Это был не коллектив, а какое-то механическое соединение фигур, называемых людьми. Куцевалов, мне кажется, является лучшим из них. Он говорит: «Семенчук сорвал

заготовку морского зверя, не давал разрешения производить охоту». Это, заметим кстати, опять-таки целиком подтверждается письмом Таяна. Когда Семенчука спрашивали, чем же будут питаться туземцы, — Семенчук, по показаниям Куцевалова, отвечал: «Не ваше дело, у меня имеются свои соображения». Куцевалов правильно добавляет: «Какие были у него соображения, я так и не знаю, но туземцы остались без мяса». В самом деле, «соображениями» Семенчука нельзя же быть сытым?»

Вы видели здесь молодого Клечкина, который говорит то же самое. Был такой характерный случай. Клечкин приехал к Кмо и увидел всю его семью в чрезвычайно тяжелом состоянии. У них не было пищи. Клечкин отдал им все свои продукты и вернулся обратно. «Когда, — показывает Клечкин, — я рассказал об этом Семенчуку и просил его послать Кмо продукты для больных, то Семенчук отказал и заявил: «Они — лодыри, продуктов не дам». В результате, продукты так и не были посланы, и спустя несколько дней Етуи и Таграк умерли, умерли голодной смертью. Это — не старуха, которой, все равно, пришлось время умирать и которую поэтому Семенчук не считал себя обязанным снабжать продовольствием. Это — охотники, и лучшие охотники умирали от голода!..

В течение полутора часа говорил Семенчук и ничего не мог сказать, не мог выдвинуть ни одного факта, не мог привести ни одного аргумента в защиту своей позиции, в опровержение всех этих фактов. Он бессилен их опровергнуть, потому что фактов этих у него нет, потому что то, что здесь говорилось, это есть подлинная, настоящая правда.

Этот голод и недоедающие явились не результатом какого-нибудь стихийного бедствия, а явились результатом сознательно, планомерно осуществлявшейся преступной бандитской деятельности Семенчука, направленной к тому, чтобы, пренебрегая интересами людей и пренебрегая интересами Советского государства, расшатать, поколебать весь советский порядок, который существовал на острове Врангеля. Позвольте кратко объяснить обстоятельства, требующие квалификации преступлений Семенчука по ст. 59^а как бандитизм. Бандитизм есть не просто и не только, как это принято представлять себе, разновидность имущественных преступлений, преступных действий грабительского, разбойного характера. Бандитизм — это не есть только разновидность разбоя или грабежа. Бандитизм — это, прежде всего, — и я данный случай считаю классическим примером бандитизма в собственном смысле этого понятия, — преступление, своим острием направленное против государственного управления или направленное именно на то, чтобы подорвать самые основы советского строительства, советского правопорядка. Для лучшего понимания конструкции настоящего обвинения по ст. 59^а УК я обращаюсь к анализу преступлений, кодифицированных в главе об особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления и, в частности, к ст. 59^а УК, вводящей нас в круг понятий об особо опасных против порядка управления преступлениях.

«Особо опасными для Союза ССР преступлениями против порядка управления признаются те совершенные без контрреволюционных целей преступления против порядка управле-

ния, которые колеблют основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик».

Я постараюсь доказать, что деятельность Семенчука была построена именно так, что она колебала основы хозяйственного строительства и правового строя Советской страны, ибо остров Врангеля—это часть нашей страны, это наша страна.

Правда, в деятельности Семенчука имеются элементы вредительства, о котором здесь говорили свидетели и которое можно было бы квалифицировать по ст. 58⁷, есть и элементы, позволяющие говорить о ст. 58⁸ УК, элементы, которые, однако, покрываются и перекрываются общим понятием бандитизма, бандитской деятельности, направленной к тому, чтобы подорвать основы советского правопорядка, подорвать самые основы экономического, культурного и политического строительства СССР.

Обычное представление о содержании ст. 58⁸, как и о самом бандитизме, сводится к тому, что предусмотренное этой статьей преступление рассматривается как один из видов имущественных преступлений. По общераспространенному представлению бандитизм есть лишь разновидность разбоя. Вот почему способна вызвать возражение квалификация в качестве бандитизма таких преступлений, которые не носят характера преступления имущественного и ни в какой мере не напоминают разбой или грабеж. Между тем сведение бандитизма к простой разновидности имущественных преступлений, к своеобразному виду разбоя является совершенно неправильным и совершенно не вытекающим из действительной природы этого преступления. Бандитизм—это преступление особого характера. Не случайно это преступление отнесено к особо опасным преступлениям против порядка управления.

Бандитизм является преступлением опасным раньше всего именно для государства, так как он колеблет основы государственного управления, приводит к нарушению правильной деятельности органов управления, извращает эту деятельность, приводит в конечном итоге к колебанию государственного правопорядка и защищающих и охраняющих этот правопорядок законов, вызывает ослабление силы и авторитета власти.

Уже тот факт, что бандитизм включен во второй раздел государственных преступлений, подчеркивает его основную особенность, далеко выходящую за пределы преступления, нарушающего лишь интересы частных лиц.

Точный текст ст. 58⁸ говорит о бандитизме, как об организации вооруженных банд и участии в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан. Но этот точный текст ст. 58⁸ не может исключать необходимость и правомерность квалификации в качестве бандитизма и таких преступлений, которые совершаются людьми, пробравшимися к той или другой должности, занимавшими то или другое официальное положение в системе органов управления и использовавшими это свое положение в преступных целях, путем издевательств, нанесения всякого рода обид и несправедливостей, преследования, травли и даже прямого убийства своих жертв.

Но именно так обстояло дело на острове Врангеля при Семенчуке, который вместе со Старцевым и Вакуленко, имевшими в своем

распоряжении, хотя и на легальном основании, оружие, образовали фактическую группу вооруженных людей («вооруженную банду»), позволявших себе бесчинства по отношению к населению, установивших преступно-бесчеловечный режим на зимовке и в отношении всего населения, приведших к подрыву хозяйственного благополучия и материального благосостояния населения острова, приведших к болезням, голоду и голодным смертям и завершивших свою «деятельность» предательским убийством доктора Вульфсона.

Весь характер деятельности Семенчука и его соучастников, вся совокупность творимых ими безобразий и преступлений полностью вкладывается в понятие бандитизма и дает все основания для квалификации этого преступления по ст. 59³ УК РСФСР».

Прочитывая затем телеграмму с острова Врангеля, в которой зимовщики и туземцы присоединяются к письму б. начальника полярных станций и сообщают, что до сих пор они помнят преступление Семенчука, т. Вышинский говорит: «У Семенчука был свой волчий, семенчукский закон. Вы помните, как здесь Семенчук сказал, что в условиях Арктики приходится говорить одно, а делать другое. Он, таким образом, принципиально стоит на такой позиции, что в основе отношений между людьми в условиях Арктики должны быть ложь и обман, должны быть лицемерие, предательство, двурушничество. Этот волчий закон объявил Семенчук священным законом Арктики и действовал и пытался управлять зимовкой в соответствии с этим законом. Семенчук просчитался. Его «закон» не закон Советской Арктики. Настоящий закон Советской Арктики говорит иначе и требует от людей иного, чем думает Семенчук. Это тот закон, который сформулировали охотники и зимовщики острова Врангеля в только-что мною оглашенной, полученной из Арктики телеграмме. Этот закон говорит о чувстве высокого товарищества друг к другу в этой суровой, полной опасностей, обстановке. Именно это чувство высокого товарищеского отношения друг к другу и есть основной закон Советской Арктики. Но этот закон—не закон Семенчука. Минеев сказал, что на Севере к людям вообще относятся бережно. И что еще одним законом, законом Севера и Арктики является обязанность дорожить человеческой жизнью больше, чем своей собственной.

Семенчук поправил и этот закон. Он не дорожил человеческой жизнью, а если когда-нибудь, какой-нибудь жизнью дорожил, так это только своей собственной.

Теперь анализ деятельности Семенчука, как начальника зимовки, может быть выражен многими словами—развал зимовки, издевательство, колонизаторское отношение к эскимосам, антисоветская деятельность, деятельность человека, не защищавшего интересы Советского государства, а наоборот, направлявшего свои усилия против этих интересов. Он действовал не как организатор, а как дезорганизатор, не как советский человек, а как враг Советской земли. Вся деятельность Семенчука, и это подтверждают все материалы и предварительного и судебного следствия, была направлена на подрыв авторитета советской власти, вселяя в души людей чувства обиды и тяжелых и незаслуженных оскорблений, представляя собой удар по нашим основ-

ным принципам национальной политики, по ленинско-сталинской национальной политике в целом. Семенчук в качестве начальника зимовки действовал, грубо-преступно нарушая все принципы ленинско-сталинской национальной политики, позволяя себе чудовищные извращения указаний нашей партии и вождя народов Союза ССР товарища Сталина.

На совещании передовиков колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана товарищ Сталин говорил, что «...есть, товарищи, одна вещь, более ценная, чем хлопок, — это дружба народов нашей страны...» «...А дружба между народами СССР — большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, — говорил товарищ Сталин, — народы нашей страны будут свободны и непобедимы».

Семенчук осмелился поправить эти замечательные слова, эти замечательные указания нашего вождя и учителя.

На совещании передовых колхозников и колхозниц Узбекистана, Казахстана и Кара-Калпакии по вопросу, проливающим полноту свет на принципы нашей национальной политики в наших нынешних новых условиях социалистического строительства, выступил т. Молотов. И я считаю необходимым сегодня напомнить об этом, ибо слова т. Молотова определяют наше отношение к тем извращениям, к преступным, бандитским извращениям советской национальной политики, которые допустил и продолжал систематически допускать Семенчук.

«Чем особенно велика, — говорил т. Молотов, — сила Советского союза? Тем, что трудящиеся нашей страны, принадлежащие к разным национальностям, по-братски помогают друг другу. В свое время рабочие промышленных районов центра России первыми сбросили власть помещиков и капиталистов, а затем помогли крестьянам и дехканам построить колхозы. Теперь растет мощь наших колхозов, и колхозники самых различных районов Советского союза являются в Москву с сообщением о своих больших успехах и об улучшении жизни в колхозах. На вашем примере мы видим так же, как передовые колхозники с радостью отдают свои силы борьбе за лучшую жизнь не только для себя, но и за лучшую жизнь для трудящихся всех национальностей, всех народов Советского союза.

Дружба народов Советского союза — наша великая сила в борьбе за лучшую жизнь для трудящихся нашей страны. Но мы строим новую жизнь на территории, которая составляет не только значительную часть Европы, но и немалую часть Азии. А надо вспомнить, что четыре пятых населения земного шара — 1 600 миллионов из 2 миллиардов с лишним — составляют жители Европы и Азии. Если, с одной стороны, к тому, что происходит в Советском союзе, внимательно присматриваются рабочие и крестьяне Европы, а с другой — трудящиеся Азии, как и трудящиеся других частей света, то каждый наш действительный успех в улучшении жизни трудящихся и в росте национальных культур в Советском союзе является не только вопросом борьбы народов нашего Союза, но и живым, заразительным примером для народов всего мира.

Мы можем только радоваться тому, что такие слова, как «совет» и «колхоз», стали уже понятными трудящимся во всех частях земного шара. Чем успешнее мы будем двигаться впе-

ред в строительстве новой, лучшей для трудящихся жизни, и чем больше трудящихся других стран будет знать о том, что мы достигаем этого путем уничтожения классов помещиков и капиталистов, на основе уничтожения господства одного народа над другим, на основе укрепления дружбы между рабочими и крестьянами всех национальностей, тем разительнее наш пример будет для трудящихся других стран. Мы добились этого благодаря тому, что слова «большевик» и «большевизм» сделали понятными трудящимся во всех уголках земного шара, как знамя освобождения трудящихся, как основа нашей победы».

Так говорит т. Молотов, так учит нас товарищ Сталин. А как действовал Семенчук? Семенчук сделал все, что от него зависело, сделал все, что только мог, чтобы эту национальную политику взорвать, чтобы слова «большевик», «большевизм», «советы» превратились из родных и близких каждому трудящемуся понятий в чуждые, а может быть, и враждебные понятия. Это, правда, Семенчуку не удалось. Несмотря на всю слабость коллектива зимовщиков 1934—35 г., карта Семенчука оказалась битой, преступления Семенчука оказались разоблаченными, честь и достоинство Советской страны защищены. Ваш приговор в этой части должен будет закрепить эти наши усилия по охране достоинства и чести нашей Советской земли.

Я сказал уже, что карта Семенчука оказалась битой, преступления оказались разоблаченными. Почетная роль в деле разоблачения преступлений Семенчука выпала на долю трагически погибшего 27/XII 1934 г. врача-общественника Николая Львовича Вульфсона. Разбору этого обстоятельства я уделю место несколько дальше; сейчас я только подчеркну, что результатом разоблачения преступных действий Семенчука явилось и разоблачение самого Семенчука. В период зимовки 1934—35 г. он показал себя как преступник во весь рост. Это — примазавшийся авантюрист. Об этом достаточно свидетельствует факт, которому мы не уделили достаточно большого места на судебном следствии, потому что он так очевиден, что не требует большого анализа, — это его эпизод со спекуляцией серебром, которое он пытался украсть у советского полпредства в Персии.

Напомню, что об этом говорила его жена Надежда Семенчук: «арестован он был за провоз из Персии серебра. В Персии Семенчук работал в качестве коменданта полпредства. Сколько он сидел (его тогда АзЧК арестовала), — говорит Н. Семенчук, — я не знаю. Должна сказать, что сколько я ни расспрашивала его потом, за что он сидел в ЧК, Семенчук мне ответа не давал, и разговоры на эту тему прекращал».

Это тоже не случайно. Это очень характерно для Семенчука. Это — человек, который ответов давать не любит, посвящать в свои тайны, большие и малые, никого не любит и не склонен; это — человек, который очень крепко замыкается внутри себя. Этим объясняется и та его позиция, которую он занимает на данном процессе. Он сам не отрицает истории с этим серебром, но как он ее объясняет? Это объяснение тоже совершенно в семенчуковском стиле. Это объяснение совершенно аналогично целому ряду объяснений, которые он здесь давал на процессе по дру-

гим вопросам. Например, когда его спрашивали относительно бани, превращенной им в острог, вы помните, как он уверял, что, во-первых, бани не было, что, во-вторых, если баня и была, то она не была острогом и, что в-третьих, если и был острог и если этим острогом и была баня, то он приказов сажать в баню не давал, а если и давал, то арестованные отправлялись «садиться» добровольно, «сами себя сажали». «Я не сажал, я давал приказы, а они садились добровольно», вот что он говорил про Клечкина, два раза сидевшего у Семенчука под арестом в этой бане. Вот стиль и манера «объяснений» Семенчука. Так он объяснялся и по поводу серебра. «Действительно, я из Персии привез серебро, но серебро я нечаянно нашел в дачной местности недалеко от Тагерана. Эти деньги лежали на поверхности земли в саду полпредства».

Знаете, так случайно лежат деньги, мешок с серебром, в саду полпредства. Надо обладать большой смелостью, чтобы давать такие объяснения, чтобы говорить так, как говорит Семенчук. Но Семенчук старается скрыть настоящую историю с серебром. В своей анкете и в личном деле Семенчук об этом ничего не говорит, не говорит и при приеме в партию, и в процессе партчистки. Он вообще считает, что это момент второстепенный, ничего не значащий. Я же этому моменту придаю для характеристики Семенчука большое значение. Этот эпизод лишний раз убеждает, что это — авантюрист, о котором говорил в «Очередных задачах советской власти» В. И. Ленин, когда подчеркивал, что «ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены, — без присасывавшихся к неопытным новатарам авантюристов и жуликов, хвастунов и горлопанов». Прямо списано с Семенчука.

Но Семенчук не просто авантюрист, это авантюрист вооруженный, и не только тем наганом, который он постоянно имел при себе в открытой кабуре, но и всем своим положением, служебным авторитетом, которым он так энергично злоупотреблял. А это последнее оружие — сильное оружие, порой — оружие неоспоримое. Его поведение с товарищами и с эскимосами единодушно характеризуется в очень ярких, но отрицательных красках. Его описывают все без исключения, как деспота по отношению ко всем остальным. Вы помните, сколько раз проходило на процессе указание, как Семенчук постоянно бросал фразы, что он — и суд, и прокуратура, и ПКУ и что всякого, кто посмеет его послушаться, он накажет вплоть до расстрела. Вы помните его поведение с Фельдман после трагической гибели Вульфсона? Семенчук здесь действует буквально, как разбойник на большой дороге. Ведь эту беспомощную и — правильно кто-то здесь говорил в процессе судебного следствия — раздавленную горем женщину он пытался выбросить на мыс Блассон за 100 километров от зимовки, в совершенно необитаемый пункт этого острова. Он вызывает к себе Клечкина и издает приказ: «вывести эту живоду». Клечкин, набравшись смелости, возразил: «Лучше посадите меня еще на 20 суток под арест, но не повезу я Фельдман на гибель». Так действовать, как действовал Семенчук, может только разбойник, только бандит, пробравшийся на место начальника зимовки. Но Семенчук вместе с тем трус. Это так часто

вскрывалось в процессе следствия. Семенчук — лживая натура. Я прошу вас припомнить по крайней мере 4 эпизода, имевшие место в судебном следствии, для того чтобы понять, что же из себя представляет Семенчук. Вот история ареста Клечкина. Семенчук старается доказать, что он его не арестовывал, что он его не сажал; потом оказывается, что Клечкин сам сел под арест. Это — яркий эпизод, показывающий лживую изворотливость Семенчука. Возьмем историю с выселением Фельдман. Сначала Семенчук говорил, что он не хотел ее выселять. Тогда показали ему его же приказ, в котором он клеветает на Фельдман, говорит о том, что она дезорганизует зимовку, ведет антисоветскую агитацию, отказывает в медицинской помощи нуждающимся в этой помощи, и приказывает вывезти ее в отдаленное место, которое будет объявлено потом; и уличили его в том, что он сам являлся к ней на квартиру и вручил ей предписание — немедленно собраться и выехать в район, который будет дополнительно установлен.

Семенчук хотел запятать доктора Фельдман на мыс Блассон, обречь ее на голод и холод. Это было попыткой расправиться с женой убитого доктора Вульфсона, беспощадно вскрывавшего преступления Семенчука. Но Семенчук пойман, документы на столе, отпираться нельзя. Тогда Семенчук сейчас же избирает новую версию — приказ был, но выселять Фельдман он, в сущности, не хотел. Я, говорит Семенчук, думал... Что думал? Попугать? Он боится слова «попугать» и говорит, что пугать тоже не думал.

Припомните, как Семенчук здесь крутился, как он здесь вертелся и как он каждую минуту менял свои ответы и версии, каждую минуту старался придумать что-нибудь новое. Но ни одного слова правды в его объяснениях не было.

Припомните третий эпизод — историю с выселением и изоляцией Фельдман.

Я обвиняю Семенчука в том, что, после того как он избавился от Вульфсона, он стал принимать всяческие меры к тому, чтобы не проникли на материк сведения о действительном положении вещей на острове. Он старался изолировать Фельдман: запретил ходить к ней, приказал не давать ей угля, не поддерживать с ней связи. В прямом смысле слова, он лишил ее огня и воды. Мы опята поймали его за руку. Он начал вертеться, отказываться, но в деле есть документы — в деле семь телеграмм Фельдман, не пропущенных на материк Семенчуком.

Что же Семенчук сказал в оправдание своих действий? Он сказал, что он не мог пропустить на материк телеграммы, в которых сообщается или намекается на гибель Вульфсона, что это можно было сообщить только в секретном порядке. Мы развернули эти телеграммы, изучили их одну за другой и увидели, что в них сообщались самые невинные вещи, вроде того что: «здоров ли Валерик» (сын Вульфсона от первой жены). Семенчук и тут не мог ничего ответить и должен был ограничиться молчанием. Но вот мы нашли его письмо, очень характерное письмо к Долгому, в котором он прямо пишет Долгому: «смотри в оба, Фельдман посылает на материк материал, не пропускай, все задерживай; она сама едет с большим материалом, не пропускай. Она, может быть, попытается устроиться на

острове Шмидта — знай и учти, что «я», говорит он, категорически протестую против предоставления ей работы на острове Шмидта».

Мы поймали его во лжи в трех случаях. Все эти случаи — калейдоскоп выкручиваний, попыток как-нибудь оправдаться, объяснить. Нет оправдания, нет объяснения преступным действиям Семенчука. История с тифом. Вы помните, что Семенчук послал 22/II 1935 г. в Главное управление Северного морского пути радиogramму, в которой писал: «эскимосы поголовно больны видами (?!) эпидемий брюшного тифа». «Видами» они больны. На каком основании давал эту информацию Семенчук? Абсолютно без всяких оснований. На острове Франгеля был ряд смертных случаев, но сообщение о тифе, как установлено было это дальше, было заведомой ложью, заведомо ложной информацией, вызванной боязнью Семенчука, чтобы его не раскрыли. О цынге он не пишет. Он боялся, что откроется его преступная деятельность, благодаря которой он довел население острова до голодной смерти. Ему телеграфируют из ГУСМП: «как это вы допустили развитие эпидемии, когда этого не было никогда ни при Ушакове, ни при Минееве. Примите меры к ликвидации заболеваний». Речь идет о тифе.

Семенчук через несколько дней отвечает: «заболевания прекратились, больных нет, цынга ликвидирована, было одно заболевание эскимоса, а умерло всего 5 эскимосов». Телеграмма, которую можно было бы сделать образцом лжи и изворотливости.

Таков этот Семенчук, разложившийся до мозга костей авантюрист, ни перед чем и никогда не останавливающийся в осуществлении своих намерений.

После характеристики ближайшего друга Семенчука — Вакуленко, т. Вышинский переходит к характеристике обвиняемого Старцева.

«Но около Семенчука был не один Вакуленко. Около Семенчука был еще и Старцев. Этот Степан Старцев, который здесь вот сидит на скамье подсудимых таким простачком и иногда делает над собой большое усилие, чтобы изобразить на своем лице детское простодушие и спокойствие, — хитрый, коварный и опасный человек. Старцев прикидывается простаком. В действительности, он не так прост и не так глуп, как хочет казаться».

Вспомните историю с его службой в колчаковской армии. Когда я поставил перед ним вопрос — «служил ли у Колчака», — он говорит: «нет». Когда я прочитал документ, который изобличает его службу у Колчака, он развязно, цинично, нагло-развязно заявил: «а как-раз не угадали, никогда я не служил у Колчака». Я знаю, что на кое-кого это уверенное заявление произвело даже некоторое впечатление. Разве может быть этот человек убийцей? Ведь он так искренне заявляет — не было этого. «У Колчака служили?» — «Ничего подобного, никогда». А потом — «не угадали. Не угадал? А возьмем ваши показания, Старцев, — вот что в них сообщали вы сами: «в 1918 году служил рядовым у Колчака». «Было так или нет?» — «Нет». Читаю его показания дальше: «после захвата власти белыми... служил у Колчака»... «Было это или нет?» — «Нет». У Старцева такая манера разговаривать, немного смахивающая на чудака. Если бы меня спросили, кто умнее — Старцев или Семенчук, я бы сказал — Старцев. Кто хитрее? Я бы сказал, — да

простят меня защитники одного и другого, — Старцев; хотя в остальных отрицательных качествах я отдал бы преимущество и предпочтению Семенчуку.

При выяснении этого эпизода нам надо было потратить минут 20 времени, чтобы, шаг за шагом следуя за теми фактами, которые называл сам же Старцев, привести его к признанию того, что, действительно, он был в армии Колчака. Припертый к стене, он сказал: «ну да, был в армии Колчака, выходит, что был». Это совершенно так же, как и с доктором Вульфсоном. Спрашиваю: «выходит, что вы убили?». Он говорит: «выходит». И я думаю, что выходит...

Очень хорошо Ушаков охарактеризовал Старцева:

«Старцев по своему развитию стоит низко, но нельзя сказать, что он тупой, ограниченный или глупый человек». А Ушаков его изучал в природе, «а натюрель», в природных арктических условиях. «Старцев не высоко развит». Здесь Г. А. немножко скромно. «Но он соображает, когда это нужно, и он может быть и рассудительным, особенно тогда, когда рассудительность эта направлялась в ту сторону, которая могла принести ему пользу». Это замечательная характеристика. Я назвал бы это качество Старцева кратко: умен с корыстной целью. Он умен в меру того, насколько ему это выгодно, и наоборот, когда ему невыгодно, он прилагает все усилия, чтобы казаться абсолютно неумным. Защитник Семенчука, вероятно, будет доказывать, что Семенчук никакого отношения к убийству Вульфсона не имел, что Старцев не был орудием в руках Семенчука, а, может быть, — наоборот, Семенчук был орудием в руках Старцева. Но возьмите заявление Старцева, где он писал, что «чувствуя себя оскорбленным доктором Фельдман, он требует «реабелетации». Когда мы спросили Старцева, что значит это слово, он сказал — «не знаю». Не знает, потому что это слово ему подсказал Семенчук с Вакуленко. Эта «реабелетация» ясно говорит, кто влиял на кого.

Старцев не любит работать. Эскимосы относились к Старцеву с презрением, потому что высшая добродетель у эскимосов, говорит т. Ушаков, это уметь работать, уметь жить. Они, как самое большое ругательство на своем языке, знают выражение «не умеющий жить», не умеющий добыть себе пропитание, не умеющий охотиться, т. е. не умеющий работать. «Вот Старцев вызывал к себе в силу этих качеств полупрезрительное и полунасмешливое отношение со стороны эскимосов. Старцев не всегда говорит правду, любит иногда присочинить, приврать, это еще более усиливало презрение к нему со стороны эскимосов. Это человек, которого можно было направлять в разные стороны, — говорит т. Ушаков, — то в одну, то в другую. При желании можно было направить его в сторону отрицательную с такой же легкостью и успехом». Я думаю, что т. Ушаков прав. К этой характеристике едва ли нужно что-либо прибавить. Эта характеристика абсолютно точна. Говорить правду — не в правилах Старцева. Это по-казал процесс на всем своем протяжении с первого до последнего дня. Мы имеем множество эпизодов, в которых эти качества Старцева очень ярко проявляются. Этот вот Старцев являлся, по выражению, кажется, Смир-

нова, «тайным советником Семенчука», во всяком случае очень близким к нему человеком, для которого слово Семенчука — закон. По собственному признанию Старцева — закон. Что сказал Семенчук, то и надо сделать, рассуждать нечего. Но Старцев — тип паразитический. В книге Зинаиды Рихтер «Во льдах Арктики», которую просил приобщить к делу и разрешить ссылаться на нее т. Коммодов, имеется характеристика Старцева, именно как паразитического типа. У него и вся психология паразитическая, и говорить о каких-либо моральных устоях этого человека можно только в минуту трудную судебной защиты. Мы не можем использовать в целях обвинения тех фактов, которые не были проверены судебным следствием. Поэтому я не хочу и не могу использовать в качестве обвинительного материала против Старцева те факты, которые не были проверены и абсолютно не были подтверждены судебным следствием, как, например, сообщения Фельдман, Куцевалова и др. о том, что Старцева обвиняли на острове в изнасиловании двух малолетних девочек — дочерей Палы, что приходило с жалобами на насилие со стороны Старцева и со слезами мать Ловак. Я не хочу использовать эти данные против Старцева, хотя я вполне допускаю, что это так было. Но именно потому, что я только допускаю — я не хочу их использовать. Поэтому пусть суд это сбросит со счета тех грехов и преступлений, которые совершены Старцевым и в которых он обвиняется по данным обвинительного заключения. Я уверен, что и сделанного Старцевым достаточно для того, чтобы его отправить вслед за Семенчуком.

Состояние зимовки 1934—35 гг. было неудовлетворительно. Один тот факт, товарищи судьи, что партгором этой зимовки оказался всем хорошо памятный Карбовский, говорит достаточно красноречиво о том, что из себя представляла эта зимовка 1934—35 гг., набранная в буквальном смысле слова «с бора да с сосенки». Тут, конечно, сказались отсутствие политуправления. Оно еще не было организовано в этот период времени, здесь сказались некоторая недооценка тех условий, в которых будут работать зимовщики, и отсюда такие факты, как появление на зимовке на острове Врангеля таких элементов, как Семенчук, Старцев и Карбовский. А Карбовского вы видели. Это «парторг», на глазах которого развернулась вся эта безумная кошмарная панорама безумных кошмарных преступлений Семенчука; парторг, к которому приходят пострадавшие от этих преступлений люди с просьбой, с мольбой о помощи и получают от него «миссионерский», поповский циничный ответ: «терпеть надо, братцы, терпеть». Этот Карбовский, здесь на суде начал с высоких материй, так сказать, в тоне штатного партийного оратора — «проблема кадров», «проблема подготовки», «живые люди», «внимание к живым людям», «наши задачи», «оппортунизм» и пр. и т. п.

Когда мы его спустили с этих «идеологических» высот и поставили на почву конкретных фактов и спросили: «вы видели эти безобразия? Почему не приняли никаких мер борьбы с ними?» — он смяк, скис, забормотал: «видел, боролся, недостаточно боролся», и т. д. и т. п.

Карбовский здесь хлопотал, чтобы доказать, что хотя работа его и была неудовлетвори-

тельна, зато его линия была удовлетворительной. Но у этого человека не было ни линии удовлетворительной, ни, тем более, работы удовлетворительной. Карбовский не принял никаких мер борьбы против безобразий и преступлений Семенчука. Карбовский в виде крайней меры борьбы с преступлениями Семенчука распускал производственные совещания, оправдываясь тем, что у него нехватало «последовательности», что он встал на «оппортунистическую позицию». Прямое преступление свое он хочет свести к оппортунизму. Ему это не удалось. Определение Верховсуда о привлечении Карбовского к уголовной ответственности явилось достойным уроком этому гнилому человеку — кандидату на открывающуюся после Семенчука вакансию на скамье подсудимых.

Если таков «парторг», то что собой представляла партгруппа? Если такая партгруппа, то что собой представляли зимовка и зимовщики? В результате погиб доктор Вульфсон. Но могло быть и хуже. Могла погибнуть и Фельдман, которую чуть не зарубил однажды Семенчук, ворвавшийся к ней в квартиру с топором. Зарубил бы, а потом сказал, что Фельдман белые медведи задрали...

Почему все это произошло? Это произошло потому, что зимовщики 1934—35 гг. были не люди, а какие-то людские футляры. Но этого, конечно, уже нет, это было в 1934 г. Этого не будет, это никогда не повторится. И наш судебный процесс послужит крепким уроком и тем, на ком лежит обязанность и ответственность по подбору людей для зимовки в нашей Арктике.

Вот обстановка, товарищи судьи, вот обстановка, которая позволяет сказать, что зимовка 1934—35 гг. на острове Врангеля разложилась, что она потеряла способность сопротивления и противодействия тем преступлениям, которые таким пышным цветом расцвели на острове Врангеля в бытность здесь Семенчука и Старцева. Склоки, интриги, сплетни, издевательства и подсиживание друг друга, жестокосердие, травля и молчание, молчание прежде всего — вот что было на этой зимовке.

Невольно хочется сравнить зимовку 1934—35 гг. с несколькими месяцами ледяного лагеря Шмидта, с героизмом, организованностью, величайшей советской социалистической пролетарской дисциплиной, отвагой, самоотверженностью, продиктованными глубокой любовью к своей стране, любовью к своей родине, великим пониманием задач пионеров советского арктического строительства. И, когда товарищ Сталин вместе с тт. Молотовым, Ворошиловым, Куйбышевым и Ждановым телеграфировали шмидтовцам, мужественным челюскинцам, борющимся с суровой полярной стихией, слова приветствия и поздравления, мы в этом приветствии слышали и слышим слова любви к нашей великой родине. И здесь же мы слышим слова сурового осуждения зимовщикам 1934—35 гг., оказавшимся в плену семенчукщины, слова осуждения всему «коллективу» этой зимовки, где царил развал, дезорганизация, где царил политический и моральный разврат, политическое и моральное разложение.

Единственным человеком, представлявшим собой просвет на мрачном, черном фоне этой, в моральном отношении, сплошной полярной ночи, поднявшим голос протеста, начавшим борьбу против этих безобразий и доведшим

ценою жизни своей до конца эту борьбу, был доктор Вульфсон Николай Львович и поддерживавшая его, верная его спутница Гита Борисовна Фельдман. Если бы не они, может быть, мы не так скоро и решительно сумели бы вскрыть этот позорный антисоветский гнойник! Как рисуется обстоятельством дела образ Николая Львовича Вульфсона?

До острова Врангеля это — врач Московского завода «Манометр». До острова Врангеля — это врач, сумевший, несмотря на свою молодость, стяжать себе всеобщее пролетарское уважение двухтысячного коллектива завода «Манометр». Коллектив завода «Манометр», получив извещение о том, что умер их врач Николай Львович Вульфсон, публикует письмо, в котором характеризует т. Вульфсона как чуткого товарища и прекрасного врача, которого постоянно видят и в цехах завода, и в мастерских, и в клубе, и в столовой, и в буфете. Они пишут, что они постоянно встречали его заботу, видели его неустанно выполняющим свой долг врача и общественника: «Память о докторе Вульфсоне будет долго жить на нашем заводе», — пишут рабочие завода «Манометр». Память о докторе Вульфсоне живет и на острове Врангеля, как об этом свидетельствуют присланные нам телеграммы с острова Врангеля. Память о нем будет жить в сердце каждого честного гражданина нашей советской земли.

И таким Николаем Львович был и в Арктике, героически выполняющим свой долг, борясь, не покладая рук, за здоровье и жизнь эскимосов. Надо сказать к чести его друга и спутницы Гиты Борисовны, что она также самоотверженно боролась в Арктике вместе с доктором Вульфсоном, выполняя свой долг советского врача. И стыдно и позорно было слушать, когда Семенчук, барахтающийся в океане своих преступлений пытался оклеветать Гиту Борисовну Фельдман, рассказывая, что она чуть ли не на другой день после смерти Вульфсона стала торговаться с ним об условиях, на которых она согласна остаться в Арктике. Судебное следствие полностью опровергло эту клевету, опровергнув и уничтожив все измышления Семенчука. Доктор Вульфсон был не просто врачом. Он был подлинно советским врачом, о чем прекрасно говорит документ — рапорт доктора Вульфсона на имя Семенчука от 4/XII 1934 г. За 23 дня до своей гибели доктор Вульфсон писал Семенчуку: «Ваше распоряжение о сокращении угля до полбанки для отопления квартир больной семьи служащего Таяна, где находятся трое тяжело лихорадящих больных, может привести к значительному ухудшению состояния их здоровья, а посему прошу разрешить им пользоваться углем для топлива в количестве, необходимом для поддержания соответствующей температуры в помещении, где находится больной».

Это, действительно, советский врач. Это не просто врач, который приходит к больному, щупает пульс, трогает голову, прописывает рецепт и уходит. Нет, это врач, который борется за больного, за улучшение его обстановки, способной ликвидировать болезнь и обеспечить его скорейшее выздоровление, сохранение сил и жизни больного человека.

Вот почему этот врач прописывает больным в своем рецепте и известное количество угля, а не только валериановых капель или касторового масла.

А Семенчук? А Семенчук не слушает, или, вернее, — «а Васька слушает да ест». Ведь это позор, когда комсомольцы должны были тайком таскать уголь, которого было на острове Врангеля более, чем достаточно, для того чтобы отопить квартиру, уютную хижину больного, а может быть умирающего, эскимоса и его семьи! А это было. Это мы слышали здесь на процессе: это отношение Семенчука к больным позволяет сравнивать этого человека с зверем, позволяет утверждать, что он не видел и не хотел видеть человеческой нужды, не хотел помочь человеку в нужде, хотя мог этому горю помочь. Ушаков его характеризовал, как либо сумасшедшего, либо дегенерата. Нет. Это не сумасшедший. Это не дегенерат. Это бандит, пробравшийся на высокое место начальника зимовки и действовавший там, как это соответствовало всему складу его мыслей, его характеру, желаниям, ощущениям, всему его миросозерцанию преступника. Но продолжим печальную повесть о гибели доктора Вульфсона. В том же рапорте доктор Вульфсон пишет: «Одновременно считаю недопустимым удерживать продукты, выданные в счет текущей месячной нормы (вместо нормы 9 банок молока. выдано только 5), ввиду того, что трое тяжело больных находятся исключительно на молочном питании, для которых и полная месячная норма будет недостаточна. Прошу пока выдать семье Таяна удержанные 4 банки молока». Удержанные 4 банки молока! Дальше этого цинизма идти некуда.

Такие действия доктора Вульфсона не нравились Семенчуку, вызывали с его стороны вспышки ярости и гнева. Это видела вся зимовка. Об этом говорят все свидетели.

Приведа показания свидетелей — Золотовского, Каймук, Богданова, Смирнова, т. Вышинский говорит: «Вот общий хор голосов, уличающих Семенчука во враждебном отношении к доктору Вульфсону, павшему жертвой ненависти и злобы этого человека. В этом хоре голосов, блестяще характеризующих доктора Вульфсона, есть один голос против Вульфсона, и этот голос принадлежит Семенчуку. Именно Семенчук всячески старался дискредитировать Вульфсона. Не чем иным, как этой дискредитацией была вызвана записка Вульфсона от 4/II, в которой он писал, что «в связи с создавшейся сложной обстановкой, возглавляемой Карбовским и поддерживаемой вами, систематического игнорирования меня, как врача, считаю, что возложенные на меня обязанности как в отношении медобслуживания местного населения и зимовщиков, так и в отношении научной работы — выполнить не смогу, а потому категорически прошу освободить меня от занимаемой должности и при первой возможности отправить меня с женой обратно».

Эта записка не случайна. Ведь Фельдман рассказывала, и это ничем не опровергнуто, что однажды, когда они с Вульфсоном устраивали по приезду на остров Врангеля свою лабораторию и Вульфсон помогал ей переносить ящики, в комнату с криком ворвался Семенчук со словами: «вон отсюда, негодяй, на работу». И доктор Вульфсон вынужден был оставить ящики, и Фельдман должна была носить их на своих плечах.

Фельдман показывала, что в последних числах сентября, как-раз тогда, когда Вульфсон подавал Семенчуку свое заявление, Вульфсон

пришел от Семенчука в истерике, потому что на общем собрании Семенчук клеймил Вульфсона как лентяя и лодыря, не желающего работать. Это показание Фельдман подтверждается объективными данными дела. Во-первых, в деле имеется документ за подписью Вульфсона от 24/IX и, во-вторых, имеется живой Семенчук и живое обвинение Семенчуком Фельдман в этом же духе. Ведь обвинял Семенчук Фельдман в том, что она лодырь! И нужно было поставить всех свидетелей, всех 11 человек, кончая доктором Крашенинниковым, лицом к лицу с Семенчуком, чтобы доказать, что Семенчук жлет, что Фельдман никогда не отказывала в медпомощи, никогда, ни при каких условиях, даже тогда, когда у нее была температура 40°. Даже тогда, когда у нее было маточное кровотечение, она с помощью Смирнова, Куцевалова и Ключкина шла оказывать помощь Старцеву, которого тогда уже считала убийцей своего мужа. И здесь Семенчук пытался обвинить Фельдман в тех же самых преступлениях, в которых он тогда обвинял ее публично, травя доктора Вульфсона, организовав против него общественное мнение зимовки, подготавливая почву для того, чтобы расправиться, расчитаться с доктором за его критику, за его бесстрашие, за его преданность своему делу, за систематическое разоблачение, не взирая на высокое положение начальника зимовки Семенчука и не пугаясь постоянно открытой кобуры нагана, за который Семенчук постоянно хватался, когда он к кому-нибудь обращался с каким-нибудь распоряжением.

Таков Семенчук, таков его сподвижник Старцев, таковы организаторы и исполнители смертной казни над Вульфсоном. Убийством доктора Вульфсона Семенчук доказал, что он имеет власть «вплоть до расстрела».

Я потом перейду специально к Семенчуку, я покажу, что есть данные, когда Семенчук в одном месте прямо говорил, что он покажет, как он умеет расправляться с людьми, которые позволяют себе выступать против него.

А теперь позволю перейти непосредственно к убийству Вульфсона.

Разберем версию Старцева о якобы имевшем здесь место несчастном случае. Эта версия должна быть решительно отвергнута, и раньше всего на основании показаний самого Старцева. Напомню эти показания: гибель доктора Вульфсона произошла примерно в 9—10 километрах от бухты Сомнительной. При каких условиях? В метель, пургу. Вы помните, что мы здесь на этом вопросе остановились немало. Метеорологическая сводка позволяет думать, что в это время пурги не было. Объяснения т. Ушакова говорят о том, что паземок поднимающий снег до груди, не пурга, в которой можно заблудиться. Но я согласен, что была пурга, я сразу эту защитительную позицию уступаю защите без боя. Пусть пурга была, и посмотрим, как они справятся с этой пургой.

Напомню первые показания самого Старцева от 31/XII.

В этих показаниях Старцев говорит о том, что 27/XII в 5 часов утра он с доктором Вульфсоном выехали из бухты Сомнительной на запад, по направлению к бухте Предательской. В 9 часов началась метель, паземок, и они повернули обратно; видимость была до 1 километра на равнине, а горы видны были

на 10—12 километров. Замечательная пурга! Но пусть это будет пурга, я не возражаю. На обратном пути, проехав километров 5—6, они выехали на косу, ехали по направлению с бухты Сомнительной к селению Кошка и берегу. Первым ехал Старцев, вторым—доктор Вульфсон, на расстоянии друг от друга метров 15—20. Потом Старцев рассказывает эпизод, когда врач потерял сумку, и они вернулись ее искать; не нашли и поехали дальше; как потом у Старцева сломался баран, вернее не сломался, а выскочил остов, и ему надо было его поправлять, на что ушло 15—20 минут, и как в этот момент его обогнал доктор Вульфсон. Старцев крикнул доктору: «остановись». Тот не послушал и скрылся из виду. Следом отправился Старцев, не нашел доктора и приехал в 15 часов в бухту Сомнительную. Спросил у Кмо—не приезжал ли врач, и узнал, что врач не приезжал. Дальше он показывает—и я прошу на это обратить особое внимание,—следующее: «Я, Старцев, послал охотника Кмо, чтобы он пересек дорогу и сообщил, если заметит след, догонять; а я, Старцев, поехал обратно на розыски». Таким образом, первое обстоятельство, которое бросается в глаза, это то, что Старцев, вернувшись 27/XII в Сомнительную, поговоривши с Кмо в 15 часов, т. е. в 3 часа дня, отправился сейчас же обратно на розыски якобы потерянного Старцевым доктора Вульфсона. Старцев показывал: «объехал бухту Сомнительную два раза, поехал до тундры по направлению к Сомнительной, к северо-западу, к скалам, куда мы поехали вместе, повернул обратно по льду моря; повернул обратно; время было позднее. В селение Сомнительное прибыл 28/XII в 3 часа ночи».

Следовательно, картина по первому показанию Старцева, такова: 27/XII в 9 часов утра, или около этого времени, Старцев потерял доктора, направился в бухту Сомнительную, отправил на поиски Кмо, сам обратно возвратился на поиски и продолжал поиски до 28/XII до 2 часов ночи, т. е. непрерывно искал доктора Вульфсона в течение 35 часов. Вот первое показание Старцева.

Старцев, товарищи судьи, как вы знаете, это показание дискредитирует. Он говорит, что это писал Семенчук, что он слепо подписал его, что он не знает, что тут написано и что он за это не отвечает. Но внимание Старцева при этом сосредоточивается на другом моменте—на передовых собаках, ибо здесь в конце показания 31/XII Старцев заявляет, что он обменялся с доктором Вульфсоном передовыми собаками и что передовые собаки были Старцевым отданы Вульфсону. Это обстоятельство теперь Старцев упорно отрицает, отлично понимая и зная, что будет установлено, что передовые собаки Старцева едва ли стали бы слушаться Вульфсона, и что это, может быть, в какой-нибудь степени явится против него уликой. Почему это может быть так,—я скажу дальше. И вот Старцев начинает замечать следы, отказываться от этого показания, отказываться от всего протокола целиком.

В показаниях, данном т. Шейнину в Прокуратуре Союза от 19/II, Старцев уже забыл о том, что говорил 31/XII. О событии 27/XII Старцев показывает уже иначе: здесь он рассказывает, что ехали они на разных нартах: «Вульфсон ехал рядом со мной, а затем моя нарта перевернулась и сломался баран». Ока-

зывается, остов выскочил: сломался баран — это одно, а остов выскочил — это другое. Старцев это забыл. «В это время Вульфсон меня объехал и скрылся из виду».

Позвольте кстати напомнить третье объяснение Старцева, данное уже на суде. Здесь Старцев говорит, что собаки дернули его в сторону — этого самого Старцева — и он тогда перевернулся, а Вульфсон уехал. Это уже третья версия. А почему дернули собаки? — «Не знаю». И он всегда говорит — «не знаю». А собаки не дергали, и нечего им было дергать! А почему Вульфсон уехал так быстро? Старцев сейчас же соображает: очень просто, — собаки Вульфсона, вероятно, заметили, как пробежал песец, и они побежали за этим песцом. Замечательное охотничье соображение!..

Итак, баран сломался, он начал чинить, Вульфсон его объехал. В первый раз Старцев говорил так: «я крикнул ему: — остановись». Во второй раз, в кабинете т. Шейнина, он уже добавляет: «а затем я шесть раз выстрелил из винчестера». В кабинете Шейнина — он выстрелил из винчестера шесть раз, а на суде он стреляет уже семь раз. В действительности же, он не стрелял ни одного раза, — это не может подлежать никакому сомнению, потому что первый раз 31/XII он ни звука не проронил об этих выстрелах. Не может быть никакого сомнения, что об этих выстрелах он никак не мог бы забыть 31/XII, если бы это в действительности имело место. А он, оказывается, забыл о таком маленьком факте, как шесть выстрелов из винчестера! Не может быть этого — это выдуманные выстрелы. Сами по себе они не имеют никакого значения. Но это выдумано, и это компрометирует Старцева, которому нельзя верить ни в чем.

Что же дальше? Дальше Старцев починил баран, пытался догнать доктора, но не догнал и вернулся обратно к месту поломки. Прошу на это обстоятельство обратить особое внимание.

По этому показанию Старцева выходит так: Старцев починил баран, поехал за Вульфсоном, не мог его догнать и вернулся к месту поломки, а потом обратно от места поломки вернулся туда, куда поехал Вульфсон. Зачем он вернулся к месту поломки, что он там потерял? Зачем он вернулся второй раз на место поломки? Непонятно. Очевидно, он не возвращался. Очевидно, и это выдумка.

А дальше? «Следов Вульфсона не было, я вернулся в Сомнительную, и там Вульфсона тоже не оказалось; я там заночевал, а в 6 часов утра 28-го выехал с эскимосом Кмо на розыски».

Итак, при первом показании он выехал 27-го в 3 часа и вернулся в 2 часа 28-го, а по второму показанию он нигде не выезжал, ночевал и впервые выехал на розыски только 28-го. Наврал Старцев? «Выходит так». 28-го выехал в 6 часов, однако, проехал километр и вернулся обратно. Почему? Потому, что была сильная пурга. Пурга выручает. «Я просидел сутки в Сомнительной и на вторые сутки, т. е. 29-го поехал на розыски; поискал несколько часов, не нашел и вернулся обратно. На третий день опять поехал, но искали мало, так как была пурга, а 31-го мы приехали на мыс Роджерс».

Вот как «искал» Старцев потерянного доктора. Что он делал 27-го? Спал. Это мы дока-

зали, об этом как раз говорит Кмо. Да и сам Старцев признался, что у него отмерзли ноги, и он «не поехал больше искать доктора». В первом показании говорит, что искал, а потом говорит — не искал, — как верить?

Анализ показаний Старцева и Кмо подтверждает, что Старцев ни 28, ни 29, ни 30, ни 31 декабря, т. е. в течение всех этих 4 дней никаких мер к поискам не принимал и врача не искал. В протоколе, написанном Семенчуком, описывается бурная энергия Старцева, якобы искавшего Вульфсона. Но это описание было продиктовано исключительно желанием Семенчука не дать возникнуть каким-либо подозрениям и исключить возможность проверки его действий, которая могла бы изобличить Старцева, а вместе с ним и Семенчука.

Таким образом, первое и основное в версии Старцева, утверждающего, что он потерял врача, это — то, что он, якобы, врача искал (естественно, раз потерял, надо искать), — рушится: он не искал, он не терял.

Но, если потерял и если искал, то почему же он не то показывает, что показывает Кмо? Почему он в своих показаниях впадает в грубое противоречие? Объяснить это можно только тем, что Старцев говорит неправду.

Беру второй вопрос — относительно того, что собаки доктора Вульфсона обогнали Старцева. Мы здесь вызывали в качестве эксперта т. Ушакова.

Тов. Ушаков очень полно нарисовал картину того, что могло быть и что было в действительности. На мой вопрос, мог ли доктор Вульфсон, будучи неопытным человеком в езде на нартах, получивши передовых собак, да еще лучших, чем были у Старцева, обогнать Старцева, тов. Ушаков ответил буквально следующее:

«Вульфсон мог ехать только за нартой Старцева, объехать ее он не мог и по другим еще причинам. По материалам следствия выходит, что они разлучились во время метели. В метель вообще он не мог объехать. В метель может объехать передовую нарту только опытный каюр на хороших собаках. Собаки, видя впереди себя остановившуюся нарту, не обгоняют ее, а тут же ложатся». Он сказал: «уткнутся мордой в снег и ложатся». Я допустил уже, что 27/XII была пурга. Пусть пурга была самая сильная, тогда тем более становится невероятным, чтобы собаки могли обогнать идущую впереди нарту, как это утверждает такой опытный полярник, каким является т. Ушаков, как это говорит такой опытный полярник, каким является т. Минсев. Я поставил эксперту вопрос: мог ли Вульфсон, совершенно неопытный человек, обогнать Старцева на его старцевских собаках? Это же не малозначащее обстоятельство! Ушаков сказал: «да, это могло случиться в полтора километрах от Сомнительной. В первое время после выезда, когда собаки еще были в азарте, когда они быстро бегут, когда они стараются обогнать. А во время метели, с чужими передовиками, с передовиками хозяина, который ехал тут же, этого я не допускаю».

Попробуйте опровергнуть. Пусть защита опровергнет. Я далее поставил следующий вопрос: «Если обгон имел место в 10 километрах от Сомнительной, то этот обгон не является ли сомнительным? И т. Ушаков твердо ответил: «такой обгон безусловно места иметь не мог».

Таким образом, я имею право считать, что версия Старцева о том, что доктор Вульфсон, не умеющий ездить на собаках, в метель, в пургу мог обогнать Старцева, да еще на старцевских же собаках, бита и не выдерживает никакой критики. После того, как прошла экспертиза таких компетентных полярников, какими являются тт. Ушаков и Минеев, для меня нет уже сомнения в том, что версия Старцева бита, версия эта выдумана, что нужно отбросить ее, и чем скорее, тем лучше. Не мог обогнать и не обогнал Вульфсон Старцева — Старцев это выдумал, как он выдумал такие подробности, как то, что пробежал песок, и вульфсоновские собаки, почуяв песка, побежали за ним. Это курам на-смех. Объективно это не подтверждается. Версия с потерей врача Вульфсона отпадает.

Но все-таки, может быть, ошибаются полярники Ушаков и Минеев?

Может быть, в данном именно случае сложилась такая игра обстоятельств, что, вопреки всяким правилам логики и жизненному опыту, дело пошло в ином направлении, чем это логически могло бы быть представлено? Допустим, это так. Я согласен допустить сейчас, что действительно собаки Вульфсона обогнали собак Старцева, что Старцев стрелял, кричал, потом искал доктора без конца. Доктор пропал. Но в каком виде был найден доктор? Мы это знаем. Доктор был найден обезображенным до такой степени, что Семенчук не хотел показывать его труп Фельдман. У нас имеются фотографические снимки, акты Жердева и доктора Крашенинникова и блестящая судебно-медицинская экспертиза доктора Семеновского, я бы сказал классическая экспертиза.

Мы можем не сомневаться в том, что, что бы ни случилось с Николаем Львовичем Вульфсоном. — он не замерз. Это Семенчук, клеветник Семенчук пустил слух, что доктор пьян и замерз. Когда Семенчук добивался и старался обязательно включить в акт указание на то, что у Вульфсона был найден спирт, тогда как для всякого было ясно, что это был денатурат, Семенчук фальсифицировал документы, он это делал для того, чтобы поддержать свою версию о том, что доктор Вульфсон был пьян. Но доктор не был пьян. Это установлено доктором Крашенинниковым, прилетевшим на остров Врангеля и вырвавшим отлично сохранившийся, абсолютно свежий труп доктора. Доктор Крашенинников произвел тщательное расследование, которое не могла раскритиковать и защита. Надо считать установленным и незыблемым тезис обвинения, что Вульфсон не замерз, и тем более не замерз в пьяном виде, ибо его лицо разбито, ибо его голова разбита, ибо череп треснут, ибо нос сплюснут. Мы видели здесь винчестер, аналогичный тому, который был в руках у Старцева и которым Старцев, очевидно, ухлопал доктора. Какие у меня доказательства этого? Есть ли такие доказательства? Есть. Вот они: 1. Если бы Вульфсон действительно обогнал Старцева (я хочу на минуточку допустить эту версию), запутался, заблудился, он бы не приостановил нарту и не отправился бы в неизвестном направлении пешком. Инстинкт самосохранения подсказал бы ему не уходить от собак. Инстинкт самосохранения не полярника, а человека, не потерявшего рассудка, говорит: не уходи от собак, ибо собаки — это спасение заблудившегося в неизвестной местности че-

ловека. Более того, если допустить, что Вульфсон действительно ушел от собак, то надо сказать, что он, очевидно, оказался во власти психоза; это момент умопомешательства. Тогда зачем ему было стопорить нарту? Он бы ушел в таком случае, не стопорив нарты. А стопорить нарту не прост. Тт. Ушаков и Минеев подтвердили, что это не трудно, но так застопорить, чтобы 4 дня и ночи собаки не могли сдвинуть ее с места — это требует искусства, а Вульфсон этим искусством не обладал. Мы удостоверились, что 26—27/XII он впервые ехал самостоятельно на нарте. Что вы будете делать с этой уликой? Я послушаю, как будет защита объяснять эту улику, а сейчас я утверждаю, что версия о том, что Вульфсон бросил нарту с 8 собаками и ушел в неизвестном направлении, — бессмысленная версия. Эту версию, по-моему, нельзя поддерживать, опасно поддерживать, не стоит поддерживать. Застопорена нарта как следует, искусно; застопорена нарта опытным человеком, опытным врангелевцем, т. е. простите, колчаковцем, жившим на острове Врангеля Старцевым. Это дело, требующее искусства. Нарту Вульфсона застопорил Старцев. Мы спрашивали экспертов: «Если бы нарты не была застопорена и человек ушел бы от нее, что сделали бы собаки?». Ушаков говорит, что собаки пришли бы домой сами, может быть, через день, не через день — через три, но все-таки пришли бы домой... пришли. Были случаи — приходили. Кому из нас, людям, прожившим больше полвека, неизвестны случаи, когда лошади, заблудившись в безлюдных местах, приходили домой? Версия о потере доктора неправдоподобна и категорически должна быть отвергнута. Но, товарищи судьи, есть еще одно серьезное обстоятельство против Старцева и против этой его версии, и я постараюсь разобрать все его версии по порядку, хотя это и займет продолжительное время. Семенчук удостоверяет, что когда, наконец, нашли нарту Вульфсон, то в этой нарте были запряжены передовые собаки Старцева. Семенчук не знает, что это значит. Может быть, если бы своевременно он понял это, он не сказал бы того, что сказал. Но это окончательно разрушает версию Старцева. Мы спросили т. Ушакова, как управляют собаками. Он объяснил, что на острове Врангеля собаками управляют только криком, что надо знать крик; этот крик изучить не трудно, но собаки-передовики приывают не только к крику, но и к голосу. Следовательно, голоса человека, к которому они не привыкли, они бы не послушались. Почувявши, что сидит вместо Старцева Вульфсон, старцевские передовики, запряженные в вульфсоновскую нарту, перестали бы слушаться Вульфсона, а если бы они перестали слушаться, они, конечно, повернули бы по собственным следам и пошли бы обратно. Итак, мы приходим к окончательному выводу: версия с потерей доктора не выдерживает никакой критики.

Во время метели, говорит т. Ушаков, есть опасность потерять нарту, охотник-новичок не может оставить нарту, ему лучше ехать на нарте на ту точку, где он хочет быть. Когда человек заблудился, он доверяется больше всего инстинкту собак. На вопрос, был ли случай на острове Врангеля, чтобы человек застопорил нарту и пошел пешком, — Ушаков отвечает: — это абсолютно невозможно, — а затем.

узнав, что труп доктора был найден на расстоянии 2—2½ километров от Сомнительной, т. Ушаков заявил: «Я считаю бессмысленным предположение, чтобы доктор Вульфсон мог отойти от нарти на такое большое расстояние». Тов. Ушаков пояснил, что ему за пять лет работы не приходилось уходить от нарти больше, чем на один километр, а во время метели человек вообще не расстается с нарткой. На вопрос т. Бермана, можно ли допустить все-таки, что был обгон, т. Ушаков ответил, что это бессмыслица, что во время метели на чужих собаках Вульфсон не мог обогнать Старцева. Это бессмыслица. А Старцев говорит — это не бессмыслица, а обгон, — говорит: может быть, собаки приманку почуяли, песец пробежал. На ловца и зверь бежит. Песца не было, и это Старцев выдумал здесь. Вульфсон заблудиться не мог по той простой причине, что он от нарти никуда не отходил. Но я готов допустить, что Вульфсон ушел от нарти, — ушел и заблудился. Что тогда? Тогда я спрошу, почему у него переломлен нос, почему он так обезображен, что Семенчук не хотел его показывать его жене? Может быть, он упал с нарти в пьяном виде и разбился? Это категорически опровергается. Может быть, он шел пешком, упал и разбился? Но вы слышали доктора Семеновского, который тщательно разобрал все возможные версии и все их решительно отверг. Первая — падение с нарти — исключается, как не дающая вредных последствий. Вторая — падение во время пешего хождения и ушиб о лед — исключается по характеру повреждений. Падение и удар о ребро тороса исключается, так как в таком случае имелись бы повреждения другого характера. Падение и удар о специально оказавшийся здесь камень — категорически исключается характером повреждений.

Доктор Семеновский, подробно разбиравший все варианты падения с нарти о снег, о лед, о камень, о ребро тороса, — исключает категорически происхождение этих повреждений от подобных причин. И что мне особенно здесь важно подчеркнуть — это категорически подтверждает и доктор Крашенинников, который не только — доктор, но и полярник, прекрасно знающий Арктику. Это позволяет мне говорить с уверенностью о том, что все эти старцевские версии должны быть решительно отвергнуты.

Вульфсон убит, товарищи судьи, доктор Вульфсон предательски, вероломно убит; убит 27 декабря. Возьмите акт доктора Крашенинникова, возьмите экспертизу доктора Семеновского, и вы увидите, что он убит.

Пытались построить еще такую версию, что доктор был пьян, шел и упал, разбившись насмерть. Также говорили, что гнилостный запах трупа может отбить запах алкоголя и что поэтому при вскрытии могли не обнаружить присутствия в желудке трупа алкоголя. Доктор Семеновский со всей ясностью доказал, что алкоголя не было в желудке, что гнилостного запаха не могло быть, так как желудок прекрасно сохранился и что, следовательно, Вульфсон не был пьян. Значит, он не был пьян, не упал и не замерз. Значит он убит. И вот теперь, когда мы переходим к этому последнему обстоятельству, то мы видим ряд признаков, которые объективно доказывают, что Вульфсон был действительно убит.

Вот они.

Удар, нанесенный доктору Вульфсону, был нанесен сравнительно небольшим предметом с твердой поверхностью, — это соответствует характеру ребра винчестера. Установлено также, что это был резкий, сильный, решительный удар, который не может получиться при падении, если не упасть с высокой горы, а этого, к несчастью для Семенчука и Старцева, в данном случае не было.

Наконец, мы имеем такие убедительные доказательства насильственных действий, причиненных Вульфсону, как ссадины на руках. Вы помните все возможные варианты, которые были приведены по этому поводу.

Высказывалось предположение, что у доктора Вульфсона были завязаны кухлянки, отчего образовались ссадины; или что, может быть, они образовались от привязывания трупа к нарте и т. п. Все это было тщательно исследовано и проверено, и оказалось, что все ссадины прижизненного происхождения, ссадины расположены чрезвычайно симметрично и могли образоваться либо в результате схватывания руками рук убитого или от завязывания рук убитого веревкой. Я допускаю, что убийца связал свою жертву, убил, развязал и ушел. Я допускаю это, но это только допущение, не исключающее и иных предположений. Но, товарищи судьи, никто, никогда ни в одном процессе не может потребовать, чтобы все детали преступления были установлены с фотографической точностью.

Безусловно доказано, что ссадины прижизненные и эти ссадины такого характера, который говорит о том, что они явились результатом каких-то насильственных действий. Эти ссадины, — говорит Семеновский, — с кровоподтеком; это указывает на большую силу, приложенную к тому месту, где образовались ссадины.

Доктор Семеновский установил, что ссадины не могли произойти от связывания. Перчатки не были завязаны, а рукавицы держались на тесьме, перекинутой через плечо, причем часть тесьмы — это тоже на случайное обстоятельство — оказалась на баранке, а часть кухлянки оказалась надорванной, — на это мы уже обращали внимание, а надорванная одежда также говорит о том, что тут происходила борьба.

Ссадины на руках, надрыв одежды... А расположение перчаток, винчестера и шапки? Все это оказалось разбросанным здесь и там, не оставляя никакого сомнения в наличии борьбы в наличии, вероятно, серьезного сопротивления со стороны погибшего доктора Вульфсона. Вот доказательства насильственной смерти, от которой погиб Николай Львович 27/XII 1934 г.

Я предложил доктору Семеновскому еще один вариант. Я предположил, что доктор Вульфсон действительно в пурге заблудился, ушел от нарти, не мог найти выхода, что его охватил какой-то безотчетный страх смерти, какое-то паническое состояние. Кто бывал в тяжелых жизненных передерягах, тот знает, что такие минуты возможны, когда человек готов от ужаса кричать на весь мир. Я предположил, что доктор Вульфсон, имея в руках винчестер, — вы помните, что один патрон был использован, один патрон оказался выстреленным, — стал стрелять в воздух для того, чтобы обратить внимание на свое тяжелое положение, что получилась отдача, причинившая доктору смертельное ранение. Эта версия тоже

исключена. Доктор Семеновский показал, что характер повреждений исключает мое предположение, тем более, что доктор был ворошиловским стрелком. А какой ворошиловский стрелок стал бы стрелять, прикладывая ложе к носу?

Что же остается? Что еще может быть? Скажите, что еще может быть, чем можно подтвердить, что смерть была не насильственной? Не может быть ничего.

Смерть доктора насильственная. Доктор Вульфсон не упал, не замерз, не расшибся. Доктор Вульфсон убит предательской рукой. Это не подлежит никакому сомнению. Итак, я прихожу к выводу, что доктор Вульфсон убит. Нет никаких оснований для какой-либо иной версии, никаких нет в деле данных, которые позволили бы говорить о том, что здесь несчастный случай, что доктор Вульфсон погиб вследствие несчастного и трагического стечения случайных обстоятельств. Доктор убит, и это не подлежит никакому сомнению. Мы должны ответить теперь на следующий вопрос: кто же его убил?

Анализ улик против Старцева дает достаточно оснований, чтобы и на этот вопрос дать совершенно отчетливый, ясный, твердый и категорический ответ. Кто мог убить доктора Вульфсона? Надежда Семенчук хотела в этом отношении нам помочь. Она сказала: «вероятно, шаман». Почему шаман, откуда взялся шаман и откуда взялся именно в последний день судебного следствия, несмотря на то, что расследование велось достаточно длительный срок и давным давно всех духов и чертей можно было бы вывести на чистую воду? Конечно, никакого шамана не было, и оснований говорить о том, что убил доктора кто-нибудь из эскимосского населения, хотя бы шаман, решительно нет никаких.

Старцев выдвигает другую версию. Он даже вполне допускает, что после того как он потерял доктора, доктора действительно убили. Он говорит так: «выходит, что его убили». Но кто же убил? По мнению Старцева — убил Вакуленко. Вероятно, эту позицию будет он поддерживать до конца и, вероятно, мой уважаемый противник, т. Казначеев, попытается обосновать эту версию. Это будет интересно.

Я заранее могу сказать, что версия о том, что Вакуленко был физическим убийцей доктора Вульфсона, исключена. Почему? Можно допустить, что Вакуленко принял участие в убийстве Вульфсона. Первое, что может дать основание для такого рода предположения, — это указание на то, что Вакуленко в день гибели доктора куда-то уезжал. Во время судебного следствия выдвигалось предположение, что Вакуленко ездил именно туда, где оказался убитым доктор, убил его и вернулся домой, в бухту Роджерса.

Это предположение мы тоже подвергли анализу. И что же получилось? Получилось, что никаких, сколько-нибудь твердых данных, подтверждающих отъезд Вакуленко, нет. Нет данных, которые говорили бы о том, что действительно, Вакуленко в день убийства Вульфсона куда-нибудь уезжал. Был разговор об его отъезде на север. Но если Вакуленко уезжал на север, то это одно доказывает, что он не мог быть на западе, а убил доктор был ведь на западе. Конечно, можно сказать, что убил шаман, Вакуленко или еще кто-нибудь, но в деле данных для этого никаких нет,

и данные дела такого предположения подтвердить не могут.

Убить мог только Старцев. И Старцев мог убить, раньше всего по всем тем обстоятельствам, которые здесь были уже достаточно подробно нами разобраны.

Повторяю кратко: если, действительно, исключается возможность обгона доктором Вульфсоном нагты Старцева, то исключается потеря Старцевым доктора. Если исключается потеря Старцевым доктора, то, следовательно, они не были разъединены. Если они не были разъединены, то значит Старцев был с Вульфсоном в момент его смерти. Если Вульфсон умер насильственной смертью, то, следовательно, единственно, кто мог эту насильственную смерть причинить, был Старцев, ибо никого кроме Старцева здесь не было.

Характерна здесь позиция самого Старцева. Я должен обратить внимание суда на то, что Старцев ни разу, в сущности говоря, на судебном следствии категорически своего участия в убийстве д-ра Вульфсона не отрицал; он говорил: «я потерял», он говорил: «я удара не наносил». Но он нигде ни разу не сказал: «я никакого вреда доктору не причинил».

Кроме Старцева — убить доктора было никому. Старцев, конечно, отлично понимает безвыходность своего положения. Он поэтому выдумывает шамана или Вакуленко. Обосновать физическое участие того или другого, видимо, невозможно. Была на судебном следствии попытка поставить вопрос так — не Семенчук ли сам убил доктора? Именно в этой связи ставился вопрос о выезде Семенчука из Роджерса 25 или 27 декабря, якобы для проверки приманок для песцов. Я считаю, что и это предположение надо отбросить. Семенчук 25-го уехал — это верно, но он в тот же вечер вернулся, — так говорят все. У нас нет оснований сомневаться в этом. Есть предположение, что он вторично выехал 27-го. Но, во-первых, это только предположение; он сам это отрицает, а данных, что он действительно выезжал, — у нас нет. Поэтому я отвергаю предположение, что Семенчук выезжал для того, чтобы непосредственно принять участие в убийстве доктора Вульфсона. Да это ему и не нужно было, не нужно было самому Семенчуку демонстрировать перед всеми, кто случайно мог его встретить, свой отъезд в том же направлении, куда уехал доктор, куда уехал Старцев. Это была бы лишняя улика, абсолютно для Семенчука невыгодная. Старцев прекрасно справился с доктором один. Помощь Семенчука ему здесь была не нужна, как не нужна была и помощь Вакуленко. Вот почему на вопрос: «кто убил», я, не колеблясь, отвечаю: доктора убил Старцев. Старцев непосредственно убил доктора Вульфсона. Я обвиняю Старцева в преднамеренном и предательском убийстве доктора Вульфсона.

Какова же здесь роль Семенчука? — Для обвинения Семенчука важно установить ряд обстоятельств. Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, я хотел бы напомнить некоторые замечательные места из исторической книги Уильяма Уилза «Опыт теории косвенных улик, объясненных примерами». Из этой книги я для себя черпаю в целом ряде случаев немало поучительных данных в области уголовного процесса и прихожу к поучительным выводам.

Уилз пишет, что «каждое действие, подлежащее суду, должно быть совершено в известном времени и пространстве, что должны быть поводы к этому действию, приготовления к нему, предметы преступления и орудия, которыми оно совершено: все это, как и средства, употребляемые для того, чтобы избавиться от законного преодоления — бегство и укрывательство... и бесчисленное множество других обстоятельств, имеющих связь с поведением человека и с нравственным, общественным и физическим его положением, — представляет основания для суждения».

Уилз говорит о том, что «нет никакой возможности исчислить бесконечное множество обстоятельств, которые могут служить уликами, потому что они также разнообразны, как видоизменения и комбинации событий в действительной жизни». Но, говорит он, в уголовном процессе все важно: «все поступки подсудимого, все, что бросает какой-нибудь свет на его поведение, все действия других лиц, прикосновенных к делу, все, что дошло до сведения подсудимого и могло иметь влияние на него; его дружеские и враждебные отношения, правдивость его речей, угрозы, лживость его оправданий, притязаний и объяснений, его наружность, тон речи, молчание на вопросы, все, что может объяснить связь между этими частностями, и, наконец, каждое обстоятельство, как предшествовавшее и современное преступлению, так и последовавшее за ним, — все это представляет обстоятельственные или косвенные улики».

Вот как широк круг обстоятельств, которые могут и должны быть исследованы в качестве улики по каждому делу и, в том числе, по такому делу, как настоящее. Тщательное и всестороннее исследование этих Улик несомненно может гарантировать успешное расследование преступления, так как сила и значение косвенных улик — при известных условиях — огромны.

«Сила и значение обстоятельственной улики, — замечает по этому поводу Уилз, — заключается в несовместимости и несообразности какого-либо другого объяснения известного факта, кроме предположения, в доказательство которого она представляется».

Это замечание глубоко верно. В нем заключается один из важнейших принципов теории косвенных улик, и я не вижу никаких оснований отказываться от пользования этим принципом и всей этой теорией и в данном деле.

Наличие в деле лишь косвенных улик создает громадные процессуальные трудности, но они неизбежны, с ними необходимо считаться, их надо уметь преодолеть. Да, в этом деле имеются лишь косвенные улики, отдельные черточки, отдельные замечания, обрывки мыслей или фактов.

Все эти кусочки и обрывки нужно собрать воедино, сопоставить друг с другом и с другими фактами, дать их анализ и синтез, привести в одну систему, в одно гармонически целое. Будучи гармонически сведены в систему, косвенные улики вырастают в страшную, неотвратимую силу, превращаются в цепь доказательств, окружающих обвиняемого глухой стеной, через которую нельзя прорваться, нельзя никуда уйти. Но для этого улики должны быть сами по себе безупречны и гармоничны, логически между собой связаны, должны быть связаны между собой всеми своими

звеньями. Одним из важнейших таких звеньев является **мотив преступления**.

Вот с точки зрения этих принципов уголовного процесса, с точки зрения этого доказательного процессуального права, в основном, несомненно, обоснованного огромнейшим опытом судебного разбирательства, я и хочу подойти к рассмотрению ряда обстоятельств, которые необходимо понять, объяснить и соединить в цепь обстоятельств, изобличающих Семенчука в убийстве доктора Вульфсона.

Первый вопрос, который я ставлю, — это вопрос о мотивах преступления, это то, что выражено было еще в римском праве в формуле *cui prodest?* — «Кому на пользу?», — в чьих интересах совершено преступление?

Не следует думать, что в каждом деле легко открыть мотивы преступления, побуждения, которые можно было бы считать вполне достаточными, особенно с точки зрения, как говорит Уилз, правил нравственности. Кроме того, нужно иметь в виду, что «сущность нравственности и спорченности в том и состоит, что при ней являются ложные представления о предстоящих выгодах, а потому между предментами желания, средствами, употребляемыми для приобретения их, нет правильного отношения. Кинжал убийцы можно купить за несколько червонцев; между теми и другими побуждениями к преступлению может быть только качественная разница».

Установить мотив не так легко и не всегда возможно. Известна категория так называемых «безмотивных» преступлений, т. е. таких преступлений, в которых мотив оказался не установленным. Тем не менее мотив в каждом преступлении, если оно совершено не в состоянии невменяемости, должен быть и не может не быть. Это так же верно, как и то, что все же в ряде случаев мотив остается нераскрытым. В данном случае с мотивом обстоит дело благополучно. На вопрос *cui prodest?* я отвечаю: «Семенчуку», — и это я постараюсь детально обосновать. Больше того, я постараюсь доказать, что убийство Вульфсона было в интересах только Семенчука, и никого другого.

Убийство совершено по мотивам, которые руководили Семенчуком. Оно совершено по мотивам, которые совершенно отчетливо установлены нашим процессом, которые не подлежат никакому сомнению, достоверность которых является совершенно очевидной.

Мотив один — устранить доктора Вульфсона как опасного разоблачителя Семенчука, как бесстрашного критика семенчуковщины. Это обычный мотив, когда оружие убийцы направляется против общественного деятеля, когда оружием убийцы руководит стремление убрать с своего пути ненавистного ему и опасного разоблачителя его преступлений. Мотив здесь один — ясный, отчетливый; устранить доктора Вульфсона за критику, за борьбу против семенчуковщины, против безобразных преступлений, которые творил Семенчук вместе с Вакуленко, вместе со своим адъютантом Старцевым; еще Крохин остался в тумане, мы его не нашли, — в обществе таких фигур, как Надежда Семенчук, фигурировавшая здесь в качестве свидетельницы и сейчас привлеченная также к уголовной ответственности.

Какие основания у нас говорить, что этот мотив бесспорен?

Обратимся к показаниям свидетелей. Я возьму только четверых: Золотовского, Куцевалова,

Богданова и Каймука. Я не беру Фельдман, — она жена трагически погибшего человека. Я не беру Фельдман, — она сама пережила ужасную травлю и бесчинства Семенчука, и может внести в свои объяснения вполне законный и вполне понятный, но все же субъективный момент. А я хочу отказаться от всякого рода наскоков, которые могут помешать суду найти полную и безусловную истину. Я поэтому отбрасываю все, что может поколебать эту задачу, и беру показания только четверых абсолютно объективных людей: Золотовского, Куцевалова, Богданова и Каймука. А что они говорят?

Они говорят: мы подозревали убийство Вульфсона, потому что считали, что здесь имела место расправа Семенчука с Вульфсоном, как с человеком, который его разоблачал и в будущем может разоблачать. А были ли действительно основания для разоблачения Семенчука? Были. А были ли основания для Семенчука бояться именно Вульфсона, как разоблачителя? Были. Я показал уже, что среди зимовщиков 1934—35 гг. был один смелый человек, способный на разоблачение, хотя бы ценой своей жизни, хотя бы с риском собственной жизнью, — это доктор Вульфсон. Семенчук это прекрасно понимал и чувствовал. И поэтому все единодушно говорят, что ненависть, не просто недовольство, не просто недоброжелательство, а именно ненависть к Вульфсону руководила Семенчуком во всех его действиях и поступках.

Куцевалов говорил на суде: «Я считаю, что убийство Вульфсона организовали Семенчук и Вакуленко». Я с этим согласен; я не исключаю, что Вакуленко участвовал в организации этого убийства вместе с Семенчуком. Это подтверждается одним обстоятельством, связавшим обоих, о котором я буду говорить дальше.

«Бывший в качестве физического исполнителя Старцев, способный на все, очень скрытный, упрямый, я бы сказал, и лживый, который никогда не сознается». Куцевалов утверждает, что Старцев притворяется дурачком, что он хитер и способен на всякие преступные комбинации.

Богданов: «Слово Семенчука было для Старцева законом».

Каймук: «Мое и других зимовщиков убеждение, что в данном случае имела место расправа Семенчука с Вульфсоном, как с человеком, критиковавшим его действия». Вот мотивы убийства.

Мотив налицо, мотив установлен. Мотив подтвержден доказательствами. Этот мотив никоим образом, чтобы здесь ни говорили, пельзя поколебать. Нам могут сказать, что все свидетели лгут, что 98% их показаний — ложь. Так пробовал защищаться Семенчук. Но разве это может кого-нибудь убедить? Мотив преступления, который толкал Семенчука на убийство доктора Вульфсона, таким образом, можно считать абсолютно установленным. Он налицо. Не только показания свидетелей — рапорт самого Вульфсона, не только рапорт самого Вульфсона — письмо, которое в ночь на 26 декабря было им написано — все это говорит с абсолютной ясностью, что мотив установлен с точностью. Утром 26/XII доктор Вульфсон уехал в бухту Сомнительную. Доктор Вульфсон оставил в бумагах на своем столе, для того чтобы не пугать свою жену возможной, надви-

гающей на него катастрофой. — письмо. Это письмо вычеркнуть из ряда улики пельзя. А это письмо говорит: «В случае моей гибели, прошу винить только Константина Дмитриевича Семенчука». Откуда это знал доктор? Он это чувствовал. Он чувствовал, что он — центр ненависти, центр преследования, центр борьбы, которую вел против него, доктора Вульфсона, именно Семенчук. Он, вероятно, хорошо понимал, что Семенчук, который кричал на весь остров и не встречал никакого противодействия ни с чьей стороны, кроме как со стороны Вульфсона, что «я и ГПУ, я и суд, я и прокуратура, я — вплоть до... расстрела», ни перед чем не остановится... И Вульфсон, подозревая что-то неладное в своей командировке на мыс Блассон, оставляет письмо с прямым обвинением Семенчука в убийстве. Это серьезная и опасная для Семенчука улика.

Такая была обстановка на острове, когда все буквально трепетало перед Семенчуком, когда парторг на карачках под стол лазил.

Можно ли в условиях такого режима допустить, чтобы кто-нибудь осмелился пальцем шевельнуть против Семенчука? Это было бы совершенно невероятным, как невероятно было бы предположение, что на острове кто-либо мог задумать и осуществить убийство одного из зимовщиков за спиной Семенчука, без его ведома и благословения, за свой собственный риск и страх!..

Без Семенчука в этих условиях убийство совершено быть не могло. Но одних этих соображений мало. В деле достаточно данных, чтобы утверждать, что Семенчук систематически подготавливал убийство.

Какие это данные? Вот они.

Во-первых, установлено, что 26/XII Вульфсон уехал не по собственной своей инициативе, а по прямому приказанию Семенчука. Семенчук пытался доказывать обратное: Семенчук понимает, что при известных условиях это обстоятельство не может не быть серьезной уликой, поэтому Семенчук пытался доказывать, что доктор Вульфсон уехал по собственной инициативе.

«Вызова в больницу, — говорит Семенчук на первом допросе, — не было, и врач уехал по собственному желанию. Вызов был 15/XI, а 26/XII врач выехал по своей инициативе для научной работы». Я подчеркиваю последнее обстоятельство, ибо на суде он сказал, что Вульфсон выехал не для научной работы, а для оказания помощи больным.

Семенчук говорил: «я не настаивал на отъезде Вульфсона, он уехал по собственному желанию».

Так можно считать установленным, что Семенчук хотел доказать, что отъезд был по инициативе самого врача Вульфсона, и что он тут не при чем.

Надежда Семенчук говорит: «отъезд Вульфсона был вызван необходимостью оказать помощь больному туземцу в бухте Сомнительной. Я это слышала от мужа, который узнал это от приехавшего туземца».

По этому показанию, инициатива отъезда уже приписывается Семенчуку, который узнал о болезни какого-то туземца от приехавшего в бухту Роджерса. Итак, узнал о болезни кого-то от приехавшего туземца Семенчук. Это обстоятельство я прошу запомнить. Оно имеет большое значение, так как судебное следствие установило, что в эти дни никто

из туземцев с сообщением о чьей-либо болезни не приезжал, и, следовательно, никто Вульфсона к больному не вызывал. Но также установлено, что именно Семенчук пустил слух о приезде туземца и вызове доктора.

Это подтверждает и Старцев, показавший: «помню хорошо, что Семенчук велел доктору уехать к больному туземцу в бухту Предательскую».

Можно считать установленным, что отъезд доктора был по инициативе Семенчука, который установил, якобы, необходимость выехать для оказания помощи больному сыну Тагью, так как, якобы, сын Тагью болен и ждет в Предательской врача, которого он просил прислать. В действительности было не так; в действительности никакого вызова к больному сыну Тагью не было, потому что 29-го на мыс Роджерс приехал сам больной Тагью и заявил, что никакого врача к себе не ждал и, следовательно, никак не мог его вызывать.

Поэтому я считаю совершенно установленным то обстоятельство, что выезд доктора Вульфсона 26/XII в Предательскую был действительно предательским. Он был организован Семенчуком, который сослался на якобы полученный им вызов доктора из бухты Предательской. В действительности никакого вызова не было, хотя сын Тагью был действительно болен. Но он сам выехал в Роджерс, куда и приехал 29/XII, разъехавшись с доктором в пути.

Зачем же Семенчуку было выдумывать этот вызов? Зачем нужно было ему скрывать истину? Затем, что это была одна из улик и остается одной из улик, которая действительно изобличает Семенчука в подготовке к убийству доктора Вульфсона.

Фельдман говорит: «24/XII возвращался Вульфсон от больных. Подходит Старцев и говорит: есть распоряжение от Семенчука отправиться в бухту Предательскую к сыну Тагью и на мыс Блассон к Ноко; есть приказ Семенчука немедленно собраться». Это все подтверждает и Старцев. У нас есть подтверждение, что никто доктора к Тагью не вызывал. У нас есть показания Тагью, переведенные Поповым, и из этих показаний совершенно отчетливо вытекает, что никто доктора не вызывал.

Свидетель Смирнов показывал здесь, в каких условиях был организован отъезд доктора «к больному». Это действительно кошмарные условия. Доктору пришлось выдерживать целую баталию с Семенчуком, — по поводу чего? По поводу кухлянки и спального мешка, которых не хотел доктору дать Семенчук, отправлявший доктора чуть-ли не за 100 километров. Идет ссора, идет спор. Этот спор идет на глазах многих людей и всеми подтвержден. Семенчук отправляет доктора чуть ли не в летних брюках. Свидетель Смирнов говорит, что доктору дали обычный тулуп, но в таком тулупе ехать в командировку было нельзя. «У нас в Ленинграде, — говорил Смирнов, — дворники ходят в таком тулупе, походят, походят и идут греться. Тулуп в тундре — преступление». И вот в таком дворничьем тулупе Семенчук хотел отправить доктора Вульфсона на мыс Блассон!

Мы имеем рапорт Вульфсона от 3/XII 1934 г. Конечно, Вульфсон не мог предположить, что он погибнет 27/XII, не мог предположить, что

Семенчуку будет предъявлено обвинение в убийстве и что обвинители используют этот рапорт, чтобы поддержать обвинение против Семенчука. В этом рапорте доктор Вульфсон писал: «Ставлю вас в известность... полученные меховые брюки малы, я в дальнейшем к больным в плановом порядке выезжать не буду... я отморозил правую пятку».

Вот почему эта улика, говорящая о том, что сама подготовка событий 26/XII имела плановый характер, носила заранее обдуманый характер, позволяет говорить о том, что Семенчук в этом деле участвовал полностью.

Я хочу обратить внимание еще на одно подзвучивающее обстоятельство. Вы помните, что 24/XII в Роджерс приехал Таграк и Етуй за керосином. Они с запада приехали за керосином на мыс Роджерс. Если бы они получили керосин и уехали обратно, то возможно, они были бы спутниками Вульфсона и Старцева. Приобретает силу обвинительной улики тот факт, что 25/XII Семенчук Таграка и Етуи, приехавших с запада, отправляет за керосином на север, где керосина не было, если не считать полумифической бочки, якобы выброшенной на остров после гибели «Челюскина». Но если даже допустить, что там была бочка с керосином, то, спрашивается, зачем за этой бочкой посылать из Роджерса людей, когда керосин был на Роджерсе?

Мало здесь логики. Семенчук говорит: «бочка текла, и поэтому нужно было послать туда за керосином». Кто там отпустит этот керосин? — Аналько; но Аналько, говорят, этот керосин считал своей собственностью. Семенчук путает. Сначала он говорил, что послал на север за керосином, а потом на суде стал говорить, что послал не за керосином, а на охоту за медведем, что вызвало улыбку на лицах Ушакова и Минеева, подтверждавших, что в январе месяце за медведями на острове не охотятся. Явное противоречие, которое не в пользу Семенчука. Тогда Семенчук дал новое, третье по счету, объяснение: он послал за охотниками, чтобы организовать поиски пропавшего доктора. Но как бы то ни было, Вульфсон пропал и надо искать. Как же ищет доктора Семенчук?

Раньше всего, надо считать совершенно установленным, что Семенчук вечером на поиски отправляться и отправлять кого-нибудь не хотел, — показания Фельдман и показания Куцевалова и ряда других свидетелей говорят о том, что Семенчук предлагал поиски доктора отложить до утра, и что только под напором вот этих уже встревожившихся людей, почувствовав, что он попал в очень тяжелую обстановку, — он согласился и организовал этот выезд 31/XII в 11 час. вечера.

Что говорит Фельдман? «Несмотря на мои просьбы разрешить мне выехать на поиски, Семенчук мне это запретил, не желая, видимо, чтобы я видела труп».

Семенчук хотел, чтобы на поиски врачей поехали одни туземцы. Когда я потребовала, чтобы сам Семенчук тоже поехал, то он крикнул: «с кем вы разговариваете, кому вы указываете». Я ответила: «Губернатор вы — здесь, а в Москве я с вами поговорю». Видимо, испугавшись, Семенчук решил ехать, но потом отложил отъезд на утро.

Я начала протестовать, и Семенчук тогда выехал в 11 час. ночи. Старцев и Вакуленко остались. 1-го Старцев поехал в бухту Род-

жерса к Семенчуку, а Вакуленко поехал на север. Вернувшись оттуда, Вакуленко поехал на запад, несмотря на мой отвод. И Паля и Куцевалов нашли застопоренную нарту, но труп не было; 2-го и 3-го продолжали «поиски», но «не нашли», 4-го Вакуленко приехал и сразу нашел труп.

И Куцевалов подтверждает, что Семенчук хотел отложить розыски до следующего дня. И Смирнов подтверждает, что Семенчук хотел отложить розыски до следующего дня.

Я хочу отказаться от всякой предвзятости, от всякой презумпции; оценим объективно поведение этого начальника острова. Ему заявляют, что пропал доктор, заявляют в четыре часа дня. Кому придет в голову отложить поиски, тем более, что прошло уже 4 дня после его пропажи, когда каждый час последующего промедления решает и жизнь пропавшего человека? Кому же придет в голову, добросовестно рассуждая, — отложить поиски до утра? А Семенчук откладывает поиски до утра, он не хочет ехать, и если едет, то только благодаря настойчивым требованиям ряда лиц, раньше всего Фельдман, потом Куцевалов и других.

Вы помните, товарищи-судьи, как стоял вопрос о том, почему не был направлен Семенчуком Старцев по тому направлению, где был потерян Старцевым доктор Вульфсон. Вопрос вполне законный: если я где-нибудь что-нибудь потерял, никто лучше меня не определит, где я потерял. Если допустить, что Старцев потерял врача, — самое естественное, что и на поиски врача будет отправлен раньше всего Старцев, и именно туда, где Старцев потерял этого доктора. И поэтому мы на судебном следствии над этим вопросом достаточно долго бились. Мы хотели выяснить, почему, в самом деле, Семенчук отправляет на запад Кмо, отправляет на запад еще одну нарту, отправляет три нарты на запад, а нарту со Старцевым направляет не на запад, а прямо в противоположном направлении, т. е. на восток.

Семенчук говорит: «я это сделал потому, что в тот момент, когда Старцев приехал в Сомнительную, все нарты были распределены и отправлены на места. Я отправил три нарты на запад, три на север и, следовательно, мне нельзя было отправлять четвертую на запад или на север, и я направил эту новую нарту на восток, чтобы охватить всевозможные направления и районы поисков». Это объяснение казалось вероятным, правдоподобным, и мы склонны были этому поверить. Но вот пришел Куцевалов, который нашел нарту погибшего доктора, и подтвердил; и вслед за тем подтвердил это и Старцев; и вслед за тем замолчал Семенчук...

Что сказал Старцев, что сказал Куцевалов? Они сказали, и Семенчук этого опровергнуть не сумел, что в тот момент, когда Старцев приехал в Сомнительную, нарты еще не уезжали ни на запад, ни на север. Старцев видел Куцевалова с его нарткой, он видел и другие нарты, и тем не менее Семенчук не послал Старцева в то место, где он его потерял, а послал его по противоположному направлению. Зачем? Семенчук объяснить не смог. Объяснения Семенчука были опровергнуты. Ясно, что Семенчук не хотел, чтобы сравнительно быстро доктор был найден, ибо он полагал, что чем дольше его будут искать, тем будет лучше с точки зрения результатов реализации

и осуществления задуманного Семенчуком преступления. Самый факт лжи по этому эпизоду целиком и головой выдает Семенчука.

А как он направляет на поиски Куцевалова? Он направляет Куцевалова тоже в противоположную сторону. Это тоже улика против Семенчука. В результате того, что рассказал и объяснил Семенчук Куцевалову о направлении, по которому нужно ехать на поиски доктора, Куцевалов никогда бы не нашел доктора. Куцевалову было дано указание ехать по прямой, параллельной линии берега. Куцевалов сообразил, что параллельно берегу ехать нельзя, ибо здесь никак нельзя обнаружить следы нарты доктора. И он совершенно правильно поступает, взяв направление на пересечение с возможными, отыскиваемыми следами.

Куцевалов сделал правильно, а Семенчук посылал его по ложному направлению. Может быть, это случайность? Но случайность хорошо допустить раз, два, но двадцать две случайности, допускаемые обвиняемым, превращаются уже в двадцать два несчастья для обвиняемого.

Главным деятелем в поисках Вульфсона оказался Вакуленко. Вакуленко отводят все зимовщики — Семенчук доверяет ему поиски доктора, и он, действительно, находит труп Вульфсона.

Я считаю неправильным предположение, которое, как мне кажется, будет выдвигать защита о том, что Вакуленко убил доктора Вульфсона, но мне не так важно сейчас спорить по этому вопросу, как важно подчеркнуть то обстоятельство, что Семенчук с Вакуленко несомненно были одинаковой точки зрения на необходимость устранения доктора Вульфсона. Не исключено, — это прямо вытекает из материалов дела, — что Вакуленко был посвящен в тайну гибели доктора Вульфсона. Не исключено даже и его подстрекательство к убийству доктора, его задушевные разговоры и тайные намерения убить доктора, используя с одобрения и по прямому указанию Семенчука для этой цели такого подходящего для «сих дел мастера», как обвиняемый Старцев. Ясно, что в этом отношении именно Вакуленко был для Семенчука «разлюбнейшим» следователем по важнейшим делам».

Куцевалов показывает, что несмотря на единодушные требования не допускать Вакуленко к расследованию, Семенчук его допустил. Когда Вакуленко нашел застопоренную нарту и когда труп Вульфсона привезли на мыс Роджерса, был разговор между Семенчуком и Вакуленко о том, чтобы труп бросить в лунку, — разговор, который не может не вызывать известного и весьма серьезного подозрения. Странно и то, что когда прибыли в бухту Сомнительную, то оказалось, что здесь застали около трупа Вульфсона Вакуленко в полуныном виде и Тагью, впоследствии умершего при невыясненных обстоятельствах. А обыск трупа, который производил Семенчук с Вакуленко, изрезав до локутов всю одежду, в которой был найден погибший доктор! Старцев показал, что когда труп лежал на нарте, Семенчук начал производить обыск и на вопрос Старцева: «зачем?» — ответил: «не твоё дело». По поведению Семенчука, говорит Старцев, можно было понять, что он чего-то искал. Что он искал? Может быть документы,

записки, письма. Может быть он искал ту записку, которую Вульфсон оставил на столе в бумагах, где обвиняет в своей гибели никого другого, как одного Семенчука? Трудно сказать, так как ни Семенчук, ни Вакуленко протокола «осмотра трупа» здесь не составили; но если бы они такой протокол и составили, то какую ценность имел бы этот протокол? Свидетелей нет, своя рука — владыка...

Но Семенчук идет на прямой подлог. Обнаруживши бутылку с денатуратом, он пишет в акте, что это спирт. Это нужно было ему для того, чтобы доказать, что доктор Вульфсон был пьян, для того, чтобы версия Семенчука о разбившемся и замерзшем пьяном докторе получила больше достоверности и вероятности. А что делает Семенчук дальше?

Несмотря на то, что Фельдман упорно добивается присылки из Москвы для следствия незаинтересованных в деле лиц, Семенчук упорно это отстраняет, упорно устраняет эту возможность, не пропуская ее телеграмм в Москву, всячески стараясь изолировать Фельдман. Семенчук никого, кроме Вакуленко, не допускает к расследованию даже на пушечный выстрел.

Я хочу обратить внимание Верховного суда и на следующее обстоятельство: мы здесь подробно исследовали, как это потерял Старцев доктора, и я не могу не напомнить вам, пользуясь стенограммой одного из наших последних заседаний, следующий диалог, который произошел между обвинением и Старцевым.

Я спросил Старцева — не говорил ли вам Семенчук что-нибудь по поводу доктора? — «Нет».

Второй раз спросил: а не предлагал ли вам Семенчук потерять доктора? Старцев говорит: — «Так». Тогда председатель суда т. Берман переспросил Старцева: «Обвиняемый Старцев, вам Семенчук говорил по поводу доктора?» — Старцев: «Да, он сказал: — оставьте его в дороге».

Прошу обратиться к стенограмме.

Я понимаю, что это не очень приятно для защиты, но что же тут делать, я стенограмму держу в руках.

Старцев передавал нам здесь, подтвердивши свои показания на предварительном следствии, что он слышал разговор Семенчука с Вакуленко. Труп Вульфсона, говорит Старцев, я привез по распоряжению Семенчука в Роджерс и хотел положить на квартиру. Тогда Семенчук категорически предложил положить в склад, говоря: «брось в склад». Вакуленко это подтвердил и добавил: «Семенчук, теперь берегись», а Семенчук ответил: «тебе больше нужно беречься, чтобы жена доктора Вульфсона не застрелила».

Такой разговор был. Это в точности установлено. Этот разговор — тоже улика и немалая. Такие разговоры ведут люди в известных условиях, находящиеся при известных отношениях к самому событию, такие разговоры ведут сообщники.

Старцев показывает: — через несколько дней Семенчук, будучи выпившим, у него в квартире в присутствии Вакуленко, говорил: «я тут вся власть, я — погранохрана, я — ГПУ. И вот как расправляюсь я над плохими людьми, и если кто станет мне на пути, тоже уберу. Я — и судья, я — и начальник острова, и тот,

кто мне не подчинится, того уберу». Касаясь жены Вульфсона, Семенчук тут же сказал: «Эту жидовку нельзя слушать, я ее вывезу отсюда в два счета».

Такие разговоры он слышал. Как можно их сбросить со счета? Старцев сам заинтересован. Он говорил, что Вакуленко убил доктора.

Конечно, дело суда дать надлежащую оценку этому факту. Моя обязанность напомнить суду об этом факте. У меня нет оснований не поставить этот разговор в связь с целым рядом других обстоятельств и не сделать из этого целого ряда определенных выводов.

Не безынтересно обратить внимание на ряд последующих действий Семенчука. Семенчук замечает следы. Семенчук дает телеграмму Ушакову, в которой он категорически сообщает, что доктор пошел пешком. Откуда Семенчук знал, что доктор пошел пешком? Семенчук телеграфировал в Москву, что Вульфсон погиб в первый день. Откуда он все это знает? По каким данным Семенчук пришел к такому заключению? Таких данных у Семенчука не было; но Семенчук писал так, как действовал, а действовал так, как ему было выгодно. Я утверждаю, что акт от 8/III Семенчук составил в целях объяснения и обеления своих действий. Эта его цель говорит чуть ли не в каждой строчке акта, стремящегося доказать во что бы то ни стало, что Вульфсон был пьян и погиб в пьяном виде. Особенно характерен в этом отношении пункт 2 акта, где говорится, что врач Вульфсон захватил с собой «нетребуемое количество чистого спирта и в пути употреблял его». «С таким количеством спирта, — пишет Семенчук в этом акте, — найденного в личных вещах Вульфсона, растерянных в районе бухты Сомнительной, не только растерять сумки, вещи, но даже можно уехать в разные стороны. Спирта у врача очевидно был запас и им был взят в дорогу без моего ведома, который обнаружили в найденных сумках до 2 литров и, по данным, это был еще не весь. Несмотря на мои неоднократные напоминания. Вульфсон по день гибели не дал мне отчета об израсходовании взятого у меня спирта, который выдавался ему 2 раза по его требованию, и в последний раз ему было уменьшено до представления отчета об израсходовании».

Это замечательный документ. Во-первых, мы знаем совершенно точно, что количество спирта, найденное при Вульфсоне, не превышало 100 грамм и, следовательно, было совершенно недостаточно не только для того, чтобы уйти в разные стороны, но и чтобы потерять вещи. Семенчук фальсифицирует документ, составляет его как заключение, как акт, опираясь якобы на показания разных людей. Он составляет документ, из которого видно, что и 2/III Семенчук остается на позиции предположения или уверенности, или вернее уверения других, что Вульфсон погиб вследствие того, что был пьян. Семенчук утверждает, что спирта у врача было много, что спирт он взял без ведома его, Семенчука, и что у Вульфсона было целых 2 литра спирта! Все это — вымысел. У Вульфсона было всего 100 грамм спирта, а Семенчук в акте вносит указание на два литра. Акт составлен Семенчуком явно тенденциозно. Это одно уже толкает на предположение, что Семенчук замечает следы преступления. Максимум, в чем

он готов обвинить Старцева — это в том, что Старцев не привязал своей напты к нарте доктора и не проявил должной бдительности, которая исключила бы возможность потери и гибели доктора Вульфсона. Обвинение Старцева очень скромное и очень удобное для Семенчука!

Перейду к следующей улике.

Вы помните историю с изоляцией Фельдман. Все обстоятельства дела говорят, что в плане Семенчука было уничтожить и доктора Фельдман. Иначе нельзя понять этот приказ и распоряжение вывезти ее на мыс Блассон. И здесь, в этой истории с выселением на мыс Блассон Фельдман, замешан Вакуленко, говоривший Семенчуку, что «эту жидовку нужно убрать», выражавший готовность вывезти Фельдман с зимовки «в два счета». Здесь было с точностью установлено, что Вакуленко обращался к Семенчуку с просьбой «разрешить ему убрать Фельдман, — разрешить ему пустить ее в расход».

Почему Семенчук не принял мер против Вакуленко, почему Семенчук не положил предела подобного рода преступным высказываниям Вакуленко? Потому, что сам Семенчук был такого же мнения, вел такую же «линию». Он сам принимал меры к тому, чтобы действительно если не извести, то вывезти Фельдман и уничтожить на мысе Блассон.

Если обратиться к переписке Семенчука с Долгим, то можно точно установить попытки Семенчука изолировать Фельдман, отрезать ее от внешнего мира, лишить ее возможности что-либо писать о событиях на о. Врангеля. Все это свидетельствует о том, что он принимал меры к тому, чтобы изолировать Фельдман от внешнего мира, после того как ему не удалось ее физически уничтожить. Поэтому вся сумма обстоятельств, характеризующих поведение Семенчука до убийства доктора Вульфсона и после убийства доктора

Вульфсона, с несомненностью устанавливает факт систематической травли Семенчуком доктора Фельдман. Семенчук дышал ненавистью к Фельдман, разоблачавшей его причастностью к убийству доктора Вульфсона, как дышал ненавистью к Вульфсону, разоблачавшему преступления Семенчука. Все это говорит о том, что Семенчук в этом деле принимал главное участие как подстрекатель и организатор убийства доктора Вульфсона.

Мог ли Старцев совершить убийство на свой страх и риск? Нет. Он в этом заинтересован гораздо меньше Семенчука. Ведь если даже предположить, что Семенчук рассказывал Старцеву о Вульфсоне, который приходил к Семенчуку и требовал привлечь Старцева за изнасилование дочерей Паля к ответственности, и допустить, что это вмешательство Вульфсона в «женский вопрос» Старцева могло вызвать у последнего и страх и злобу, то и в этом случае нет никакой возможности думать, что Старцев мог бы решиться действовать самостоятельно. Но в руках Семенчука этот факт мог сыграть, и я уверен в этом — сыграл, свою роль.

Итак, *cuiprodest?* — кому нужно было убийство Вульфсона? Отвечаю: оно было в интересах Семенчука, оно нужно было ему, раньше всего ему, и доказательством этого служит посмертное письмо доктора Вульфсона. Я считаю, что обвинение, предъявленное Семенчуку в подстрекательстве Старцева к убийству доктора Вульфсона, и обвинение, предъявленное Старцеву, как фактически исполнителю убийства, — полностью доказаны.

Я прошу вынести обоим подсудимым суровый приговор. Если вы согласитесь с доводами обвинения, вы вынесете обвинительный приговор. Если вы вынесете обвинительный приговор, то в этом приговоре вы должны будете сказать, не можете не сказать — «убийц расстрелять»...

От Верховного суда и Прокуратуры Союза ССР

Верховный суд и Прокуратура Союза ССР сообщают, что, начиная с № 7 (июльского), журнал «Социалистическая законность» будет выходить как журнал Верховного суда и Прокуратуры Союза ССР, под объединенной редакцией в составе: А. Я. Вышинского (ответственный редактор), В. П. Антонова-Саратовского, Я. Н. Бранденбургского и Г. М. Леплевского.

Приступая к совместному изданию журнала Верховного суда и Прокуратуры Союза ССР, редакция ставит своей задачей широкое и всестороннее освещение вопросов работы суда, прокуратуры и следствия, на основе большевистской самокритики и активного участия в журнале местных товарищей.

Ставя своей задачей помочь всем работникам суда, прокуратуры и следствия в их практической работе, «Социалистическая законность» одновременно будет бороться за повышение политической и юридической квалификации работников суда, прокуратуры и след-

ствия и за всемерное улучшение качества их работы.

Эти задачи приобретают в настоящее время в связи с проектом новой Конституции СССР исключительно важное значение.

Редакция надеется на широкий отклик со стороны народных судей, членов областных, краевых, верховных судов, прокуроров и следователей, работников ж.-д. транспортной и водно-транспортной юстиции и на их систематическое участие в работе журнала как путем присылки различного рода материалов, связанных с борьбой за укрепление советского государства и социалистической законности и освещающих работу органов юстиции на местах, так и путем постановки ряда вопросов, вытекающих из повседневной практики органов юстиции или касающихся вообще судебно-прокурорской системы.

Председатель Верховсуда Прокурор Союза ССР
СССР Винокуров. Вышинский.

За рационализацию судебной работы

Усилиями всех звеньев пролетарской диктатуры, под руководством закаленной в боях партии Ленина—Сталина в СССР в основном разрешена имеющая всемирно-историческое значение задача построения бесклассового общества, намеченная великим планом 2-й пятилетки. «Та общественная организация, которую мы создали, может быть названа организацией советской, социалистической, еще не вполне достроенной, но в корне своем социалистической организацией общества. Основой этого общества является общественная собственность: государственная, т. е. всенародная, а также кооперативно-колхозная собственность»¹. Эта общественная организация — организация социалистическая — создавалась в обстановке ожесточенной классовой борьбы, самых острых форм сопротивления классово враждебных и иных антиобщественных элементов, находившего свое выражение в самых разнообразных формах преступлений. Успехи социалистического строительства, рост материальной и духовной культуры нового социалистического порядка, разгром эксплуататорских классов — все это не могло не привести к резкому сокращению реальной базы сопротивления элементов, враждебных делу социализма и, следовательно, к снижению преступности в Стране советов. Одной из существенных причин этого снижения явилось и улучшение практики борьбы судебно-прокурорских органов с преступностью на основе реализации директивы 8 мая 1933 г., сформулировавшей вытекавшие из новой, сложившейся в нашей стране в результате победы социализма, обстановки задачи уголовной политики и прежде всего необходимость отказа от применения массовых репрессий. Общее число осужденных резко сократилось почти во всех социалистических республиках. Так, в РСФСР число осужденных составляло — если принять за 100 число осужденных в I пол. 1933 г.: во II пол. 1933 г. — 93,1; в I пол. 1934 г. — 78,6; во II пол. 1934 г. — 69,9; в I пол. 1935 г. — 60,7; во II пол. 1935 г. — 56.

В УССР число осужденных в IV кв. 1935 г. составило 27,1% по сравнению с I кв. 1933 г. По отдельным краям и областям процент снижения осужденных за эти годы гораздо выше. О том, что эти данные статистики осужденных свидетельствуют о процессе снижения преступности, показывают данные милиции о зарегистрированных преступлениях, число которых также значительно снизилось за последнее время. Характерны данные статистики зарегистрированных преступлений в Москве и Московской области.

Было зарегистрировано преступлений:

	В Моск. обл.	В г. Москве
1933 г. . .	100%	100%
1934 г. . .	80%	85%
1935 г. . .	50%	60%

Еще более значительное снижение зарегистрированных преступлений дают первые ме-

сяца 1936 г. Так, в Москве в I квартале 1936 г. по сравнению с I кварталом 1935 г. количество убийств сократилось вдвое, вооруженных грабежей в 5 раз, открытых хищений почти в 9 раз, краж квалифицированных почти в 2 раза и т. д.

Значительно медленнее протекает процесс снижения преступности в некоторых национальных республиках, в частности в Азербайджане и Грузии.

На фоне этого снижения общего числа осужденных можно отметить особо резкое снижение осужденных за хищения общественной собственности и за преступления, в которых отражается сопротивление проводимым в деревне хозяйственно-политическим кампаниям.

Так, в РСФСР число осужденных за хищения общественной собственности, квалифицированных как по закону от 7 августа 1932 г., так и по другим статьям УК РСФСР (116, 162 и др.), сократилось в 1935 г. по сравнению с 1933 г. почти вдвое. Очень значительно снизилось число осужденных по закону от 7 августа 1932 г.: в РСФСР в 10 раз в I пол. 1935 г. по сравнению с I пол. 1933 года; в УССР число осужденных в 1935 г. сократилось по сравнению с 1933 г. почти в 25 раз.

Число осужденных в связи с важнейшими сельскохозяйственными кампаниями сократилось в РСФСР в I пол. 1935 г. по сравнению с I полугодием 1933 г. в 6 раз. Сократилось значительно также и кражи частного имущества, случаи скотокрадства, мошенничества, грабежа и т. д. и т. п. Особенно значительно снизилась преступность в деревне, что свидетельствует об укреплении, на основе колхозного строя, новой общественной дисциплины и социалистического правосознания широких масс трудящихся. Однако надо подчеркнуть, что происходящее снижение преступности не носит «плавного» характера. Сокращение реальной базы сопротивления враждебных делу социализма элементов не означает ослабления их борьбы против социалистического строительства, которая становится более ожесточенной. Живуча еще мелкобуржуазная стихия, легко находящая своих выразителей, как указывал тов. Молотов на последней сессии ЦИК, «то в виде всякого рода спекулянтов, то в виде рвачей в отношении колхозного и государственного добра, то в виде антисоветских сплетников и т. п.». Отсюда рост в некоторых краях и районах отдельных категорий преступлений, в частности растрат, хулиганства, бандитизма и некоторых категорий преступлений против личности. Отсюда неравномерность снижения преступности по союзным республикам и в отдельных краях и областях.

Направляя острые репрессии против террористов, изменников родине, против расхитителей общественной собственности, против хулиганов, мы должны в обстановке снижения преступности добиться окончательной ликвидации судимости по «пустяковым основаниям», подняв на новую ступень дело рационализации нашей работы по преданию суду. Эта задача достигается со всей остротой успехами социалистического строительства записанными в про-

¹ Сталин, Беседа с Рой-Говардом, Партздат, стр. 17.

екте новой Конституции, укреплением социалистической законности. В социалистическом обществе повышается ответственность каждого человека за свои действия, ибо в социалистическом коллективе открываются впервые в истории человечества широкие возможности развития каждого человека, созданы все условия для действительной свободы индивида. Однако это не означает расширения рамок уголовной ответственности... привлечения к суду за каждый факт нарушения советского правопорядка. Народное социалистическое государство располагает таким богатым арсеналом средств воздействия, и особенно по линии общественного воздействия, в отношении каждого нарушителя социалистической законности, что суд, являющийся наиболее острой формой этого воздействия, должен превратиться в крайнее средство применения принуждения. Судить надо за действия, представляющие действительную и реальную угрозу социалистическому обществу, а не за проступки. Это еще больше поднимет авторитет суда и прокуратуры, мощь социалистического закона и даст возможность тверже, вернее и своевременнее бить по наиболее опасным с точки зрения интересов социалистического общества проявлениям пережитков капитализма. В одной из своих ранних работ Маркс особо предостерегал против смещения проступка и преступления. Он писал: «Вы стерли границы, но вы ошибаетесь, если думаете, что они стерты только в нашем интересе, народ видит наказание, но не видит преступления, и именно потому-то он видит наказание там, где нет преступления, он не увидит более преступления там, где есть наказание. Применяя категорию кражи там, где ее не следует применять, вы этим самым как бы облагораживаете ее там, где она должна быть применена»¹. Маркс предостерегает против злоупотребления привлечением к уголовной ответственности, ибо народ перестает видеть преступления там, где они действительно имеют место. Между тем, до сих пор еще в нашей практике не изжито массовое привлечение к ответственности и осуждение. Об этом свидетельствует высокий процент (30—40) дел, прекращаемых по самым различным поводам, начиная от стадии расследования до кассационного и, наконец, надзорного рассмотрения.

4 мая 1935 г. в своей исторической речи о кадрах товарищ Сталин с особой остротой подчеркнул необходимость бережного, любовного отношения к кадрам, к людям, которые являются для нас по его замечательному выражению «самым ценным капиталом». Проявляя большевистскую бдительность по отношению к всякого рода враждебным делу социализма элементам, мы должны на ее основе чутко и

бережно подходить к нашим кадрам, ни в коем случае не допуская необоснованного привлечения к уголовной ответственности. О том, что в этой области у нас далеко неблагоприятно, свидетельствует высокая судимость по должностным преступлениям. Каждый 3-й осужденный нашими судами осужден за должностное преступление и каждый 6-й за должностную халатность, удельный вес которой в общей массе осужденных за должностные преступления превышает 40%. Свыше 30% привлеченных за должностную халатность в РСФСР в 1935 г. — рядовые колхозники и рабочие, которые вообще, как правило, по смыслу нашего законодательства, не могут привлекаться к ответственности за должностные преступления, так как должностными лицами не являются. Очень широко практикуется привлечение к уголовной ответственности за должностные проступки, что вообще не должно иметь места в нашей практике. В частности, при привлечении к уголовной ответственности по ст. 111 и ст. 109 УК РСФСР и соотв. статей УК союзных республик, забывают о квалифицирующих обстоятельствах, указанных в статье 109 УК РСФСР и, в особенности, о самом важном моменте, разграничивающем должностной проступок от преступления — нанесение значительного ущерба интересам государства или личности, либо возможность нанесения такого.

Особенность нынешнего этапа социалистического строительства, победа социализма в городе и в деревне, ликвидация паразитических классов требуют от органов юстиции прекращения практики необоснованного и массового привлечения к ответственности и на этой основе обеспечения более концентрированного, политически подготовленного и меткого удара по действительным врагам народа, направляя острие социалистической законности «против воров, расхитителей общественной собственности и хулиганов» (С т а л и н). Особое внимание при этом должно быть уделено задаче охраны интересов и прав личности трудящегося.

Задачи окончательного и полного уничтожения классов, которые мы должны разрешить в процессе дальнейшего развертывания социалистического строительства, могут быть осуществлены укреплением всех рычагов социалистического всенародного государства и социалистической законности, активно способствующей осуществлению наших великих задач. В связи с этим назову более высокую ступень должна быть поднята вся наша работа, в особенности наша политика предания суду и осуждения. Реализация полностью указаний товарища Сталина от 4 мая 1935 г. во всех звеньях нашей работы обеспечит нам качество, соответствующее требованиям эпохи завершения построения бесклассового социалистического общества.

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I.

Органы юстиции Ленинградской области в борьбе с противодействием стахановскому движению

Значение стахановского движения неизмеримо. В своей исторической речи на I всесоюзном совещании рабочих и работниц стахановцев вожьд народа товарищ Сталин указал, что стахановское движение «выражает новый, высший этап социалистического соревнования, которое ломает старые технические нормы, как недостаточные, перекрывает в целом ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран и открывает, таким образом, практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превращения нашей страны в наиболее зажиточную страну»¹.

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б), обсудив задачи промышленности и транспорта в связи со стахановским движением, в своих решениях дал развернутую, конкретную программу мероприятий, осуществление которых поднимает стахановское движение в этих областях нашего хозяйства на новую, наивысшую высоту.

Великое стахановское движение не могло не вызвать противодействия со стороны классово враждебных элементов. Оно встретило и продолжает встречать некоторое сопротивление и со стороны отдельных консервативно настроенных хозяйственников, цепляющихся еще за старые, отсталые технические нормы и не видящих в этом движении его могучей прогрессивной роли, а также со стороны несознательных элементов из среды рабочих, которые в этом движении почувствовали решительную войну лодыричеству, рвачеству, недобросовестному отношению к труду и технической неграмотности.

В своей речи на совещании стахановцев товарищ Сталин, подчеркнув, что стахановское движение «началось как-то самопроизвольно, почти стихийно, снизу, без какого бы то ни было давления со стороны администрации наших предприятий», указал, что «это движение зародилось и стало развиртываться в известной мере вопреки воле администрации наших предприятий, даже в борьбе с ней», и привел ряд примеров со стахановцами Мусинским, Бусыгиним и самим Стахановым, которому «приходилось обороняться при своем движении вперед не только от некоторых чинов администрации, но и от некоторых рабочих, высмеивавших и травивших его за «новшества»»².

Говоря о ближайших задачах с точки зрения интересов стахановского движения, товарищ Сталин, в частности, указал: «что касается другой стороны дела — обуздания упорствующих консерваторов из среды хозяйственников и инженерно-технических работников, — то здесь дело будет обстоить несколько послож-

нее. Придется в первую очередь убеждать, терпеливо и по-товарищески убеждать эти консервативные элементы промышленности в прогрессивности стахановского движения и в необходимости перестроиться на стахановский лад. А если убеждения не помогут, придется принять более решительные меры»¹.

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) в своих решениях указал на необходимость «прежде всего сломить оставшееся сопротивление стахановскому движению со стороны консервативной части хозяйственников и инженерно-технических работников всех отраслей промышленности и транспорта» и подчеркнул в качестве важнейшей задачи разоблачение классово враждебных элементов, пытающихся пакоистить стахановцам.

Эти указания вожьд нашей партии товарища Сталина и решения пленума ЦК и определяют задачу, которая стоит перед органами юстиции в деле борьбы с врагами стахановского движения.

Задача эта четко сформулирована центральным руководством органов юстиции в лице Прокуратуры Союза, Верховсуда Союза и НКЮ РСФСР, которыми даны исчерпывающие практические указания, как организовать и вести борьбу с противодействием стахановскому движению.

Беспощадный разгром и подавление классового врага и его агентов, пытающихся в контрреволюционных целях сорвать рост стахановского движения, столь же решительный разгром консерваторов из среды хозяйственников и инженерно-технических работников, продолжающих упорствовать и бросать палки в колеса стахановскому движению, несмотря на меры товарищеского убеждения, и одновременно — терпеливое и товарищеское убеждение тех консервативных элементов среди рабочих, хозяйственников и инженерно-технических работников, которые объективно ведут иногда борьбу со стахановским движением, не понимая его смысла и значения, — такова наша задача.

Эта ответственная задача может быть выполнена только при условии, если органы юстиции правильно организуют борьбу с противодействием стахановскому движению, если они в своей работе будут крепко опираться на общественный актив, если они с большевистской бдительностью будут подходить к каждому конкретному делу, если они обеспечат тщательное и исчерпывающее расследование этих дел и дифференцированный подход к людям.

В настоящей статье освещается работа органов юстиции Ленинградской области в той ее части, которая связана с применением репрессии в отношении врагов, саботажников и дезорганизаторов стахановского движения, сделаны некоторые выводы о карательной политике и показаны те формы противодействия стахановскому движению со стороны классового

¹ Первое всесоюзное совещание рабочих и работниц стахановцев. Стенограф. отчет. Партиздат, 1935 г., стр. 364.

² Там же, стр. 367.

¹ Там же, стр. 374.

врага и его агентуры, консервативно-бюрократических элементов и отдельных несознательных, отсталых трудящихся, с которыми пришлось иметь дело органам юстиции Ленинградской области в борьбе за расчистку пути стахановскому движению и в защиту интересов стахановцев в городе и в колхозе на производстве и в быту.

В статье использованы материалы изучения 45 уголовных дел, рассмотренных в судах Ленинградской области в период декабрь 1935 г. — март 1936 г., по которым было привлечено 80 чел. и осуждено 77 чел. (3 чел. были судом оправданы).

Вопрос правильной квалификации преступных действий по делам, связанным с противодействием стахановскому движению, имеет серьезное политическое значение. В циркулярах Прокуратуры и Верховуда Союза ССР и НКЮ РСФСР даны исчерпывающие указания о квалификации этих действий. Особые указания даны в отношении применения ст. 73¹ УК.

Как квалифицированы преступные деяния 77 осужденных по изученным 45 делам?

По ст. 58 ⁷ УК	1 чел.	1,3%
» » 58 ¹⁰ УК	1 »	1,3%
» » 58 ¹⁴ УК	2 »	2,6%
» ч. 1 ст. 73 ¹ УК	11 »	14,3%
» » 2 » 73 ¹ УК	31 »	40,2%
» ст. 79 ³ УК	3 »	3,9%
» » 109 УК	8 »	10,4%
» » 110 УК	2 »	2,6%
» » 111 УК	6 »	7,8%
» ч. 3 ст. 133 УК	1 »	1,3%
» » 2 » 159 УК	1 »	1,3%
» » 1 » 161 УК	1 »	1,3%
» » 2 » 74 УК	9 »	11,7%

Итого . . 77 чел. 100%

Таким образом, из 77 осужденных преступные действия 49 чел., т. е. 64% от общего количества осужденных, квалифицированы как политические преступления, совершенные антиобщественно настроенными элементами.

Это положение более наглядно подтверждается следующей таблицей, показывающей соответствие квалификации деяний с социальным составом осужденных.

Квалификация	Классовый враг и чуждый элемент	Должн. лица	Рабочие	Колхозники
По ст. 58 ⁷	1	—	—	—
» » 58 ¹⁰	1	—	—	—
» » 58 ¹⁴	2	—	—	—
» ч. 1 ст. 73 ¹	—	—	9	—
» » 2 » 73 ¹	11	—	10	12
» ст. 79 ³	2	—	—	1
» » 109	3	5	—	—
» » 110	—	2	—	—
» » 111	1	5	—	—
» ч. 3 ст. 133	—	1	—	—
» » 2 159	—	—	1	—
» » 1 161	—	—	—	1
» » 2 74	—	—	9	—
Всего 77 чел.	21	13	29	14

Из этой таблицы видно, что преступные действия, совершенные классово враждебными

и чуждыми людьми и направленные против стахановского движения 21 чел. были политически квалифицированы правильно.

Как усматривается из этой таблицы, органами юстиции было привлечено и осуждено 13 должностных лиц. Эти должностные лица относятся к той консервативной части хозяйственников и инженерно-технических работников, которые, не из контрреволюционных побуждений, а по своей косности, бюрократически относились к нуждам стахановцев, тормозили и срывали в отдельных случаях стахановское движение на предприятиях.

Остальные 44 чел. (рабочие и колхозники) являются теми несознательными и недисциплинированными элементами среди трудящихся, которые, несмотря на меры убеждения, не поняли стахановского движения и, будучи недовольны им, совершили ряд преступных действий против стахановцев. Некоторое сомнение в смысле основательности привлечения и осуждения может вызвать группа в 9 человек рабочих по своему социальному положению, деяния которых квалифицированы по ч. 1 ст. 73¹ УК. Дела об этой группе рабочих были рассмотрены в самом начале борьбы с противодействием стахановскому движению до получения исчерпывающих указаний о порядке квалификации по ч. 1 ст. 73 УК.

Какова же была карательная политика органов юстиции Ленинградской области?

Приводим следующую таблицу, показывающую соотношение мер уголовного наказания к социальному составу осужденных.

Мера уголовного наказания	Классов. вражд. и чуждый элемент	Должн. лица	Рабочие	Колхозники
10 лет л. с.	2	—	—	—
5 » »	7	—	4	1
4 года »	—	1	2	1
3 » »	3	2	4	4
2 » »	6	—	4	2
1 1/2 » »	—	—	1	—
1 год и.т. р. НКВД	2	3	1	1
1 » и.т. р. м. раб	—	4	2	—
6 мес. и.т. р. НКВД	—	—	3	—
6 » и.т. р. м. раб	—	1	5	2
3 » и.т. р.	—	—	—	1
Условно	—	2	3	2
Итого 77 чел.	21	13	29	14

Из этой таблицы видно, что лишение свободы, как самая тяжелая мера уголовного наказания, было применено почти в отношении всего классово враждебного и чуждого элемента, осужденного по делам (90%) в то время, как в отношении других групп осужденных удельный вес лишения свободы выразился в отношении должностных лиц — в 23% и в отношении дезорганизаторов стахановского движения из числа рабочих и колхозников — в 52%.

Исходя из этого, мы считаем карательную политику суда вполне правильной, направляющей острие уголовной репрессии в сторону настоящих врагов стахановского движения — пролезших на наши предприятия раскулаченных кулаков и всякий сброд из числа бывших людей.

С какими формами противодействия стахановскому движению пришлось встретиться органам юстиции Ленинградской области в их борьбе со всеми теми, кто бросал палки в колесе стахановскому движению?

В числе дел, прошедших через суды Ленинградской области, нет ни одного дела о террористических убийствах наших лучших людей стахановцев классовыми врагами. Однако факты насилия и избиений, угроз, травли, клеветы и издевательств над стахановцами со стороны озлобленного кулачества и его агентуры имели и продолжают иметь место. В основном же классовый враг и здесь перешел к методам «тихой сапы», оказывая сопротивление стахановскому движению путем вредительства, контрреволюционной агитации и саботажа, повреждения и уничтожения социалистического имущества.

Приведем несколько примеров «махинаций» классового врага. 1) Бригада колхозников «Колхоз-лесоруб» Капшинского района, работавшая на заготовке леса, давала очень низкую производительность труда. Колхоз находился в глубоком прорыве. Тогда правление колхоза освободило от с.-х. работ лучшего бригадир-стахановца Шивакова и направило его в лес для налаживания работы. Шиваков быстро организовал бригаду, перешел на работы с лучковой пилой, уплотнил рабочий день бригады, и выработка резко начала подниматься. Новые, стахановские методы работы Шивакова встретили с первых же дней резкое сопротивление со стороны колхозника Писарева, который начал дискредитировать Шивакова, распуская про него разные клеветнические слухи и обвинил его в присвоении труда других лесорубов. Однако попытки Писарева подорвать авторитет бригадир-стахановца и сорвать стахановское движение в бригаде оказались тщетными. Тогда Писарев и его близкие родственники, братья Кузнецовы, решили разделиться с Шиваковым иначе. Они пригласили его к себе на свадьбу и попытались вызвать его на драку, когда же им это не удалось, они вытолкнули Шивакова в темные сени, где стали его избивать кулаками и ногами. Кто такие Писарев и братья Кузнецовы? Писарев в 1916 г. служил стражником, до вступления в колхоз имел 2 лошади и 4 коровы. Кузнецовы Егор и Михаил — сыновья бывшего волостного судьи, до революции имели мельницу, кулацкое хозяйство. Писарев и Кузнецов Егор осуждены по ч. 2 ст. 73¹ УК к 5 годам лишения свободы каждый, а Кузнецов Михаил к 2 годам лишения свободы.

2) Стахановца Эльковского знала вся фабрика женского верхнего платья «Большевичка». Он первый в закрытом цеху перешел на стахановские методы работы. В то время рабочих цеха очень занимал вопрос — не хуже ли стало от того, что работу по раскройке имитации разделили на два процесса: один рабочий мелил фасоны по лекалам, а двое других кроили материал по намеченным линиям. Начались разговоры, что одни фасоны — выгодны, а другие невыгодны, так как требуют большой затраты времени.

Для определения правильного соотношения между фасонами по количеству требуемого для их копировки и раскройки времени администрация цеха решила произвести проверку путем хронометража работы на всех фасонах.

Объектом для хронометража был выбран

Эльковский, так как работа его отличалась наибольшей ритмичностью и неизменностью чередования определенных приемов обмеловки лекал. Эльковский по очереди скопировал все фасоны, а администрация цеха, определив соотношение трудоемкости фасонов, урегулировала неправильности в расценке работ.

После этого начались преследования Эльковского в цеху. Насмешки, оскорбления, кличка «Лихач» сопровождали его во время работы. Эльковского обвинили в рвачестве, в том, что он захватил более выгодные фасоны и уносит их домой доделывать.

Особенно неистовствовали рабочие цеха Казакевич, Яценко и Белов. Они состряпали клеветническую заметку, уговорив составить черновик ее рабочего, члена ВКП(б) Каницына, и обманным путем собрали под ней несколько подписей рабочих. Заметка, однако, в газете помещена не была, так как общественные организации фабрики дали соответствующий ответ злостным клеветникам, подыравшим стахановское движение в цеху. За травлю лучшего стахановца Казакевич, Яценко, Белов и Каницына были преданы суду. Во время следствия выяснилось, что Казакевич — сын кулака, а Яценко, в прошлом кустарь портной, — рвач и дезорганизатор производства, судившийся за систематический брак в работе.

Казакевич и Яценко осуждены по ч. 2 ст. 73¹ УК к 5 годам лишения свободы каждый, Белов к 3 годам и Каницына к — 1 году и.т. работ по месту работы.

3) Стахановки колхоза «Лихачево» Шольского района, ударницы огородов Демичева и Ершова добились в результате стахановских методов работы рекордного выращивания овощей — до 280 центнеров с гектара. За отличную работу они были награждены знаками ударников и представлены к премии. Однако вскоре по колхозу стали распространяться клеветнические слухи: Демичева и Ершова отмечены знаком не за работу, а за... половое сожительство с руководителями колхоза. Слухи дошли до мужей ударниц, которые потребовали от своих жен возврата знаков ударников. Демичева и Ершова обратились тогда к прокурору.

Расследованием было установлено, что эти клеветнические измышления исходили от колхозницы Копыловой, постоянно опаздывавшей на работу и иногда прямо уклонявшейся от нее. Копылова оказалась женой торговца и сестрой раскулаченного кулака. Копылова по ч. 2 ст. 73¹ УК осуждена к 2 годам лишения свободы.

4) Лучший мастер по обработке льна стахановец Н. Липинский получил недавно за свою работу высшую награду Советского союза — орден Ленина. Между тем вместо поощрения и помощи Липинский до недавнего времени, когда было вскрыто вредительство председателя колхоза Грунина, встречал в своем колхозе прямое сопротивление своей работе.

Стахановец Липинский, ломая узаконенные многолетней практикой нормы выработки, взял на себя обязательство увеличить ручную трепку льна до 75 кг, а его ужимки до 45 кг. Председатель колхоза Грунин вместо того, чтобы создать бригаде Липинского соответствующие условия работы, поместил ее в сарай с раскрытой крышей, с открытыми фронтонами, без ворот, а также стал распространять про Липинского слухи, будто бы он включает в свою норму выработку членов своей семьи;

мало того, ссылаясь на то, что Липинский много зарабатывает, он стал отказывать ему в сырце. Вслед за этим Грунин отвел кандидатуру Липинского в делегаты на районный съезд стахановцев.

Когда преследования стахановца были вскрыты, следственные власти установили и подоплеку их. Грунин оказался типичным кулаком, в хозяйстве которого и до и после революции применялся наемный труд и аренда земли. Этот кулак однако сумел не только пролезть в колхоз, но и занимал в нем с 1933 г. руководящие должности, что дало ему возможность активно проводить кулацкую вредительскую политику. Так, например в 1933 г. Грунин, вместо выполнения государственного задания по льнозаготовкам, распределил льноволокно среди членов колхоза. Последний в период его деятельности ознаменовался рядом вопиющих нарушений сталинского колхозного устава. В частности, все важнейшие вопросы производственной деятельности колхоза разрешались им единолично, и в результате лучшие приусадебные участки оказались нарезанными кулацким элементом деревни за счет колхоза. Такими же преимуществами пользовались и проникавшие в колхоз кулаки в отношении выполнения колхозных работ. Грунин осужден по ст. 58⁷ УК к 10 годам лишения свободы.

5) Общественные организации Ленинградского гиганта-фабрики «Скорход» долгое время недоумевали, почему цех детской обуви, технически оснащенный не хуже других цехов фабрики, плетется в хвосте стахановского движения. Недоразумение разъяснилось, когда один из лучших стахановцев, поставивший мировой рекорд, сметанинец Родионов обратился к заводской администрации с жалобой на то, что ст. мастер цеха детской обуви Голенков пытается оплачивать за счет его заработка подсобную работницу. При расследовании выяснилось, что Голенков уже давно занимается систематическим саботажем стахановского движения в цеху, подавляя производственную инициативу рабочих. Голенков шопотком доказывал рабочим, что через 2 мес. расценки будут снижены, отказывал работницам каблучной группы в рационализации технологического процесса под предлогом, что они и так работают плохо, и самовольно повышал нормы выработки при переходе на стахановские методы работы на конвейере. Кроме того Голенков систематически понуждал подчиненных ему работниц к половому сожительству с ним. Голенков был разоблачен. Он оказался сыном б. владельца сапожной мастерской с наемной рабочей силой, судившимся за мошенничество, исключенным из рядов ВКП(б) за бытовое разложение. Голенков по ст. 58¹⁴ УК осужден к 10 годам лишения свободы.

Приведем примеры еще более засакированной борьбы классового врага со стахановским движением.

На расширенном производственном совещании рыболовческого колхоза «Залит» Псковского округа было принято решение — ознаменовать день 18 годовщины Октябрьской революции переходом на стахановские методы лова рыбы.

Все бригады выехали в озеро, в том числе и бригада Кайкина, в которой звеновым был Петр Золоткин. Золоткин — сын лишенца, б. твердозаданец, был уже давно настроен против всяких «ношешеств». Воспользовавшись от-

сутствием Кайкина, Золоткин взял подъездную лодку, подъехал к траллу и подвязал сверх нормы к концу тралла камень весом в 30 кг, после чего вернулся к себе в лодку. Стахановский лов был сорван. Бригада Кайкина с изорванным траллом вынуждена была вернуться на берег для починки тралла. Золоткин по ст. 79² УК осужден к 3 годам лишения свободы.

Сопrotивление стахановскому движению со стороны консервативно настроенных элементов из числа хозяйственников и инженерно-технических работников выразилось в самых разнообразных формах.

Бюрократические извращения принципов стахановского движения, упорная косность, неповоротливость и «хвостизм» руководителей в деле развертывания стахановских методов работы, прямое бездействие в вопросах организации работы на новых стахановских началах, зажим рабочей инициативы, грубое администрирование, незаконное снижение расценок и произвольное установление новых технических норм, нарушения трудового законодательства по технике безопасности в работе стахановцев — вот те формы, в которых выражалось сопротивление этой категории осужденных по изученным нами делам.

Иллюстрируем это несколькими примерами.

1) На Балтийском заводе им. т. Орджоникидзе начальник сборки № 4—6 механического цеха Янсон систематически занимался пьянством с подчиненными ему рабочими на производстве, для чего иногда брал деньги даже из кассы взаимопомощи.

Пьянствуя, Янсон халатно относился к учету работы в бригадах и распределению заработка среди рабочих бригад. Обычно, в конце месяца он у себя на квартире разносил сделанную за месяц работу по фамилиям рабочих на память, причем пьянствовавшим с ним рабочим выводил больший заработок, чем ударникам и стахановцам производства. Обсчитанные рабочие жаловались, возмущались и неделями добивались удовлетворения своих законных требований.

Развертыванию стахановского движения на сборке Янсон не только не помогал, но, наоборот, глушил всякую производственную инициативу. Когда рабочий Каблуков обратился к Янсону с требованием создать для него соответствующие условия в связи с переходом его на стахановские методы работы, Янсон исключил его из бригады и поставил его на другую работу на неорганизованном участке. Янсон осужден по ст. 109 УК к 3 годам лишения свободы.

2) На заводе им. Кирова произошел следующий безобразный случай. В связи с необходимостью срочной разгрузки 2 платформ с железом, начальник ж.-д. цеха поручил лучшему стахановцу цеха Григорьеву показать рекорд быстроты разгрузки и дал ему в помощь двух других работников. Место для разгрузки Григорьеву было указано кладовщиком. Во время исключительно напряженной работы Григорьева к нему подошел техник цеха железных конструкций Зинкевич и, придравшись к тому, что Григорьев выгружает железо якобы не на ту сторону, вступил с ним в пререкания, а затем вызвал по телефону охранника, которому заявил, что Григорьев хулиганит. Когда прибыл начальник караула Иванов, он совместно с Зинкевичом стащил Гри-

горьева с платформы, повредив ему при этом ногу, завернули ему руки за спину и отвели в караульное помещение, а оттуда в милицию, где Григорьева и освободили. Срочное задание по разгрузке железа было сорвано. Вследствие повреждения ноги Григорьев не работал около месяца.

Зинкевич и Иванов по ст. 110 УК осуждены — первый к 1 году и.т. работ и второй — 3 годам лишения свободы.

3) Ударная стахановская бригада Федченко завода «Ленгаз» систематически перевыполняла норму. Заработок каждого рабочего повысился вдвое, достигнув 430 руб.

Считая такой заработок слишком большим, зав. ТНБ завода Золотарев самовольно снизил расценки. В следующий же месяц бригада резко недовыполнила норму.

После отмены распоряжения Золотарева бригада дала перевыполнение нормы на 270%. Золотарев за противодействие развертыванию стахановского движения осужден по ст. 109 УК к 1 году и.т. работ при НКВД с запрещением в течение 3 лет руководящей работы в ТНБ.

Противодействие стахановскому движению со стороны отдельных несознательных и отсталых элементов из среды трудящихся выражалось в форме издевательств, оскорблений отдельных стахановцев и дезорганизаторского поведения, что объяснялось в каждом отдельном случае непониманием великого значения этого движения и культурной отсталостью этой группы осужденных.

Приведем несколько примеров.

1) Группа молодых рабочих совхоза № 7 Ленсовета (Зверев, Савченко, Ефимов, Волков и Воробьев) в нетрезвом состоянии явилась в свой клуб, где в то время прорабатывалась речь товарища Сталина на совещании стахановцев, и стала требовать себе слова. Слова им конечно не дали. Тогда эта компания стала озорничать, выкрикивая ругательства по адресу руководителей собрания и тех рабочих стахановцев, имена которых назывались. Зверев и Савченко начали стучать кулаками по столу президиума, разбили стекла в окнах и оказали сопротивление при удалении их из клуба, избив одного рабочего. Проработка речи товарища Сталина была сорвана. Зверев и Савченко были осуждены по ч. 2 ст. 74 УК — первый к 5 годам и второй к 3 годам лишения свободы, а Ефимов к 1 году и.т. работ; остальные оправданы.

2) Рабочий-столяр мебельной фабрики им. 17 МЮД Урлов систематически нарушал правила внутреннего распорядка, а вторую половину дня обычно не работал и мешал товарищам по работе. За дезорганизаторское по-

ведение он был уволен, но затем вновь был принят.

После возвращения на работу Урлов своего поведения не изменил. 25 ноября 1935 г. он, заметив свою фамилию на черной доске, а на красной доске фамилии лучших ударников стахановцев, переписал фамилии с доски на доску таким образом, что все дезорганизаторы производства оказались на красной, а лучшие стахановцы на черной доске. Урлов осужден по ч. 2 ст. 74 УК к 2 годам лишения свободы.

3) Рабочий ситценабивной фабрики им. Веры Слуцкой Пронин постоянно выходил на работу в нетрезвом виде, постоянно дебоширил и скандалил. 2 декабря 1935 г., будучи по обыкновению в пьяном виде, он из озорства включил мотор без вызова монтера и тем самым выключил всю линию электросети. В результате такого хулиганства у рабочих стахановцев получился простой и фабрике были нанесены убытки. Пронин осужден по ч. 2 ст. 74 УК к 2 годам лишения свободы.

Приведем еще одно характерное дело в области нарушения интересов стахановцев в быту.

Муж и жена Комиссаровы прожили 15 лет относительно спокойно и мирно, совместно воспитывая троих детей. С 1933 г. Комиссаров, рабочий фабрики «Рабочий», начал систематически пьянствовать, прогуливать, пропивать домашние вещи и перестал оказывать какую-либо материальную помощь семье.

Между тем жена Комиссарова, работница прядильного цеха той же фабрики, с каждым днем овладевая техникой своего дела, стала лучшей стахановкой на фабрике. На фабрике ее чествовали и поздравляли, а дома пьяный муж устраивал дебоши, оскорблял ее и бил. Когда Комиссарова была послана как первая стахановка текстильной промышленности в Москву на I всесоюзное совещание, муж ее перед отъездом зверски избил, а затем, по возвращении, начал истязать, требуя прекращения ее общественной деятельности. Комиссаров осужден по ч. 2 ст. 73¹ УК к 4 годам лишения свободы.

Приведенные нами дела из практики работы ленинградских органов юстиции далеко не исчерпывают собой всего разнообразия форм сопротивления стахановскому движению. Но все они в равной мере показывают сложность этой категории дел, сложность, требующую от следственных, прокурорских и судебных органов умения разоблачать хитрые маневры классового врага и отличить их от простого консерватизма политически отсталых элементов из среды рабочего класса и технической интеллигенции, сложность, требующую бдительности и особо осторожного подхода при выборе мер наказания.

„Рассмотрев жалобу...“

Правильно и вдумчиво подойдя к жалобе, можно сделать чрезвычайно много для укрепления социалистической законности, для помощи трудящемуся, чьи права нарушены, для охраны и укрепления общественной социалистической собственности, для борьбы с бюрократизмом и волокитой, с бездушным отношением к человеку — самой большой ценности в новом социалистическом обществе.

Рассмотрев жалобу, можно наилучшим образом содействовать окончательной ликвидации пережитков капитализма в сознании людей, укреплению новой культуры труда и быта.

Наконец, рассмотрев жалобу, можно прийти к выводу, что автор ее не прав, зря жалуется, и тогда разъяснить жалующемуся простым языком его ошибку и успокоить его.

Но можно и иначе рассмотреть жалобу. Можно просто отмахнуться от нее, как от надоедливой мухи. Можно, в буквальном смысле слова, «рассмотреть» жалобу и либо оставить ее «без последствий», либо, для очистки совести, направить ее в другое место в расчете на то, что там разберутся в деле. Немало у нас еще таких канцелярско-бюрократических методов рассмотрения жалоб, немало и случаев просто легкомысленного и недобросовестного отношения к жалобам трудящихся. Не зря в центральной печати вновь появились сигналы о таком именно отношении многих судебных работников к жалобам.

Правда, огромный культурный рост трудящихся в нашей стране привел к тому, что малейшее нарушение закона и прав трудящихся немедленно вызывает решительный отпор, в частности, и в виде жалоб и заявлений в прокуратуру и суд; факты беззакония и нарушений прав, которые раньше нередко оставались безнаказанными, так как этого не замечали и против него не возражали, сейчас редко когда остаются без чувствительного реагирования и требования наказания виновных со стороны окружающих и лиц, интересы которых нарушены.

Кстати сказать, этого обстоятельства не учитывают иногда при изучении причин роста осужденных должностных лиц, в то время как по всем остальным преступлениям количество осужденных у нас систематически снижается. Высокий уровень культуры и сознательности масс безусловно содействует раскрытию всяких беззаконий, творимых отдельными бюрократами и самодурами. Главным образом поэтому именно растет и число жалоб, подаваемых в органы прокуратуры. Но следует ли отсюда, что увеличившаяся вследствие этого нагрузка работников прокуратуры дает им право «механизировать» свою работу по жалобам, штамповать ответы по ним, «рассматривать» в день по 100—150 жалоб и строчить трафаретные резолюции? Кому нужна такая, с позволения сказать, работа? Напрасно думать, что легко теперь отделаться от советского жалобщика, прекрасно понимающего, что нарушенные его права все равно будут и должны быть восстановлены, а потому решительно и упорно борющегося за правду. Бюрократы и чиновники, не умеющие как следует раз-

бирать жалобы, лишь тормозят работу, увеличивают страдания людей и осложняют дело тем, что вместо одной—двух инстанций жалоба проходит несколько, иногда довольно многочисленное количество инстанций для того, чтобы получить окончательное правильное разрешение.

Конечно, есть и такие жалобщики, которые неосновательно жалуются во все инстанции, есть и больные люди, просто сутяжники. Но ведь дело не в них, число этих людей незначительно. Огромное же большинство неосновательно жалующихся, получив толковое объяснение по поводу своей жалобы, не продолжает зря жаловаться дальше.

Прокуратура Союза, особенно за последнее время, когда количество жалоб стало систематически увеличиваться, постоянно следит за тем, чтобы наилучшее организовать обслуживание жалобщиков, ускорить и улучшить рассмотрение жалоб и заявлений, поступающих в Прокуратуру СССР со всех концов Союза.

Вновь организованное с 20 марта 1936 г. бюро жалоб принимает всех явившихся впервые в Прокуратуру СССР жалобщиков, немедленно выясняет, в чем суть дела, по которому подается жалоба, и в соответствии с этим дает жалобщнику то или иное правильное направление. Если жалобщик является вторично, так как жалоба его не нашла еще разрешения, то бюро жалоб, имея функции контроля за исполнением по жалобам, немедленно проверяет причины волокиты в прохождении жалоб и в нужных случаях доводит об этом до сведения прокурора СССР.

По тому же принципу проходят и письменные жалобы, поступающие по почте. Бюро жалоб получило право направлять в другие учреждения и периферийной прокуратуре те жалобы, которые должны были быть переданы на разрешение этих органов, но не были переданы из-за незнания жалобщиками порядка рассмотрения жалоб на действия местных органов. Конечно, тут никаких механических действий, канцелярского подхода быть не может. Поэтому жалобы хотя и неправильно направленные непосредственно в Прокуратуру Союза ССР, но содержащие указания на явное нарушение революционной законности, подлежат рассмотрению и разрешению в Прокуратуре Союза ССР.

Новые мероприятия Прокуратуры СССР, направленные на максимальное улучшение работы по рассмотрению жалоб, коснулись и таких, на первый взгляд, канцелярских «мелочей», нередко пренебрежительно игнорируемых многими руководителями органов прокуратуры на местах, как вопрос об обязательной передаче жалоб в отделы и управления Прокуратуры СССР под расписку, о немедленном извещении жалобщиков о принятых по жалобе мерах и т. п. Но основным и наиболее трудным участком в этом деле, на который теперь сделан упор и при создании бюро жалоб, является контроль за исполнением по жалобам.

Несвоевременное рассмотрение жалоб, волокита с высылкой дел и материалов для проверки, неписьмылка ответов о результатах по

жалобам и т. п. заставляет буквально краснеть не только перед жалобщиками, но и перед теми органами, по просьбе которых дела и жалобы проверяются. В связи с этим происходит громадная излишняя переписка, теряется очень много времени как у жалобщиков, так и у прокуроров, жалобщики нервничают и тем самым нарушают своими письмами, телеграммами нормальную работу учреждений. Все это происходит оттого, что не налажен еще настоящий контроль исполнения, плохо дисциплинированы многие работники прокуратуры на местах, нет у них чувства ответственности за своевременное и правильное разрешение жалоб.

Первые же наблюдения за прохождением жалоб показывают, что огромное большинство их попадает в высшие звенья прокурорской системы и тем самым осложняет всю работу (ибо прокурорам на местах легче и проще проверять жалобы) из-за плохой, неумелой, а подчас и бюрократической работы низших звеньев прокуратуры по жалобам.

Из многочисленных примеров этого рода мы приведем только три, да притом из практики работы одного лишь отдела такой ведущей прокуратуры из числа прокуратур союзных республик, как Прокуратура РСФСР.

Народный суд Ворошиловского района Свердловской области (нарсудья Соколов) 17/XI 1935 г. нашел, что за сокрытие своего социального положения в 1930 г. при поступлении на службу и потом при вступлении в комсомол молодой 22-летний специалист гр. Тяпкин должен быть наказан не иначе как по ст. 169 УК, и приговорил его к 2 годам лишения свободы. Составленный языком полуграмотного человека и по существу явно неправильный приговор этот не был отменен кассационной коллегией облсуда, и Тяпкин, взятый под стражу, был направлен из одного места лишения свободы в другое, пока его жалобы «рассматривались».

Прокуратура РСФСР (г. Рыжанский), получив в декабре 1935 г. жалобу гр. Тяпкина и сразу же увидев из нее и из копии приговора, что Тяпкин осужден неправильно и должен быть немедленно из-под стражи освобожден (так как других «преступлений» в поведении Тяпкина суд не указал), трафаретно направила жалобу на распоряжение райпрокурора Ворошиловского района. И все! Прокуратура РСФСР не сочла нужным даже проконтролировать действия райпрокурора. И только тогда, когда обеспокоенные волокитой родственники Тяпкина обратились в Прокуратуру СССР и в связи с этим был дан вопрос в Прокуратуру РСФСР, там зашевелились, дали телеграмму прокурору Ворошиловского района. Последний, наконец, составил протест в облсуд, но с предложением не прекращать дело, а «доследовать» его. Трудно понять, что хотели доследовать в таком деле работники рай- и облпрокуратуры. Но президиум облсуда решил вообще, что и доследовать нечего и отменять тут нечего. Пусть, мол, посидит Тяпкин. И сидел напрасно молодой специалист Тяпкин, пока распоряжением прокурора СССР не было предложено немедленно розыскать его и освободить из-под стражи, а дело выслать в Прокуратуру СССР. Опротестованный прокурором СССР приговор этот был 20/IV 1936 г. отменен Верховным РСФСР, и дело производством прекращено. Но человек зря сидел не-

сколько месяцев под стражей не только по воле народного судьи, но и тех работников прокуратуры, которые бездушно-формально относятся к жалобам трудящихся.

Другая жалоба, поступившая в отдел, возглавляемый тем же т. Рыжанским, получила также формально правильное, а по существу издевательское разрешение. Гражданка Успенская-Макаровская обратилась в прокуратуру с жалобой на то, что решение Можайского народного суда о взыскании 100 руб. алиментов с ее бывшего мужа на содержание ребенка Московским облсудом изменено неправильно и размер алиментов без всяких оснований снижен до 60 руб.

Можно, конечно, «рассмотрев» жалобу эту, сообщить жалобщице, что закон наш предоставляет женщине широкие права и максимально охраняет интересы женщины и ребенка; пусть, мол, она — Успенская — не беспокоится и подает новый иск в суд. Но прокуратура ведь не бюро юридической консультации коллегий защитников. Женщина с болью рассказывает в жалобе о том, что гр. Макаровский трижды ее гнусно обманывал, звал к себе, извинялся в том, что прогонял он ее из своего дома, но через некоторое время совместной жизни вновь нагло прогонял ее из дома и приводил к себе другую жену. «...Он настойчиво писал, — говорит в подробно и искренне написанной жалобе, — опять рассказывался, опять просил простить и не отталкивать. Я не устояла: он все же был отцом моего ребенка. ...За это время он вступил в ряды партии и просил, если не верю я просто ему, поверить честному слову партийца. Полтора года он регулярно писал мне, и я опять поверила, стала опять жить им, его интересами. Большую, понятно, здесь роль сыграла дочь... В этот раз ради нее и постаралась заглушить воспоминания прошлого и дала согласие ему опять сойтись с ним... Затем через три месяца приехала другая жена Макаровского, начались новые интриги, а «на другой день он объявил мне, что она приезжает... а потому я должна подумать о том, чтоб освободить квартиру. Но что я могла предпринять среди зимы (опять был декабрь) и теперь уже не одна, а с ребенком 2½ лет и старухой матерью 57 лет, которая приехала к нам по его же просьбе помочь мне... Я ушла с работы и начала собираться к отъезду». Далее описывается дикое отношение к бывшей жене и ребенку со стороны Макаровского, выжившего их вновь из квартиры.

Нет сомнения в том, что получив такую жалобу, Прокуратура РСФСР должна была заинтересоваться всей этой историей, в которой налицо имеются не только гражданское правонарушение, но и признаки уголовного преступления. Но она не сделала этого; она просто «разрешила» вопрос: жалобу оставила без последствий.

Только теперь, после того как жалоба дошла до Прокуратуры СССР и были истребованы объяснения от Прокуратуры РСФСР, последняя затребовала дело и занялась им.

Наконец, третий пример безразлично-бюрократического отношения к страданиям, напрасно причиняемым трудящимся незаконными действиями тех или иных чиновников-самодуров различных учреждений.

Жилищно-коммунальный отдел завода № 93 Химтреста (в Москве) в марте 1936 г. решил выселить из принадлежащего заводу дома быв-

шую жену и двух детей нач. Новгородского горотдела НКВД, гр. Глушанина. Глушанин, узнав о том, что в народном суде Пролетарского района г. Москвы предъявлен иск о выселении его семьи, и не имея возможности по условиям своей работы в Новгороде приехать в Москву и защищать свои права, обратился за помощью к районному прокурору, прокурору г. Москвы и наконец к прокурору РСФСР. Глушанин писал в этих жалобах, что квартиру он получил в 1932 г. не от завода и вне связи с какими бы то ни было трудовыми отношениями с заводом. Он просил прокуроров вмешаться в это дело, так как дети его и бывшая жена Глушанина-Сухарева находятся «в самом отчаянном состоянии и пишут ему душераздирающие письма». Ни один прокурор не вмешался, хотя по всем данным было ясно, что это вмешательство необходимо.

9/IV 1936 г. нарсуд успел уже вынести решение о выселении Сухаревой-Глушаниной с детьми по тем мотивам, что ответчица ни в каких взаимоотношениях с заводом не состояла. И только после этого 11/IV 1936 г. Прокуратура РСФСР (т. Рыжанский) направила жалобу Глушанина прокурору г. Москвы и предложила рассмотреть дело в порядке надзора.

Нет ничего удивительного в том, что Глушанин вынужден был тем временем обратиться

с жалобой уже к прокурору СССР, а жена его в панике пустилась по различным учреждениям г. Москвы с просьбой о помощи. Между тем от прокуроров (района, города и республики) требовалось только незначительное внимание к делу, чтобы понять, что дело это должно было быть прекращено в судебном порядке, так как закон не дает оснований к выселению Сухаревой-Глушаниной (которая с заводом ни в каких трудовых отношениях не состояла) с детьми в судебном порядке.

Такое именно отношение к жалобе заставило вмешаться в дело Прокуратуру СССР. в то время как она могла быть с успехом разрешена еще в райпрокуратуре.

Отчего это происходит, что к жалобам трудящихся относятся с такой легкостью и, можно даже сказать, так легкомысленно? Оттого, конечно, что люди не прониклись еще сталинской заботой о человеке, они не поставили себе такой задачи, чтобы в ближайшее же время каждому прокурору района смело выступить и заявить о том, что нет в его районе не только того «моря беззаконности», против которого со всей решительностью выступал В. И. Ленин, но и сколько-нибудь существенных нарушений социалистической законности.

А такую задачу следовало бы уже поставить.

А. ГЕРЦЕНЗОН

О едином учете преступлений и наказаний¹

В работе органов, осуществляющих борьбу с преступлениями в пролетарском государстве, точный учет преступлений и мер борьбы с ними является одной из существеннейших предпосылок успешности нашей уголовной политики. Этот учет необходим для руководящих органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений в такой же мере, в какой точный учет обязателен для органов промышленности, транспорта, торговли, сельского хозяйства. За каждой цифрой уголовной статистики находятся живые люди, являющиеся объектом воздействия со стороны органов расследования и т. д. Однако в противоположность учету промышленности, сельскохозяйственному и другим, учет преступлений и наказаний не отличается полнотой и разносторонностью охвата учитываемых явлений.

Для преодоления дефектов учета преступлений и наказаний необходимо осуществление целого ряда мероприятий, идущих, во-первых, по линии согласования известного минимума показателей статистической отчетности органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений и, во-вторых, введения в качестве обязательного для этих органов единого учета преступлений и наказаний.

Несмотря на то, что органы расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений преследуют одну и ту же цель — борьбы с преступлениями, в силу того, что они участвуют в этой борьбе в различных стадиях ее

осуществления, — учет преступлений в этих органах значительно разнится как по характеру объекта, методам учета, так и по самой системе показателей статистической отчетности. Часть этих различий без особого труда и без ущерба для существа работы этих органов может быть устранена. Другая же часть является неустранимой и должна быть учтена при разработке системы показателей объединенной статистической отчетности.

Статистическая отчетность органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений принципиально дает полную возможность учесть весь процесс с преступлениями — от момента возникновения уголовного дела до исполнения приговора. Весь вопрос сводится к преодолению ряда организационных моментов, нарушающих стройность единства учета преступлений и наказаний и состоящих в несогласованности программы статистической отчетности, в первичном учете и в системе собирания и обработки статистических данных.

Классификации преступлений, принятые в отчетности органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений, не совпадают ни по принципам ее построения, ни по числу показателей. В известной части эти классификации построены применительно к системе особенной части Уголовного кодекса (но с различной степенью дробности показателей), частично же классификации исходят из особенностей оперативной работы ведомств, из народнохозяйственных и политических предпосылок (обеспечение проводимых советским государством хозяйственно-политических кам-

¹ Сокращенная стенограмма доклада в Институте уголовной политики.

паний и т. д.). Таким образом, сопоставление классификаций преступлений, принятых в отчетности рассматриваемых нами органов борьбы с преступлениями, приводит к выводу о полной или, во всяком случае, очень значительной несогласованности.

Еще больше, чем в классификации преступлений, различия в показателях отчетности, наблюдаются в системе показателей оперативной работы.

Эти показатели отражают, учитывают специфику оперативной работы каждого органа совершенно изолированно, независимо от других органов.

Благодаря тому, что каждый орган, осуществляющий борьбу с преступлениями, организует учет в узко-оперативных интересах своего ведомства, — исключается возможность освещения целого ряда важнейших вопросов. Иллюстрируем сказанное некоторыми примерами.

Учет числа законченных расследованием дел, как было показано, осуществляется несколькими органами. Можно ли на основе всех упомянутых статистических источников определить общее число уголовных дел, законченных расследованием? На этот вопрос приходится дать отрицательный ответ: часть дел, расследованных милицией, направляется непосредственно в суд; другая часть дел направляется в прокуратуру, из которой часть этих дел направляется в суд, а часть возвращается для доследования, часть дел остается в прокуратуре для производства предварительного расследования. Дела, один раз учтенные в милиции, как законченные расследованием и направленные в прокуратуру, в последний вновь учитываются, а если эти дела из прокуратуры возвращаются в милицию, то в последний нередко вновь учитываются и т. д. и т. п.

Поэтому, для правильного учета числа законченных расследованием дел, а также и дел возбужденных, необходимо так построить учет и отчетность соответствующих ведомств, чтобы была исключена возможность повторного учета одних и тех же дел.

Учет осужденных также осуществляется несколькими органами: народными, областными и верховными судами, линейными судами, водными судами, военными трибуналами, органами НКВД. Поэтому для учета судимости, для учета рецидива, для учета условного осуждения должен быть организован единый первичный учет и согласована отчетность соответствующих ведомств.

Наконец, учет исполнения приговоров также осуществляется различными органами. В этой области наряду с единообразием и согласованием учета и отчетности должны быть разработаны показатели, характеризующие степень и качество реализации приговоров ко всем видам мер наказания. Особое внимание должно быть уделено учету условного осуждения.

В соответствии с высказанными выше соображениями первоочередной задачей по ликвидации разрыва между данными статистики органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений является согласование программ статистической отчетности, ликвидация противоречий и неувязок в разнородных системах учета преступлений и наказаний и разработка системы показателей объединенной отчетности. Эти мероприятия позволяют ответить на основные запросы уголовной политики

о количестве и характере выявленных преступлений, о числе и составе преступников и о степени реализации мер наказаний. Осуществление этих мероприятий, с другой стороны, будет способствовать введению единого учета преступлений и наказаний.

Для осуществления намеченных мероприятий необходимо создание организационного центра, в котором поставленные вопросы подверглись бы детальному обсуждению и конкретной разработке, и который бы мог быть достаточно авторитетным для органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений. Этот организационный центр должен быть образован с участием представителей Прокуратуры Союза, Верховного суда Союза, НКВД Союза, ЦУНХУ Союза и Института уголовной политики. Разработанные практические мероприятия должны быть утверждены Советом народных комиссаров Союза и введены в действие на территории всего СССР, с тем чтобы в установленные сроки регулярно представлялись отчеты о динамике преступности и наказаний для сведения директивных органов. Такова конечная цель намечаемого плана согласования статистической отчетности и введения единого учета преступлений и наказаний.

Было бы совершенно нецелесообразно при разрешении задачи согласования программ статистической отчетности органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений поставить перед собой цель — согласовать все без исключения показатели, все без исключения формы отчетности, все документы первичного учета. Это не вызывает интересами оперативной работы и не даст должного эффекта. Необходимо поставить задачу — охватить основные звенья процесса борьбы с преступлениями и именно в отношении их осуществить согласование отчетности.

Согласование программ статистической отчетности органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений предполагает разработку минимума показателей, учет которых обязателен для этих органов. С этой целью необходимо дать: а) классификацию преступлений и б) классификацию показателей оперативной работы.

Классификация преступлений должна быть построена на основе системы особенной части Уголовного кодекса.

Классификация показателей оперативной работы должна включать в себя следующие основные разделы:

- а) число уголовных дел, находившихся в производстве соответствующих органов, их движение, сроки рассмотрения дел;
- б) число привлеченных, обвиняемых и осужденных и их состав;
- в) меры наказания, назначенные по приговору суда, и их исполнение в исправительно-трудовых учреждениях..

Большинство из намеченных нами показателей учитывается в действующей ныне статистической отчетности органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений, но они учитываются без увязки между собой, изолированно, зачастую не охватывая всего явления, всего процесса борьбы с преступлениями в целом. Поэтому для осуществления приведенной системы показателей необходимо провести большую организационную работу по уточнению содержания каждого показателя.

Составление сводного отчета по объединенной отчетности представляет довольно сложную задачу, так как потребуется производить выборки из всей отчетности интересующих нас органов, располагать их в ином порядке, в иной системе.

Учитывая это, следует признать, что составление такого сводного отчета должно производиться Институтом уголовной политики, на который должно быть возложено:

- а) собрание необходимых сведений в соответствующих ведомствах;
- б) составление сводного статистического отчета и объяснительной записки к нему;
- в) представление руководящим органам и заинтересованным ведомствам упомянутых материалов.

Этот обзор, прежде всего, даст достаточно полную картину всего процесса борьбы с преступностью и позволит судить о результатах (а следовательно, в известной мере и об эффективности) судебной практической уголовной политики. Он позволит судить, хотя и неполно, о согласованности работы отдельных звеньев советской уголовной политики. Наконец, сводный обзор создаст возможность анализа уголовной политики по большому числу видов преступлений.

Благодаря систематизации всех имеющихся статистических данных о преступлениях и наказаниях, сводный обзор с наибольшей точностью позволит определить количество выявленных и расследованных преступлений, что приближает нас к разрешению проблемы единого учета преступлений. Этот обзор выявит степень интенсивности (количество дел и сроки их расследования) оперативной работы различных органов расследования, качество их работы (соотношение между числом дел, находящихся в производстве, и числом дел, направленных в суд, с одной стороны, и соотношением между числом привлеченных к уголовной ответственности, числом преданных суду и числом осужденных) в целом — по всем видам преступлений и по важнейшим их видам. С другой стороны, обзор укажет на степень распространенности тех или иных видов преступлений в различных отраслях народного хозяйства. Далее, обзор осветит социальную принадлежность, должностной состав, партийность и возраст осужденных, т. е. даст полную характеристику состава преступников. Сводный обзор осветит судебную политику по важнейшим видам наказаний, примененных к классово враждебным элементам и к неустойчивым элементам из среды трудящихся, особо выделяя вопрос об изменении приговоров в кассационной инстанции. Наконец, сводный обзор осветит исполнение приговоров по важнейшим видам наказания, т. е. позволит установить завершение уголовной политики в исправительно-трудовых учреждениях. Таким образом, сводный обзор, охватывая все основные звенья работы органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений, может оказаться весьма полезным при исследовании практической уголовной политики, одновременно служа и интересам оперативной работы.

Нужно, однако, здесь же подчеркнуть, что согласование ведомственной отчетности не разрешает полностью вопроса о ликвидации дефектов в учете и отчетности органов расследования, суда, исправительно-трудовых

учреждений, так как остается открытым вопрос о дублированном учете дел в различных органах расследования, о сплошном учете продолжительности расследования и т. д. С другой стороны, сопоставляя в известной последовательности различные показатели, мы должны помнить, что эти показатели учитывают не одни и те же дела, а различные дела. Поэтому сопоставление числа дел, законченных расследованием, и числа дел, поступивших в суд, методологически не вполне правильно, так как эти дела по времени их учета могут и не совпадать.

Введение в жизнь согласованной системы ведомственной отчетности вплотную подводит нас к проблеме единого учета преступлений и наказаний. Первый опыт осуществления единого учета преступлений был произведен в 1929 г. ЦСУ РСФСР под руководством т. Н. А. Черлюнчакевича в нескольких районах РСФСР и был признан НК РКИ СССР вполне удачным.

В связи с ликвидацией ЦСУ в дальнейшем эта работа, однако, не возобновилась и в масштабе всей РСФСР не производилась. Опыт единого учета преступлений проводится также и в УССР, являясь в его реализации первым организационным шагом.

Введение единого учета преступлений и наказаний преследует цель: 1) окончательной ликвидации разрыва между статистической отчетностью органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений, 2) уничтожения дублированного учета одних и тех же фактов в различных органах, 3) рационализации учета, 4) обеспечения не только регистрации одного определенного момента, а динамического охвата всего процесса борьбы с преступлениями, 5) внедрения в отчетность единого, стандартного документа первичного учета взамен множественности этих документов в действующей отчетности.

В настоящее время статистическая отчетность всех интересующих нас органов построена на том принципе, что документ первичного учета в своем движении независим от движения самого дела и, будучи один раз заполнен, в дальнейшем не подвергается, как правило, изменениям, оставаясь в том органе, в котором он был заполнен.

Такой порядок с неизбежностью приводит к необходимости заполнения нового документа в том органе, куда дело направлено, причем заполнение этого документа ничем не связано с предыдущим документом первичного учета. А так как уголовное дело может проходить через целый ряд инстанций, то заполнение учетного документа может дублироваться очень большое число раз, и, в зависимости от результатов расследования, учетные данные об этом деле подвергаются крупнейшим изменениям.

Для того чтобы избежать такой путаницы и вместе с тем для реализации намеченных нами задач, необходимо коренным образом перестроить систему учетной документации на уголовное дело.

Учетный документ должен следовать вместе с движением дела по соответствующим инстанциям; по мере нахождения новых фактов по делу и по мере движения уголовного дела, учетный документ в каждом органе, где находится данное дело, должен использоваться для оперативно-справочных целей, являясь вместе с тем основой статистического отчета

данного органа. По своему содержанию учетный документ должен ответить на все основные вопросы статистической отчетности органов расследования и суда. Таким образом учетный документ является единым для учета уголовного дела и для учета лица, обвиняемого и осужденного по нему.

Таковы те основные принципы, которые мы кладем в основу предлагаемой системы единого учета преступлений и наказаний.

При действующей системе отчетности, как уже указывалось, не исключена возможность, что в каждом органе каждый раз, как дело вновь поступит, на него будет заполнен учетный документ. Таким образом, на практике может оказаться, что на одно и то же дело учетный документ будет составляться 3—6—10 и более раз. Такой порядок осложняет работу оперативных органов, загромождает их излишней учетной работой и является источником дублированного учета, при котором преувеличивается фактическое число дел, возбужденных и расследованных.

При осуществлении предложенной нами системы единого учета положение изменяется. Основной учетный документ, заполненный в известной своей части первым органом, возбуждавшим уголовное дело, следует вместе с делом по всем инстанциям, в которых он соответственно пополняется и в случае надобности используется. В каждом из этих органов учетный документ используется для оперативно-справочных и учетно-статистических целей. В случае повторного возвращения дела в данный орган, на дело не заводится новый учетный документ, а в основной документ, следующий с делом, вносятся соответствующие дополнения и исправления. Такая система значительно упрощает учет и обеспечивает единство учета.

В связи с тем, что учетный документ следует за делом, а составление статистических отчетов в различных органах приурочено к разным периодам, — в некоторых случаях, повидимому, придется оставлять в данном органе копию учетного документа. Такой порядок, однако, может быть упрощен путем внесения рационализации в самое составление статистического отчета. Это обстоятельство — необходимость снятия копии карточки — ни в какой мере не усложняет системы единого учета, так как при действующей системе в соответствующем случае должна быть составлена каждый раз новая карточка.

Документ первичного учета, который должен обеспечить осуществление намеченных мероприятий, рассчитан на учет двух объектов — уголовного дела и лица, совершившего преступление. Поэтому в документе первичного учета должны найти отражение все основные факты и сведения, относящиеся к преступлению и преступнику, а равно и к оперативным мероприятиям соответствующих органов. Учетный документ должен быть построен так, чтобы он обеспечивал в удобообозримой форме освещение деятельности органа расследования и суда.

Схема учетного документа может быть дана следующая:

А. Уголовное дело.

- 1) Характеристика преступления,
- 2) возбуждение уголовного дела,
- 3) расследование преступления,

- 4) направление дела в суд,
- 5) судебный приговор,
- 6) решение кассационной инстанции.

Б. Преступник.

- 1) Характеристика преступника,
- 2) возбуждение уголовного преследования,
- 3) предание суду,
- 4) мера наказания по приговору суда.

Перечисленными 10 группами вопросов охватывается совокупность сведений, учет которых необходим для оперативной работы органов расследования и суда.

В документ первичного учета не включены вопросы исполнения приговора. Включение этих вопросов на практике вызвало бы большую путаницу, так как исполнение приговора по одному и тому же делу, по которому может быть осуждено несколько лиц к различным наказаниям, осуществляется различными органами и пришлось бы дублировать учетную карточку столько раз, сколько было осужденных по данному делу. Между тем, такой порядок вовсе не вызывается практическими потребностями, и на каждый приговор может быть составлен особый учетный документ, в который будут включены наиболее важные сведения об осужденном и сведения о самом исполнении приговора.

Целесообразно установить такой порядок, чтобы по вынесении окончательного приговора суд составлял учетный документ на осужденного (по краткой программе) и направлял его в орган, исполняющий приговор. Последний, по исполнении приговора, а также в процессе его исполнения, включает в этот учетный документ необходимые сведения, использует его для своей отчетности и возвращает обратно, для того чтобы суд, вынесший приговор, знал, как исполнен его приговор.

Предложенный выше проект учетного документа может несколько варьироваться. Сведения о преступнике, помещенные на обороте учетной карточки, могут быть вынесены на особый отрывной талон, заполняемый в суде и затем используемый в суде для составления статистического отчета и направляемый далее в орган, исполняющий приговор. Мы на этих вариантах, однако, пока не останавливаемся, так как считаем, что первоначально должен подвергнуться обсуждению основной принцип единого учета и его простейший вариант. Для уяснения техники осуществления единого учета необходимо в общих чертах остановиться на порядке составления документов первичного учета, на движении этих документов и на системе их обработке и использовании.

Учетный документ первоначально составляется тем органом, который возбуждает уголовное преследование. По мере нахождения новых материалов по делу учетный документ пополняется в соответствующих графах. При передаче дела в другой орган заполняется второй экземпляр учетного документа (в части, необходимой для оперативно-справочных и статистических целей первого органа), а основной документ следует вместе с делом. Должен быть установлен такой порядок, при котором дело не считается оформленным и не может быть принято другим органом, если к делу не приложен документ единого учета. Во втором органе учетный документ подвергается исправлениям и дополнениям в зави-

симости от новых материалов по делу, дальше при последующей передаче дела составляется копия учетного документа и т. д. В случае возвращения дела в первый орган (на доследование и т. д.) на это дело не заводится уже новый документ, а используется документ, находящийся при деле, и документ, в копии оставшийся в первом органе.

При составлении статистического отчета в каждом органе используются находящиеся у них копии учетных документов. В формах статистической отчетности должна быть достигнута полная согласованность, причем должны быть включены графы, взаимно контролирующие отчетность различных органов.

Осуществление единого учета преступлений и наказаний требует разработки, наряду с ведомственной отчетностью, сводной статистической отчетности — наподобие приведенной нами выше, но отличающейся большей принципиальной выдержанностью и полнотой. Для составления сводной статистической отчетности должен быть установлен порядок обязательной высылки основного учетно-статистического документа в один определенный орган, — после того как уголовное дело окончательно завершено или после того как приговор исполнен.

Таким органом, концентрирующим учетные документы на законченные уголовные дела и освещающим перед руководящими органами состояние преступности и борьбу с нею, может являться прокуратура или суд.

Практически составление сводного отчета о

состоянии преступности и о мерах борьбы с нею мыслится в следующих организационных формах:

В точно установленные сроки (один раз в три или шесть месяцев) каждый орган, окончательно завершивший производство по уголовному делу (прекращенное дело, рассмотренное по существу дело, исполненный приговор), направляет в органы прокуратуры или в суд документ единого учета, находившийся при деле. Прокуратура или суд (краевой, областной, республиканский) производит разработку этих учетных документов, имея целью статистически отразить весь процесс борьбы с преступностью. Итоги статистической разработки обсуждаются на междведомственном совещании, и результаты докладываются руководящим органам.

Таким образом, введение единого учета преступлений и наказаний, рационализируя учетно-статистическую работу органов расследования, суда и исправительно-трудовых учреждений, ликвидирует разрыв между статистическими данными этих органов, позволяет наиболее точно определить число выявленных преступлений и отразить всю совокупность мероприятий в борьбе с преступностью.

Настоящий проект согласования ведомственной отчетности и введения единого учета преступлений и наказаний, естественно, является лишь первой, приближенной, наметкой реформы уголовной статистики. Обсуждение этого проекта неизбежно внесет в него целый ряд коррективов.

С. ГИЧЗБУРГ

Законодательство и судебная практика о правовом положении временных жильцов

Проблема временных жильцов принадлежит к числу наиболее трудных, сложных и запутанных проблем нашего жилищного права. Законодательных постановлений о временных жильцах исключительно мало — ни одного союзного постановления, а в республиканских (РСФСР) всего несколько, причем из них только декрет от 1/VIII 1927 г. и воспринявший его ГК (ст.ст. 156-б и 156-в) дают общую установку. Между тем, нельзя не отметить, что это — вопрос очень большой, и в том или ином его разрешении заинтересовано огромное количество съемщиков площади.

Когда идет спор между трудящимися и домуправлением, позиция нашего закона — вполне четкая и до предельности ясная. Сводится она к неукоснительному, безоговорочному применению ст. 156 ГК, охраняющей право трудящегося на жилище, и являющейся, вместе с законом 1/VIII 1927 г., основой нашего права на площадь. Совсем не то, когда спор разгорается между двумя трудящимися — «основным съемщиком» и так называемых «временным жильцом».

У нас нет никаких оснований безоговорочно и всегда становиться на защиту прав основного съемщика. По данным обследования трех районов г. Москвы, например, установлено, что среди ответчиков по делам о выселении

временных жильцов 58—60% составляют рабочие, а среди остальных подавляющее большинство, около 95%, служащие.

Данными вышеупомянутого обследования в Москве установлено, что 92% (т. е. подавляющее большинство) временных жильцов живет совместно, в одной комнате с основными съемщиками, т. е. снимают «койки»; многие живут в местах общего пользования (на кухне, в коридорах), за что платят до 50 руб. в месяц. Так как временный жилец по закону должен платить по ставкам Моссовета (а в домах РЖСКТ — не свыше полуторной ставки самого пайщика), т. е. за «угол» максимум несколько рублей в месяц, но ясно, что мы имеем тут дело с яркими случаями жилищной спекуляции и со взиманием квартплаты в десятикратном, по сравнению с полагающимся, размере. По делу № 3689 Фрунзенского района г. Москвы установлено, что истица за «комнату» в 3—4 кв. м, при заработке ответчицы в 250 руб., взимала 120 руб. в месяц. По делу № 4573 Фрунзенского района установлено, что истец получил с временного жильца «въездные» и сверх того — получал по 100 руб. в месяц. Кроме того, по заявлению ответчицы, истец пускает к себе заезжих людей с оплатой по 3 руб. за ночь. Сдавая площадь, основной съемщик, как правило, преследует цели

наживы. Только в отдельных случаях, тону-щих в общей массе корыстных комбинаций, вселение временных жильцов вызывается дру-гими соображениями (отъезд, уменьшение семьи, желание помочь знакомому и т. д.). По-этому защита основного сьемщика против временного жильца — трудящегося может быть только условной. Тут прямолинейность и прин-ципальный отказ временному жильцу в при-менении к нему ст. 156 ГК, т. е. безоговороч-ное разрешение его выселить — было бы в ряде случаев совершенно неправильно. В дей-ствующем законодательстве имеются указания, правда, но совсем четкие и ясные, но все же достаточные для обоснования защиты времен-ного жильца, особенно в тех случаях, когда он является более слабой стороной в процес-се, и налицо элементы спекуляции со сторо-ны основного сьемщика. Однако прежде всего нам необходимо разобраться в самом поня-тии «временный жилец», в отличие от основ-ного сьемщика.

1. Понятие «временный жилец». Основной сьемщик снимает площадь у домоуправления (жакта, дом. треста, ведомственного или ком-мунального дома, застройщика, частного домо-владельца, частного арендатора дома и т. д.), с ним состоит в непосредственных отношениях, у него имеет свой лицевой счет и оплачивает квартирную плату по его жироприказам. Вре-менный же жилец — с домоуправлением ни в каких отношениях не состоит, лицевого сче-та у него не имеет и платит не ему¹, а своему «хозяину», основному сьемщику, физическому лицу, который свою площадь (частично или цел-ным), занимаемую им в пределах установлен-ных норм, от себя сдает в поднаем, суб-аренду. Поэтому не является временным жиль-цом (в юридическом смысле этого слова, а не в отношении продолжительности проживания), например, дом. работница, которая, хотя и жи-вет на площади основного сьемщика, но не по арендному, а по трудовому договору. Так же не является временным жильцом в этом смы-сле слова и проживающий на служебной пло-щади, полученной от учреждения или пред-приятия в связи с работой, так как тут хотя и возможны арендные отношения по зани-маемой площади, но зато сама площадь при-надлежит не физическому лицу, основному сьемщику, а лицу юридическому.

Не является также временным жильцом ли-цо, получившее площадь от жакта, хотя бы и на самый короткий срок (3 месяца, 6 ме-сяцев), так как тут мы имеем дело с арен-дой площади у домоуправления, полностью ох-раняемой ст. 156 ГК: жилец может свои 3 ме-сяца (срок договора) превратить в 3 года и т. д., так как согласно ст. 156 ГК инициа-тива прекращения арендных отношений все-цело принадлежит ему, а не жакту.

Во всех этих случаях нет основного рекви-зита понятия «временный жилец», а именно — арендного пользования площадью, принадле-жащей основному сьемщику, получившему ее для личного использования в пределах уста-

новленных норм и временно им переуступлен-ной.

2. Объем и значение проблемы временных жильцов. Количество временных жильцов не поддается точному учету. Однако можно, не рискуя впасть в преувеличение, сказать, что в крупных центрах, в особенности в Москве, их число вряд ли на много, если вообще — уступает числу «основных» сьемщиков. Obser-дование некоторых районов Москвы, в част-ности данные о домах РЖСКТ, показывают, что временных жильцов в некоторых из них, больше, чем самих членов кооператива. Если таково положение в домах РЖСКТ, где все-ление временных жильцов затруднено необ-ходимостью получения предварительного пись-менного разрешения правления и допускается только на определенный, согласованный с прав-лением РЖСКТ, срок, то что сказать о домах муниципализированного фонда, где никакого разрешения на вселение временных жильцов не требуется и их проживание никакими предель-ными сроками не ограничено!

В любом жакте, дом. тресте или РЖСКТ проблема временных жильцов — одна из са-мых актуальных, самых злободневных, настоя-чиво требующая четкого разрешения в ту или иную сторону. И поскольку ответчиками по этим делам являются исключительно трудящие-ся, необходима особая осторожность в высе-лении и четкость в применении закона, охра-няющего их права. На этих последних оста-новимся более подробно.

3. Права временных жильцов. Основным за-коном, регулирующим у нас право на пло-щадь, является ст. 156 ГК и изданное в до-полнение к ней пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 1/VIII 1927 г. Этой статьей устанавливается право сьемщика площади на «автоматическое» (без получения согласия или даже вопреки же-ланию наймодателя) возобновление арендных отношений. Прекращение аренды жилого поме-щения, занимаемого одной из указанных в ст. 156 ГК категорий, всецело зависит от усмотрения сьемщика площади и ни в коей мере — от наймодателя, роль которого в этом деле — чисто пассивная роль простого сви-детеля, констатирующего лишь факт дальнеш-его проживания сьемщика по окончании сро-ка договора, каковому факту он помещать никак не может.

В своей первоначальной редакции ст. 156 ГК, как известно, не имела ни второго, ни третьего примечания. В целях создания сти-мула для строительства новых домов ст. 156 ГК была в 1925 г. дополнена прим. 2, изыма-ющим из-под действия этой статьи дома за-стройки. В 1926 г. эта же льгота примечанием третьим была распространена на дома, непо-средственно связанные с земледельческим хо-зяйством. Таким образом ограничение приме-нения ст. 156 ГК шло сначала по линии суже-ния территориального ее применения, — пу-тем сокращения круга объектов, на которые распространяется ее действие.

Дальнейшая эволюция ГК в этом вопросе примечательна тем, что от объективных огра-ничений применения ст. 156 (по объекту) она переходит к ограничениям, связанным с субъ-ектом, со сьемщиком жилого помещения. По-являются ст.ст. 156-б и 156-в (декрет 13/II 1928 г., СУ 1928 г., № 24, ст. 171). Согласно этим новым статьям сама ст. 156 ГК, обосно-вывающая бессрочное право на площадь, не

¹ В отдельных случаях допускается непосред-ственная оплата кв. платы временным жильцом домоуправлению (например, при проживании на «броневой» площади временно отсутствующ-их), с открытием ему лицевого счета, но это лишь — исключение, подтверждающее общее правило.

подлежит применению к временным жильцам. Однако это изъятие из-под действия ст. 156 ГК применяется не ко всем временным жильцам, а лишь к тем из них, которые сняли жилую площадь на **определенный срок**. При этом в первоначальной редакции ст. 156-6 ГК от 13/II 1928 г. вкралась неточность, исправление которой само по себе очень характерно для установления правильного понимания природы временного жилья. В этой первоначальной редакции было сказано: «временные жильцы (наниматели и поднаниматели)». Между тем, наниматели, арендаторы, состоящие в непосредственных арендных взаимоотношениях с владельцем дома, не являются и не могут являться временными жильцами, каковыми могут быть только **поднаниматели, субарендаторы**, арендующие площадь у основного съемщика. Ввиду этого указанная неточность редакции ст. 156-6, вносящая противоречие в самое понятие «временный жилец», была вскоре устранена специальным постановлением (СУ 1929 г. № 84, ст. 822), исключившим в тексте ст. 156-6 слова «наниматели». Таким образом ст. 156-6 в новой редакции говорит уже о временных жильцах (поднанимателях), что дает правильное и четкое определение этой категории жильцов, главная особенность которых и заключается в производном характере их арендных прав, связанных с правами основного съемщика (арендатора, нанимателя).

Отказывая временным жильцам в применении к ним ст. 156 ГК, т. е. предоставляя основному съемщику право их выселения, законодатель ограничил это исключение временными жильцами, снявшими площадь на **определенный срок** (см. ст. 6 декрета 1/VIII 1927 г. и ст. 156-6 ГК). Поэтому на временных жильцов, снявших площадь без установления определенного срока проживания (а таких — подавляющее большинство), это изъятие из действия ст. 156 ГК не распространяется, другими словами, «бессрочные», если можно так выразиться, временные жильцы пользуются защитой ст. 156 ГК, т. е. имеют право на площадь, и их выселять основной съемщик права не имеет. Это понимание прав временных жильцов вытекает из общих принципов нашего гражданского права и из точного смысла декрета от 1/VIII 1927 г. и воспринявшей его ст. 156-6 ГК.

К сожалению, инстр. НКЮ и НККХ № 37 от 27/I 1934 г. дает совершенно другую установку в этом вопросе. Согласно ст. 7 этой инструкции «временные жильцы... не приобретают никакого права на фактически занимаемую ими жилую площадь». Это положение верно в отношении «срочных» временных жильцов (снявших площадь на срок) и в этом смысле прямо вытекает из закона 1/VIII 1927 г. Но дело в том, что инстр. 27/I 1934 г., как это видно из ст. 7 инструкции, распространяет это правило и на «бессрочных» временных жильцов (поселившихся без определенного срока или оставшихся жить после окончания срока), что из закона 1/VIII 1927 г. и ст. 156-6 ГК вовсе не вытекает, а, наоборот, им противоречит.

Как общее правило, всякий закон подлежит применению во всех случаях, за исключением прямо в законе указанных. В отношении «срочных» временных жильцов такое изъятие из действия ст. 156 ГК имеется (а именно ст. 156-6 ГК), но какие же основания отказывать в защите ст. 156 ГК «бессрочному» временному

жильцу, рабочему или служащему? Где же правовые основания для отказа ему в защите закона?! Их нет, и поэтому толкование этого вопроса, принятое инструкцией 27/I 1934 г., следует считать не связанным с действующим законодательством. Судебная практика в большинстве случаев встала на правильный путь, часто отказывая в иске основному съемщику, но поскольку имеются противоположные указания, эта практика не выдержана, противоречива и страдает слабостью своей правовой аргументации.

4. Прием временных жильцов в члены жакта. Вопрос большой важности, так как вступление в члены жакта дает временному жильцу некоторые права, и прежде всего, основное право — выступить кандидатом на освобождающуюся в доме площадь. В этом вопросе необходимы поэтому исключительная ясность и четкость. Малейшая недоговоренность вызывает жесточесные споры между заинтересованными сторонами (временным жильцом и другими нуждающимися в площади жильцами) и, как результат, бесконечно затягивающиеся судебные дела.

Вступление временных жильцов в члены жакта регулируется декретом СНК РСФСР от 15/XI 1927 г. (СУ 1927 г. № 118, ст. 800). Согласно п. «г» ст. 3 этого декрета жакт обязан принимать временных жильцов, членов профсоюза, фактически проживших в доме не менее 1 года. В соответствии с этим законодательным постановлением и была средактирована ст. 8 прежнего устава жакта (15/XI 1927 г.). Однако в своей новой редакции (4/XII 1935 г.) устав жакта разрешает этот болевой вопрос совершенно иначе и притом не в соответствии с законом 15/XI 1927 г.: согласно ст. 3 устава жакта, «временные жильцы принимаются в члены жакта при условии фактического проживания в доме в течение 2 лет непрерывно».

Поскольку вопрос о праве временного жильца вступать в члены жакта разрешен в законодательном порядке, всякое ведомственное постановление должно быть с ним согласовано. Лишение временных жильцов тех льгот, которые им предоставляет декрет СНК РСФСР от 15/XI 1927 г., в порядке ведомственного постановления (в данном случае — уставом жакта) вряд ли является правильным. Во всяком случае для суда и прокуратуры при наличии п. «г» ст. 3 декрета 15/XI 1927 г. и ст. 3 устава жакта в новой редакции (4/XII 1935 г.) создается исключительно тяжелое положение: по закону 15/XI 1927 г. временному жильцу, члену профсоюза, достаточно прожить в доме 1 год, чтобы иметь право требовать своего принятия в члены жакта, а по ст. 3 устава жакта — он это право приобретает лишь по истечении двух лет проживания; и притом «непрерывно» (кстати сказать, понятие «непрерывности» проживания в уставе жакта не уточнено и само по себе вызовет бесконечные споры). Таким образом временный жилец, проживший в доме 1 год, но менее 2 лет, и предъявивший иск к правлению жакта, отказывающегося его принять, будет ссылаться на закон, а правление жакта — в обоснование своего отказа — будет козырять ст. 3 устава (в редакции 4/XII 1935 г.). Такая коллизия — явление совершенно ненормальное, требующее немедленного устранения, во избежание лиш-

них споров и судебных дел, и так достаточно многочисленных в жилищной области.

Не меньше затруднений возникает с разрешением вопроса о праве временных жильцов претендовать на освобождающуюся площадь, когда речь идет не о домах жактов. В жактах вопрос ясен и разрешается в точном соответствии с уставом: прямое назначение жакта — заботиться об улучшении жилищных условий своих членов, и поэтому всякая освобождающаяся площадь поступает в его распоряжение и распределяется между его членами. Иначе обстоит дело в других домах. Возьмем, к примеру, дома Мосжилтреста и райжилтрестов, удельный вес которых в общем жилищном фонде г. Москвы весьма велик. Домовый трест не ставит своей задачей наделение площадью жильцов данного дома, чем он и отличается от жактов и РЖСКТ, на которых эта обязанность возложена уставом. Поэтому жильцы дома, принадлежащего домтресту, за некоторыми исключениями, специально оговоренными в законе (имеются в виду научные работники и к ним приравненные), не могут требовать через суд предоставления им освобождающейся в доме площади. Они, выражаясь техническим юридическим языком, не имеют права на «разуплотнение». Конечно, они могут обратиться в домтрест, который может и удовлетворить ходатайство того или иного жильца, но вопрос решается им (трестом) самим, по соображениям, непосредственно связанным с целым рядом возложенных на него Моссоветом или райсоветом заданий — по удовлетворению площадью демобилизованных красноармейцев, погорельцев, обвальщиков, переселяемых из сносимых домов с трассы метро, в связи с работами по реконструкции Москвы и т. д.

В домах домтрестов создается весьма своеобразное положение. Согласно ст. 5 декрета 1/VIII 1927 г. временные жильцы по истечении определенного срока проживания приобретают и в этих домах право участвовать в распределении освобождающейся площади. Точно так же декретом 28/II 1930 г. лицам, имеющим право на дополнительную площадь, предоставлено право, при наличии определенных условий, претендовать на освобождающуюся площадь.

Таким образом основной съемщик, если у него нет санитарной нормы, претендовать на освобождающуюся площадь не может, но он может претендовать на нее, если у него не хватает... дополнительной площади. С другой стороны, временные жильцы по закону 1/VIII 1927 г. пользуются правом на «разуплотнение» и в домах домтрестов, чего лишены основные съемщики. Такое положение вещей нормальным считать нельзя. Необходимо все эти вопросы разрешить соответствующим изменением закона и руководящих постановлений НКЮ и НКХХ.

5. Квартплата временных жильцов. Согласно закону квартплата временных жильцов определяется таким же образом, как и основных съемщиков, т. е. вносится по ставкам местного совета. Нарушение этого порядка оплаты является уголовно наказуемым деянием (ст. 97 УК). В домах РЖСКТ разрешается взимать с временного жильца 150% той ставки, по кото-

рой оплачивает площадь сам член РЖСКТ. Несоблюдение этого ограничения является нарушением устава, влекущим за собой определенные санкции, вплоть до исключения из кооператива и изъятия площади. Однако практика (в частности московская) показывает, что суды совершенно игнорируют те возможности, которые наш закон дает им для действенной, эффективной борьбы с жилищной спекуляцией. Число случаев применения ст. 37 УК (в домах муниципализированных, национализированных и частновладельческих и ст. 18 устава РЖСКТ весьма невелико, следует сказать — до смешного ничтожно. Можно было бы подумывать, что и суд и прокуратура забыли о существовании этой, как и других статей УК, карающих спекулянтов жилищного фронта. Даже в тех, весьма многочисленных случаях эксплуатации временных жильцов, когда взимание чудовищной квартирной платы, «въездных» и т. д. сопровождается обманом домоуправления, сокрытием доходов от обложения и т. д., т. е. когда налицо не только признаки ст. ст. 97 и 98 УК, но и ст. 169, спекулянтам удается ускользнуть от ответственности. Уже упоминавшееся мною выше обследование жилищных камер г. Москвы показало, с какой неохотой наши нарсуды пользуются санкциями УК, как до смешного немногочисленны случаи вынесения частных определений, приговорающих к позорному столбу спекулянтов и хищников жилищного фронта, и как слабо в этой области ведется борьба судебными органами и прокуратурой.

Более того, зарегистрированы случаи вынесения решений против временных жильцов — в пользу матерых спекулянтов, беззастенчиво эксплуатирующих госжилфонд и превращающих свою площадь в источник извлечения незаконных доходов. По одному делу Кр. Пресненского района г. Москвы было установлено, что «основная» съемщица Ф. в течение 2 лет имела 5—6 временных жильцов, которых; для отвода глаз, прописывала у себя то «братом», то «мужем», то другим «родственником», и все это — под носом у правления жакта. Все шло чинно и гладко, пока не попался один строптивый временный жилец т. Б. Узнав, что «хозяйка» прописала его, по своей обычной системе, «мужем», он, естественно, возмущился этой неожиданной метаморфозой в своем семейном положении и заявил резкий протест. В результате — судебное дело «о выселении временного жильца». Сначала суд взял правильную линию, наградив Ф. по ст. 169 УК 2 годами лишения свободы. После вмешательства кассколлегии деятельность Ф. была преквалифицирована по ст. 97 УК и лишение свободы заменено штрафом в 100 руб. Но самое интересное это то, что т. Б., разоблачивший все эти проделки Ф., оказался... выселенным по решению суда с передачей занимаемой им комнаты обиженной «основной» съемщице, спекулянтке Ф.

Вопрос о временных жильцах заслуживает нашего самого пристального внимания, так как в том или ином его разрешении заинтересованы широкие круги трудящихся, вынужденных пользоваться чужой площадью, и чем скорее в это дело будет внесена полная ясность, тем лучше.

ПРАВОВАЯ ЛИТЕРАТУРА в 1936 г.

(О плане издательства «Советское законодательство»)

Первая половина 1936 года — на исходе. По условиям издательской работы необходимо уже сейчас вплотную заняться подготовкой тематического плана издательства на 1937 год. Успешность подготовки этого плана в значительной степени зависит от своевременного получения пожеланий практических работников юстиции, слушателей и преподавателей правовых вузов, научных работников институтов и массового читателя. На активную помощь с их стороны путем сообщения издательству мотивированных соображений о необходимости издания той или иной книги и одновременной оценки ранее выпущенной литературы — мы и хотели бы заранее рассчитывать. Особенно желателен коллективный разбор достоинств и недочетов вышедших правовых учебников, конкретная и деловая критика содержания и доходчивости изложения учебных книг. Такая критика поможет издательству при переиздании учебников устранить имевшиеся в них недочеты, полнее ориентирует авторов о действительных запросах и требованиях читателя.

Времена, когда «писатель¹ только пописывал, а читатель почитывал», безвозвратно похоронены вместе с буржуазным укладом в Октябре 1917 года. Советский читатель настойчиво требует сейчас от автора любой книги самого вдумчивого внимания к своим возросшим требованиям, к своим запросам и пожеланиям. К сожалению, в области специальной литературы (в том числе — будем откровенны — литературы по праву) сохранился еще тип автора, отгородившегося от живой читательской аудитории стенами рабочего кабинета и в лучшем случае — ограничивающегося аудиторией исследовательских институтов. Такой автор (к счастью, их становится все меньше) считает «ниже своего достоинства» идти на какое-то там массовое обсуждение темы своей книги, деликатно отговаривается «недостатком времени» и в качестве особого «авторского благоволения» просит прислать ему протокол о состоявшемся обсуждении собственной его книги... Нужно ли говорить о том, что такой взгляд на рядового читателя является нехорошей отрывкой, унаследованной от буржуазных понятий роли этого читателя, отрывкой, мешающей созданию действительно полных ценных книг, гармонически сочетающих в себе специальные знания и литературные способности автора, с одной стороны, и с другой — здоровые пожелания, критику и запросы практического работника.

«Данные науки, — сказал товарищ Сталин в своей исторической речи на Первом всесоюзном совещании стахановцев, — всегда проверялись практикой, опытом. Наука, порвавшая связь с практикой, с опытом, — какая же это наука? Если бы наука была такой, какой ее изображают некоторые наши консервативные товарищи, то она давно погибла бы для человечества. Наука потому и называется наукой,

что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики»¹.

Этого высказывания мудрого вождя народов товарища Сталина нельзя ни на минуту забывать и нашим теоретикам права, пишущим правовые исследования и учебные пособия.

Неустанная борьба за всемерное повышение качества правовой литературы, за изжитие сухости, схематизма и чрезмерного увлечения цитатами, борьба за повседневную, живую, тесную связь правовых наук с практикой и опытом работы — является основным требованием в деле подготовки марксистски-выдержанной литературы по праву.

К успешному разрешению этой задачи мы и призываем авторские кадры советских юристов, обязанных создать к предстоящему 20-летию Великой октябрьской революции достойную эпохи литературу по марксистско-ленинскому учению о государстве и праве.

Утвержденный на 1936 год план издательства «Советское законодательство» значительно превышает общий объем плана 1935 года. Вполне понятно, что с увеличением объема плана возросла и общая ответственность издательства (а вместе с ним и авторских кадров) за полное, своевременное и высококачественное выполнение этого плана в 1936 — стахановском — году.

Считаем полезным подробно ознакомить здесь читателей журнала с содержанием годового плана издательства, успешное выполнение которого — наряду с правильно организованной работой издательства — зависит не в малой степени от договорной дисциплины авторов и помощи со стороны правовых институтов.

Книжно-журнальная продукция «Советского законодательства» рассчитана в первую очередь на обслуживание практических работников судебно-прокурорских и следственных органов, работников исполкомов и секций советов, юрисконсультов, научных работников и студентов правовых вузов, широкого низового актива советской юстиции и общественно-товарищеских судов.

Ориентируясь на эти читательские группы, и был построен тематический план издательства на 1936 год.

Насколько возрос объем плана 1936 года, видно из следующих двух цифр. В 1935 г. общий печатный листаж плана издательства был утвержден в 17.850.000 печ. листов-оттисков; на 1936 год план утвержден в объеме 25.150.000 печ. листов-оттисков, или на 41% выше 1935 г.

Весь годовой листаж издательства делится на две основные группы:

12.840.000 печ. листов-оттисков на периодику и 12.310.000 оттисков на книгу.

¹ В данном случае — автор, в шипокоже — слышало слова. — В. С.

¹ И. В. Сталин, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев.

Один голый перечень журналов издательства наглядно дает уже нужное представление об особом и оперативном значении периодики Советского законодательства:

1 — «Социалистическая законность», ежемечасник (орган Прокуратуры Союза), 2 — «Советская юстиция», ежедекадник (орган НКЮ РСФСР), 3 — «Арбитраж», два раза в месяц (орган Госарбитража при СНК СССР), 4 — «Советское государство», двухмесячник (орган Института советского строительства и права Академии наук СССР) и 5 — «Сокращенное собрание законов СССР и РСФСР» для сельсоветов, два номера в месяц.

Наряду с этими изданиями, имеющими твердую периодичность, издательство выпускает: «Собрание законов и распоряжений рабочекрестьянского правительства СССР» (первый и второй отделы) и «Собрание узаконений РСФСР».

«Собрание законов СССР» (отдел первый), кроме русского языка, выходит на восьми языках союзных республик: армянском, белорусском, грузинском, узбекском, украинском, таджикском, туркменском и тюркском.

Издательство проделало большую работу в части обеспечения регулярного выхода журналов. Значительно ускорено прохождение их в производстве против сроков 1935 г. В целях сохранного получения журналов подписчиками журналы доставляются в обандероленном виде. Однако имеются еще случаи опоздания выхода отдельных номеров как по вине некоторых редакций, так и по вине типографии. «Подтянуто», но не вполне удовлетворительно качество корректуры (в особенности типографской). Не вполне удовлетворительно также качество печатной бумаги. Издательство считает своей обязанностью совместно с редакциями неуклонно бороться в дальнейшем за полное обеспечение своевременного выхода журналов, за их общее улучшение и активизацию материала.

Немалую пользу в этом улучшении могут принести сами читатели. Мы просим их сообщать в редакции или в издательство о всех замеченных недочетах в журналах (неактуальность или нечеткость статейного материала, неполнота и неконкретность в изложении темы), указывать на вопросы, подлежащие освещению в журнале, а самое главное — принять непосредственное участие в качестве корреспондента журнала, делясь на его страницах наиболее интересным опытом практической работы.

При тесной связи читателя с журналом, при повседневном осведомлении редакций подписчиком о своих запросах и пожеланиях, — наши журналы смогут стать еще более действенным и оперативным орудием в ответственной работе суда и прокуратуры.

Переходим к книжной продукции.

По своей тематике книжная продукция издательства делится, как и в предыдущие годы, на пять основных разделов: 1) кодексы и официальные издания, 2) комментарии и систематика, 3) учебники и учебные пособия для правовых вузов и школ, 4) научно-исследовательская литература по вопросам права и советского государства и 5) популярно-инструктивная правовая литература.

В сравнении с тематическим планом 1935 г.

план 1936 г. значительно возрос по всем показателям (названия, авторские листы, печатные листы, печатные листы-оттиски и т. д.).

Так, по авторским листам план по книгам на русском языке увеличен с 751 до 1058 листов (на 41%) и по названиям — с 61 до 89 названий (на 46%).

Наибольший рост по плану 1936 г. дан учебной литературе, массовым изданиям и систематизированным справочникам.

По удельному весу книжный план 1936 г. построен в следующем виде: в печатных листах-оттисках первое место занимает официальный раздел (37,9% плана), что объясняется значительным ростом тиражей основных кодексов; в авторских листах на первое место выделена учебная литература, составляющая 31,7% плана; по количеству названий на первом месте стоит также учебная литература — 28% плана.

По числу отдельных экземпляров книг план 1936 г. утвержден в количестве 1.915.000 экз. против 1.227.000 экз. по плану 1935 г. (рост на 56%!).

В основу тематического плана положены директивы и указания партии и правительства о дальнейшем укреплении революционной законности, о бдительной охране общественной социалистической собственности и о всемерном улучшении работы судебно-прокурорских органов. В соответствии с этими директивами, требующими от работников юстиции общего повышения своей квалификации и усиления внимания к правовому образованию, обращено особое внимание на раздел учебников и учебных пособий.

Официальный раздел плана предусматривает выпуск всех основных кодексов, часть которых должна выйти в новой — общесоюзной — редакции.

К числу особо важных изданий по этому разделу следует отнести в первую очередь Конституцию СССР, намеченную к выпуску согласно постановлению VII Всесоюзного съезда советов по докладу т. Молотова.

Большим тиражом (200.000 экз.) намечен выпуск Кодекса законов о труде (КЗоТ), последнее издание которого вышло в конце 1934 г. В 1935 г. КЗоТ не издавался вовсе в связи с затнувшимися пересмотром устаревших частей кодекса специально выделенной комиссией ВЦСПС.

Многочисленные жалобы местных работников на отсутствие КЗоТ, пачки писем, каждодневно поступающих в адрес издательства и Книгоцентра с настоятельными требованиями о высылке кодекса, побуждают нас несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

В номере газеты «Труд» от 22 декабря 1934 г. была напечатана редакционная статья «Кодекс и расчетная книжка» с категорическими заявлениями о принятии со стороны ВЦСПС «реальных мер к разрешению проблемы кодекса» и о выпуске КЗоТ в 1935 г. в количестве полмиллиона экземпляров (из них 200 тысяч с популярными комментариями).

В целях разрешения названной «проблемы» секретариат ВЦСПС по докладу т. Вейнберга принял 15 декабря 1934 г. особое постановление о выделении специальной комиссии из представителей отделов ВЦСПС и газеты «Труд» для «разработки и конкретных предложений по пересмотру КЗоТ и по отмене устаревших разъяснений в области трудового

законодательства». Комиссия должна была закончить свою работу в 10-дневный срок.

К сожалению, прошло уже не 10 дней, а целых полтора года, но комиссия до сего времени не закончила своей работы по «срочному» пересмотру КЗоТ. Неоднократные обращения издательства и т. Томского в ВЦСПС и лично к т. Швернику никаких результатов не принесли. В качестве крайней меры издательство самостоятельно подготовило в начале 1936 г. текст кодекса, снабдив его соответствующими примечаниями, и в таком виде направило рукопись в ВЦСПС для согласования. Через два месяца рукопись КЗоТ вернулась из ВЦСПС в совершенно нетронутом виде, с одновременным сообщением по телефону о непредставляющейся возможности участия ВЦСПС в подготовке КЗоТ к печати.

Так, категорические утверждения газеты «Труд» от 22 декабря 1934 г. о реальных мерах, принятых ВЦСПС к разрешению «проблемы» КЗоТ, оказались на деле красивой декларацией, обманувшей ожидания читателей.

Издательство рассчитывает все же при участии привлеченных для консультации специалистов-трудящихся подготовить действующий текст КЗоТ и обеспечить его выпуск в ближайшие два месяца.

Характеристику официального раздела тем-плана на этом можно закончить.

По разделу комментариев и систематики на-мечен выпуск 14 названий. Из них следует отметить: систематизированные сборники по трудовому и жилищному законодательству, законодательство и важнейшие директивы об охране прав женщины в СССР, советские законы об изобретательстве («В помощь изобретателю»), законодательство и важнейшие постановления по нотариату («Нотариальные действия»), законодательство по административному управлению, государственный и ведомственный арбитраж, два сборника важнейших постановлений Верховных СССР и РСФСР, законодательство о советской торговле и законодательство о печати.

По примеру предыдущих лет будут выпущены два хронологических перечня действующих законов СССР и РСФСР по состоянию на 1 июля 1936 г.

Намечены также к выпуску (сверх утвержденной ранее тематики) — «Сборник важнейших указаний и разъяснений Прокуратуры Союза», «Законодательство о труде педагогов» и небольшая брошюра «Законы об орденах Союза ССР».

Издательство очень просит читателей журнала высказать свое мнение о наиболее эффективном типе указанного вида литературы.

В какой степени удовлетворяет потребителя книги (в данном случае практического работника) одна лишь систематизированная подборка законодательного материала без обобщающих этот материал комментариев и пояснений? Какие пожелания имеются у читателей по данному вопросу?

Следующий раздел — учебники и учебные пособия. Один из важнейших, ведущих разделов плана. По этому разделу намечено выпустить в текущем году 25 названий учебников, учебных пособий и руководств.

Три года назад такое количество учебной правовой литературы вызвало бы недоверчивую улыбку и скептические замечания. Три — четыре года назад вопрос об издании новых,

марксистски-выдержанных учебников по правовым дисциплинам мог лишь стоять в порядке «проблемного» обсуждения. Прежде чем издавать, надо было создать, необходимо было перейти от «очерков» и «монографий» по отдельным правовым вопросам к устойчивому, целиком охватывающему дисциплину, подлинному вузовскому учебнику.

Пишущий эти строки помнит, каким большим событием (в том числе и для издательства) явилось начало издания «Очерков по уголовной политике», подготовленных Институтом советского права и редактировавшихся Н. В. Крыленко. Первые два «очерка» (А. С. Шляпников — «Происхождение уголовного права» и Г. И. Волков — «Уголовная политика эпохи промышленного капитализма») вышли в декабре 1932 года. Позже (1933 г.) вышел «очерк» С. Я. Булатова — «Уголовная политика эпохи империализма», за ним — бригадный труд «Советская уголовная репрессия» и др.

«Очерки» сыграли свою положительную роль. Они были новой ступенью по пути к созданию советского, марксистски-насыщенного правового учебника. Этот путь еще полностью не пройден, отдельные правовые дисциплины «терпеливо» ждут пока своих учебников (в частности — «Советское уголовное право»!), но даже и то, что уже сделано за сравнительно короткий срок, позволяет считать основные трудности преодоленными.

Назовем отдельные учебники для правовых вузов, вышедшие за последние два года (1934—1935): «Курс советского хозяйственного права» (два тома, коллектив авторов под руководством Л. Я. Гинзбурга и М. Н. Доенко), «Курс уголовного процесса» А. Я. Вышинского и В. С. Ундревича (том I — «Судоустройство»), «Курс криминалистики» (коллектив авторов) под редакцией А. Я. Вышинского, «Курс международного права» т. Пашуканиса, «Советская уголовная статистика» (автор А. А. Герцензон) и др. Сюда же надлежит отнести книгу Н. В. Крыленко — «Ленин о суде и об уголовной политике», вышедшую двумя изданиями.

Из учебников и пособий для правовых школ и юридических курсов следует назвать: А. Я. Вышинский — «Судоустройство в СССР», Б. М. Рубинштейн — «Советское хозяйственное право», М. С. Строгович — «Уголовный процесс», А. Ф. Клейнман — «Гражданский процесс», «Судебно-медицинская экспертиза» (авторы — Розенблюм, проф. Сердюков, Смольянинов), краткое пособие В. А. Долицкого — «Следственные упражнения» и др. В качестве переиздания (заново пересмотренного) сюда же надо отнести книгу покойного Петра Ивановича Стучка — «Революционная роль советского права».

Общая часть от учебников стоят две части «Юрминимума» (общая редакция Н. В. Крыленко). Вышедшая во второй половине 1935 г. книга эта сыграла большую положительную роль по проводившейся сдаче «юридического минимума» работниками суда и прокуратуры. Она интересна и как первый опыт обобщения основных понятий по правовым дисциплинам (включая государственное устройство) в одной книге, в небольшой, так сказать, «юридической энциклопедии». Несмотря на сравнительно высокий тираж (25.000 экз.), книга не смогла полностью удовлетворить имевшиеся на нее заявки, и в отдельных случаях книгой приходилось пользоваться «на коллективных началах».

Издательство получало трогательные по содержанию просьбы отдельных работников о высылке им «Юрминимума», которые и удовлетворяло частично за счет «неприкосновенных» экземпляров издания. Да и можно ли было отказать на такое, например, письмо, полученное от народного следователя Витязевского района Одесской области т. Качалко (приводим текст письма):

«Многоуважаемые товарищи! Ознакомившись с выпущенной Вами книгой — «Юрминимум», я не могу высказать на этой бумаге свою радость и благодарность, — если бы я смог передать, то сделал бы это. Книга вполне и очень хорошее для нас пособие, но на наш районный коллектив нам ее прислали лишь одну. А потому прошу Вас, дорогие товарищи, и прямо умоляю — вышлите мне лично одну книгу наложенным платежом, которую я немедленно выкуплю. Ваша книга для нас, как путевое пособие. Я очень рад иметь ее в своем личном пользовании. Надеюсь, что Вы не откажете мне в моей просьбе. Если же нельзя получить, прошу меня известить, но это для меня будет очень печально. Нарследователь А. С. Качалко».

Просьба т. Качалко была, конечно, удовлетворена. «Юрминимум» ему был выслан.

Содержание письма т. Качалко является ярким доказательством того жгучего интереса, который проявляют низовые работники юстиции к хорошей, популярно написанной юридической книге, к книге, повышающей теоретический уровень и могущей ответить на вопросы практической работы суда и прокуратуры.

К сожалению, «Юрминимум» (и в особенности II часть) не лишен недочетов и отдельных ошибок. О некоторых из них по II части «Юрминимума» говорит, в частности, редактор книги Н. Н. Кумыкин в своем письме, опубликованном в номере 16 «Советской юстиции». Второе издание «Юрминимума» должно быть подготовлено к печати на более высоком теоретическом уровне (без ущерба, однако, популярности изложения), должно учесть высказанные пожелания читателей, устранить допущенные ошибки, стать действительно «настойной» книгой каждого судьи, следователя и прокурора.

Какие же учебники и учебные пособия будут выпущены «Советским законодательством» в 1936 году?

Разрешим прежде всего дать справку о том, какие из вузовских учебников, утвержденных по плану, не выйдут в 1936 году. Таких книг три: «Курс советского хозяйственного права» (том I), «Учение о советском праве», часть I (авторы тт. Доценко и Пашуканис) и «Курс гражданского процесса» (авторы тт. Борисов и Кумыкин).

Первые два учебника сняты с плана 1936 г. за необеспеченностью их подготовки Институтом советского права (переносятся в план 1937 г.). «Курс гражданского процесса» снят с плана 1936 г. по вине авторов, нарушивших договорные обязательства и уклонившихся от представления рукописи даже при отодвигавшихся сроках.

Нарушение договорных сроков авторами очень распространенная и тяжелая по последствиям «болезнь», присущая очень и очень многим авторам-правовикам. Так, например, упомянутый «Курс гражданского процесса» по

договору с тт. Борисовым и Кумыкиным подлежал сдаче издательству к 1 мая 1935 г. При неполучении рукописи к договорному сроку издательство предоставило авторам ряд отсрочек, но рукопись так и не была представлена. Договор пришлось расторгнуть. Правовые вузы не получают учебника гражданского процесса и в 1936 году... Пусть, во всяком случае, узнают вузовцы о действительных виновниках невыхода нужных учебников. Быть может, это послужит некоторым предостережением для других авторов, не привыкших к точному выполнению своих договорных обязательств.

Переходим к перечислению учебников, намеченных к выходу в 1936 г.

Первое место мы предоставляем учебнику Г. И. Волкова и С. Я. Булатова «Советское уголовное право» в двух книгах («Часть общая» — т. Волков и «Часть особенная» — т. Булатов).

Издание названных учебников в 1936 г. будет большим событием на правовом фронте. Дело чести тт. Булатова и Волкова обеспечить своевременное представление рукописей учебников издательству.

Рядом с этими учебниками стоят два тома «Курса уголовного процесса» А. Я. Вышинского и В. С. Удरेвича (том I — «Судостроительство» и том II — «Судопроизводство»). Первый том находится в производстве. «Судьба» второго тома целиком зависит от авторов... Мы очень хотели бы надеяться на благополучный выход его в 1936 году...

Из других вузовских учебников назовем: вторую часть «Криминалистики» (вышла в свет) и второе издание учебника т. Пашуканиса — «Международное право». Новое издание своего учебника автор значительно расширяет и вносит в него ряд существенных дополнений.

Намечен также выпуск III издания книги Н. В. Крыленко — «Ленин о суде и об уголовной политике». Автор отодвинул несколько срок представления своей работы в связи с намеченным расширением отдельных глав книги.

Учебники и учебные пособия для правовых школ и юридических курсов будут изданы следующие: Я. Л. Берман — «Учение о советском государственном праве», А. Я. Вышинский — «Судостроительство в СССР» (вышел), З. З. Гришин — «Советское трудовое право» (печатается), Б. С. Ошерович — «Краткий курс уголовного права», Б. М. Рубинштейн — «Советское хозяйственное право», М. С. Строгович — «Уголовный процесс» (вышел), А. Ф. Клейман — «Гражданский процесс» (вышел), С. М. Потапов — «Судебная фотография» и В. А. Долицкий — «Следственные упражнения».

Часть перечисленных книг, предназначенных для слушателей правовых школ и юридических курсов, может быть использована (до выхода вузовских учебников) в качестве общих пособий студентами правовых вузов.

Готовится и намечено к выходу в 1936 г. разрозненное пособие «Судебная психиатрия». Книгу готовит коллектив авторов института им. Сербского.

Две части «Юридического минимума» заново пересматриваются. К подготовке второго издания книги привлечен ряд новых авторов. Особое внимание обращено на редакционную проработку «Юрминимума». Разделы книги будут

ответственно проредактированы крупнейшими теоретиками и специалистами права.

Назовем отдельных редакторов «Юрминимума». Так, раздел «Основы советского государственного права» (автор Н. В. Крыленко) будет отредактирован Евг. Бр. Пашуканисом. Раздел «Уголовное право» (автор Б. С. Ошерович) редактирует С. Я. Булатов. «Уголовный процесс» (автор М. С. Строгович) обеспечен редакцией А. Я. Вышинского.

Вторая часть «Юрминимума» будет коренным образом переделана. В качестве авторов второй части привлечены: Т. Н. Амфи테атров («Гражданское и хозяйственное право»), И. С. Войтинский («Трудовое право») и др. Редакторами разделов намечены: М. Н. Доценко, З. З. Гришин и др.

Общая редакция второго издания «Юрминимума» сохранена за Н. В. Крыленко.

Издательство полагает, что привлечение к работе по «Юрминимуму» крупнейших имен, названных нами выше в качестве редакторов книги, в значительной степени повысит идейно-теоретический уровень второго издания «Юрминимума» и предотвратит возможность повторения недочетов, имевшихся в первом издании.

В целом — издательство крайне интересуется читательской оценкой изложенного здесь плана выпуска учебной литературы в 1936 г. Какие пробелы имеются в этом плане? В какой степени удовлетворяет читателя (преподавателей и студентов правовых вузов, слушателей правовых школ в первую очередь) качество вышедших учебников? Какие коррективы следует внести в существующий ныне порядок снабжения учебной литературой право-виков-заочников? Мы просим: сообщайте нам свои критические замечания, запросы и пожелания. Давайте свои конкретные предложения по вопросам издания правовых учебников. Проявляйте широкую читательскую инициативу!..

За учебниками следует раздел научно-исследовательской литературы по праву. По этому разделу намечен выпуск 13 названий. Из них нужно в первую очередь отметить намеченное планом издание однотомника избранных произведений Петра Ивановича Стучка к исполняющемуся пятилетию со дня смерти.

К сожалению, выпуск этого однотомника крайне слабо обеспечен предварительной подготовкой и, возможно, перейдет на 1937 г. Институт сов. права Академии наук и Институт уголовной политики должны, по нашему мнению, активно помочь издательству в своевременной подготовке этой нужной и ответственной книги.

Для ознакомления широких слоев работников юстиции и слушателей вузов с русскими дореволюционными правовыми памятниками намечено издание большого сборника «Исторические памятники русского права» (от древнейших времен до судебных). Подготовку книги поручена знатоку вопроса — проф. Б. И. Сыромятникову. Каждой группе «памятников» будет предпослано краткое введение по их истории с общей характеристикой источников и библиографическими указателями. Текст источников будет сопровождаться примечаниями и комментариями отдельных вариантов, объяснением терминов, цитатами из других «памятников», справками из специальной литературы и т. д.

Автор усиленно работает над книгой для представления ее издательству в договорный срок. Книга обещает быть крайне интересной, исторически насыщенной и конкретной.

Наряду с этим сборником, издательством намечен выпуск книг по законодательству и судостроительству фашистских и капиталистических стран. Из имеющихся уже в портфеле издательства рукописей выйдут в 1936 г. следующие три книги: Манфрид — «Гражданское право германского фашизма» (2-ое дополненное и переработанное издание), Н. Н. Полянский — «Судостроительство и процесс в Англии» и А. А. Пионтковский — «Уголовная политика Японии».

Из других книг надлежит отметить монографию И. Л. Авербах — «От преступления к труду». В ней автор подробно излагает проблему переделки сознания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД. Разработан большой фактический материал, собранный преимущественно в Дмитровском лагере на строительстве канала Москва-Волга. Книга богато иллюстрирована. К ней будет приложена многокрасочная карта строительства канала Москва-Волга. Книга выходит под редакцией А. Я. Вышинского.

Сдан также в производство сборник «Тюрьма капиталистических стран» (подготовлен Институтом уголовной политики). В сборнике использован разносторонний законодательный и фактический материал, характеризующий тюрьму царской России, тюрьму буржуазно-демократических стран и стран господства фашистской диктатуры. Сборник выйдет под редакцией А. Я. Вышинского.

Будут изданы в 1936 г. три очередных сборника «Проблемы уголовной политики» (отзыв на второй сборник «Проблем» напечатан в майском номере журнала «Книга и пролетарская революция»).

Читательская оценка научно-исследовательской правовой литературы крайне желательна.

В разделе массовой литературы внесен ряд индустивно-популярных брошюр, которые должны помочь практическим работникам товарищеских судов на предприятии, на транспорте и при сельсоветах. В этот же раздел включены три популярных справочника, рассчитанные на юридическую помощь колхозникам, нарзаседателям и военнослужащим («В помощь колхозной деревне», «В помощь нарзаседателю» и «Льготы военнослужащим, военнопленным и их семьям»).

В серии брошюр «В помощь активу советской юстиции» намечены три темы: «Как должен работать сельский исполнитель», «Роль и задачи общественного обвинителя» и «Советский закон о семье и браке».

Новым мероприятием, заслуживающим быть отмеченным, мы считаем намеченный планом выпуск премированных на всесоюзном конкурсе брошюр: «Как лучше организовать работу общественного суда в деревне» (автор член Восточно-сибирского крайсуда т. Шалагинов) и «Прокурор на страже революционной законности» (автор прокурор Черкасского района Киевской области т. Куник).

Помимо этих двух брошюр, получивших первую и вторую премии, выйдет небольшой сборник, в который войдут четыре конкурсных работы: «Печать в борьбе за революционную законность» (автор т. Коновалов, помпрокурора Апшеронского района Азово-Черноморского

края), «Как организовать секцию революционной законности» (автор т. Захаров, прокурор Звенигородского района Московской области), «Как мы должны работать» (автор т. Котов, нарследователь Греческого района Азово-Черноморского края) и «Как лучше организовать работу товарищеского суда на предприятии» (автор т. Постников, рационализатор завода им. Карпова).

Всего на конкурс было представлено 23 рукописи, авторы которых являются в большинстве практическими работниками суда и прокуратуры. Многие из них выступают в качестве авторов впервые.

Жюри конкурса особо отметило целесообразность «установления дальнейшей связи издательства с участниками конкурса путем оказания им необходимой помощи в их новых литературных работах и проведения при их участии на местах массовой работы с правовой книгой».

Опыт первого широкого конкурса на подготовку массовой популярной юридической книги следует всячески приветствовать. Издательство намечает проведение в 1936 г. повторного конкурса «на лучшую правовую брошюру», тематика и условия которого будут опубликованы в ближайшее время.

Два слова об авторских силах издательства. Они состоят преимущественно из сложившихся кадров специалистов-правовиков, работников научно-исследовательских институтов и руководящих работников Прокуратуры Союза, НКЮ РСФСР и верхов судов.

Большую помощь в работе издательства, как авторы и редакторы, оказывают персонально гг. Вышинский, Крыленко и Пашуканис. Имена других ведущих авторов читатель найдет выше при изложении тематики плана.

Привлечение местных авторских кадров из числа практических работников судебно-прокурорских органов и актива советской юстиции

составляет одну из важнейших задач издательства, к частичному разрешению которой оно приступило через проведенный в 1935 году всесоюзный конкурс на массовую брошюру.

Мы попытались дать общую характеристику плана работы издательства на 1936 г.

По ряду конкретных вопросов, связанных с изданием правовой литературы, мы надеемся еще вернуться в ближайших номерах «Социалистической законности».

Свой затянувшийся несколько обзор закончим обращением к читателям журнала с просьбой принять активное участие в разработке темплана издательства на 1937 г.

Мы просим ответить на следующие шесть вопросов, которые были поставлены нами и в прошлом году перед подготовкой плана на 1936 г.:

1) Какие темы и в каком изложении вы считаете необходимым включить в план на 1937 г.? ¹.

2) Какие книги помогли вам в вашей практической или научно-исследовательской работе?

3) Какие из прочитанных книг, выпущенных издательством, вы считаете лучшими и что именно вы находите в них ценного?

4) Какие книги вы считаете неудачными и почему (сухость изложения, недостаточная конкретность, ошибочные положения, плохое оформление и т. д.)?

5) Какие из ранее изданных книг нужно, по вашему мнению, переиздать?

6) Какие темы необходимо включить в план издания национальной литературы?

Ответами на эти вопросы читатель поможет издательству подготовить и провести через регулирующие органы наиболее полный и проработанный план, отвечающий действительным требованиям потребителя правовой книги.

Д. ГОРВИЦ

О некоторых особенностях суда по делам несовершеннолетних

С изданием закона от 7/IV 1935 г. несовершеннолетние обвиняемые в судебно-следственном процессе формально находятся в равноправном положении со взрослыми обвиняемыми.

Между тем особенности подросткового возраста требуют иных процессуальных форм и большей гибкости от суда, чем дела взрослых.

Эти требования на практике приводят к отступлению от принятых норм, к перестройке тех или иных элементов уголовного процесса.

Нередко суду по делам несовершеннолетних приходится сталкиваться с резко выраженными настроениями, свойственными подростковому переходному возрасту: в одних случаях — с крайним негативизмом, в других — с позерством, ложным героизмом.

В этих случаях суду трудно, бывает, даже невозможно, последовательно провести допрос обвиняемого.

Даже формальный опрос об имени, месте рождения, возрасте, — что, обычно, делается в начале процесса, — у иных обвиняемых вызывает резко негативистическую реакцию. Они замыкаются, молчат или озорно отвечают: «Когда родился, годов еще считать не научился», или «зарубил себе что-ли на лбу делал».

Допрос такого обвиняемого приходится вести, не следуя обычной форме.

Различными путями суд находит возможность «разговорить» обвиняемого.

¹ Статья была набрана и заверстана до опубликования проекта Конституции Союза ССР. Не имея возможности остановиться в этом номере на новых вопросах, требующих своего отражения в правовой тематике, просим читателей — особо высказаться о книгах, которые должны быть изданы в связи с опубликованием величайшего по своему значению проекта Сталинской конституции.

В одних случаях из материалов дела удается уловить какой-либо избирательный интерес у подростка: к путешествиям, спорту, в особенности к кино, и беседой об этом приблизить его к себе, останавливаясь в начале разбора дела на посторонних обвинительному заключению обстоятельствах, но крайне важных для ознакомления с личностью обвиняемого.

В других случаях реальную помощь оказывает защита, в досудебной своей подготовке беседующая с глазу на глаз с обвиняемым, с его родителями и близкими и тем самым ориентирующаяся в том, чем вызвана негативистическая реакция у одного обвиняемого или чрезмерная бойкость и бравада у другого. Удаление из судебного зала на время родителей, соседей, часто стесняющих обвиняемого, устраняет трудности его поведения.

Отнюдь не ставя перед собой задачу исчерпать сложную и большую тему — поведение несовершеннолетних на суде, тему области судебной психологии, — мы попытаемся лишь приведением из судебной практики ряда наблюдений привлечь к данной теме внимание и интерес практических работников и специалистов.

Подростки, вступившие в конфликт с законом, дают на суде все виды разнообразия поведения обвиняемых не только в основном, но и в оттенках.

В одних случаях — подкупающая искренность и правдивость показаний, чувство ответственности за совершенное и раскаяние, страх перед приговором, в других — искусственное запутывание событий, не щадящий никого оговор переплетаются с вызывающим бравированием: «мне все нипочем», «все равно, убе-гу».

Правильная трактовка этого порока «пестрого», а часто и «мозаичного» поведения обвиняемого на суде и на предварительном следствии облегчает и упрощает ведение дела, и, наоборот, недооценка учета поведения обвиняемого, неумение раскрыть подлинное в нем и соответственно его направить ведет и к заблуждениям и осложнениям и к неправильным выводам.

Отсюда. естественно требование, что границы разбора этих дел должны быть широки: от заботливого выяснения состояния физического и душевного здоровья обвиняемых — до их умственных и иных интересов, от исследования взаимоотношений с семьей, с товарищами, соседями — до изыскания того, что направило подростка на преступный путь.

Если суд умеет уловить конфликтные душевные состояния, приводящие несовершеннолетних к ложному поведению на следствии, тогда многое, что прячется самими обвиняемыми и их окружающими, вольно или невольно становится ясным и понятным.

12-летний К. обвиняется в краже 50 руб. у соседки по квартире. На суде он держится замкнуто, пассивно. Кражу отрицает, вопреки неотразимой улике — в чужой комнате был застигнут врасплох, испуганно просил: «Больше этого не будет».

Разбор дела шел к концу. Все поведение обвиняемого: отрицал кражу денег вопреки очевидности, отсутствовал из дома около двух суток, после того как его застigli в комнате, имеет привод в милицию — оставляло впечатление определенно не в его пользу.

Но вот упоминание потерпевшей о какой-то корзинке выводит обвиняемого из состояния пассивности. Он явно начинает «переживать», проявлять резкую враждебность к потерпевшей.

Суд заинтересовывается не только содержанием корзинки и позой обвиняемого в тот момент, когда его застали у соседки, но и резко изменившимся поведением несовершеннолетнего в процессе.

Выясняется, что в корзинке, стоявшей у кровати, были металлические шарики, что эти шарики взбудоражили детское население всего дома, так как шарики заманчивы: они пригодны для настоящего бильярда.

На настойчивые просьбы ребят подарить их, соседка ответила: «шариков много в канаве, и вы можете себе их оттуда достать».

Спровоцированные этим советом ребята бросились к соседней канаве искать металлические шарики, но безуспешно (шарики-то были принесены мужем потерпевшей с завода, как брак, что она и скрыла от детей).

Воспользовавшись пребыванием соседки на кухне, К. проник в ее комнату, где и был пойман, когда, сидя около корзинки, рассматривал и ощупывал эти шарики.

Кстати указать, что соседка временно никуда о краже денег 40 и 10 рублей не заявляла, что деньги пропали за два месяца до истории с металлическими шариками.

Сам обвиняемый был беспомощен в раскрытии истины.

Как объяснить суду, когда факт довлеет — «в комнате был застигнут», — когда после этого события пришлось спастись бегством, опасаясь побоев родителей.

Перед судом стоит еще одна прямая и немаловажная задача по делам несовершеннолетних: вести процесс так, чтобы прививать мас-се населения здравый взгляд на сущность детских преступлений и на правильный путь борьбы с ними.

Воспитательное воздействие на взрослых в подобных процессах требует также большого умения и такта, иначе разбор дела воспитательного эффекта не даст.

Из наблюдений над обвиняемыми можно отметить, что несовершеннолетние более, чем взрослые, склонны показывать на суде правду, но главным образом тогда, когда они проходят одиночкой.

В подавляющем большинстве случаев виновность по делам несовершеннолетних устанавливается собственным признанием.

Но замечается, что давнишнюю правду им рассказать суду бывает легче, чем ту, которая еще свежа и в некоторых случаях болезненна, причем видно, что источником «жгучести» далеко не часто бывает раскаяние, а лишь боязнь ответственности.

Все вопросы суда 14-летний М. встретил упорным молчанием.

Обвиняется он в ряде карманных краж. Родителям, как обычно, была послана повестка. В суд явился отец обвиняемого.

В предварительной беседе с М., а затем и с его отцом, защитником было выяснено, что в семье в предшествующие суду дни шла борьба: мать хотела просить суд об условном осуждении сына, отец же считал, что дома сына не исправить и что нужно просить суд об изъятии его в исправительно-трудовую ко-

лонию. Сопровождение обвиняемого отцом на суд крайне его угнетало.

По ходатайству защиты суд удаляет отца обвиняемого на время из судебного зала.

Кстати указать, что в таких случаях суд не требует мотивации ходатайства, и создающиеся традиции защиты в делах несовершеннолетних поддерживают оказываемое судом доверие.

Удаление отца из зала вывело обвиняемого из того настроения, с каким он пришел в суд и с каким жил в последние дни.

Освобожденный от гнета, обвиняемый рассказал суду о своей первой краже, о том, как его обучали этому делу плохие товарищи, рассказал и о том, что он с ними связан до последнего времени, а также и о том, что его заставляло уходить всякий раз на много дней из родного дома.

Несмотря же на то, что он был пойман с поличным в последней краже, из-за которой было возбуждено дело, в этой краже он не признался.

В целом ряде случаев (но почти никогда по делам о кражах) в даче показаний остро чувствуются следы домашней подготовки, направленной на сокрытие или смягчение вины.

Это вполне относимо не только к обвиняемым, но и к несовершеннолетним свидетелям.

Последние избегают вообще давать показания по существу дела из боязни их родителей, «как бы чего для их детей не вышло плохого».

Таково поведение несовершеннолетних по делам, идущим по 143, 146, 74, 142 и подобным ст.ст. УК.

В этих случаях суд часто корректирует поведение несовершеннолетних соответствующими разъяснениями, а в некоторых случаях прибегает к удалению из судебного зала родителей, опекунов, старших членов семьи допрашиваемых.

В отсутствии близких правда раскрывается ими чаще. Она бывает суровее той, которую несовершеннолетний выдавал родителям за правду, или той, искаженной, которую родные его обучали показывать на суде в надежде на смягчение его судьбы.

Но особенно резкое различие в поведении несовершеннолетних дают дела, по которым привлекаются несколько обвиняемых в соучастии — группа, товарищи.

В этих случаях их поведение зачастую определяется наличием среди них вожака.

Если вожак «природный», с творческой фантазией, вырождающейся, естественно, при плохой направленности в авантюризм, хотя и не насильственно подчиняющий себе, то идущие за вожакom, полностью заражаются его настроением и следуют его указаниям.

Чувствуя себя героем, стоящим в центре серьезного и важного события, вожак больше всего стремится «не ударить лицом в грязь», не показать себя трусом, боящимся суда и его приговора.

В этих случаях суду важно сразу обнаружить вожака и расшифровать его.

Тогда уже не трудно каждого из обвиняемых ввести в русло правильных показаний, правдивых ответов.

Иначе, выяснение истины бывает затруднено, особенно при большой сплоченности группы.

На скамье подсудимых 5 подростков, возраста 14 и 15 лет, обвиняемых по ст.ст. 162 «в» и 74 ч. 2 УК.

Они совершали ночные кражи посредством подбора ключей. Группа крепко сплочена. На вопросы суда следуют вздорные и озорные ответы.

На вопрос: «Почему дальше двух групп не пошел?»

Ответ: «Думать не люблю. Кто думает, у того голова большая, а у меня она маленькая».

Вопрос: «Читаешь ли книги?»

Ответ: «Памяти сейчас нет у меня».

Все пятеро вину отрицают. Но прямые улики колеблют одного из них, 14-летнего М.

Он готов уже рассказать суду все, как было, но обращенный на него выразительный взгляд соседа по скамье, едва слышно произнесенное «лягаш» — принуждают М. мгновенно умолкнуть, и слова правды в этой ситуации ни от него, ни от других обвиняемых уже не услышать.

Тотчас же суд переносит свое внимание на 15-летнего обвиняемого Ш., не занимающего центрального места по делу в обвинительном заключении, но несомненного организатора поведения на суде всей группы обвиняемых.

Умелый и углубленный его опрос судом приводит к тому, что он неожиданно для своих товарищей и, конечно, для самого себя, сам своими показаниями развязывает узел дела.

А вслед за развенчанием «героя» все четверо просто и откровенно рассказывают суду с большими подробностями, как организовалась и работала шайка.

Совершенно особый и глубокий интерес представляют дела и поведение на суде тех несовершеннолетних, которые вовлекаются и направляются на преступления взрослыми соучастниками.

Они часто бывают запуганы своими подстрекателями, и суду по таким делам приходится немало работать, чтобы освободить их в судебном заседании от страха перед осуществлением угроз взрослыми обвиняемыми.

Быть может, рано еще говорить о методологии работы по делам несовершеннолетних. Но практика дает все больше и больше методических навыков.

Полагаю, что изучение работы, ответственной и трудной во всех ее стадиях, вполне своевременно и что соответствующие выводы изучения работы по делам несовершеннолетних будут учтены и зафиксированы в законодательном порядке.

Прокуратура МББ ж. д. в борьбе с хищением автотормозов

Автоматическое тормозное оборудование имеет крупнейшее значение для обеспечения бесперебойной работы железнодорожного транспорта.

В своем приказе от 8/VII 1935 г. о переводе товарных поездов на полное автоторможение народный комиссар путей сообщения т. Л. М. Каганович указал, что это мероприятие имеет исключительное значение «для ускорения оборота вагонов, повышения безопасности движения и общего улучшения железных дорог».

Как известно, нарком предложил перевести товарные поезда по всей сети на полное автоторможение не позднее 1 ноября 1935 г.

Отмечая исключительное значение автотормозного оборудования, т. Л. М. Каганович в упомянутом выше приказе указал, что там, где автотормоза уже установлены, они «находятся в недопустимо расшатанном состоянии, многие из них разворованы».

Совершенно понятно, что проведение в жизнь такого важнейшего мероприятия, как перевод товарных поездов на полное автоторможение, должно было быть увязано с рядом мер, обеспечивающих полную сохранность автотормозного оборудования от порчи и хищений, ставящих под прямую угрозу безопасность движения поездов.

Чтобы обеспечить успешную борьбу с этими опаснейшими преступлениями, прокуратура МББ ж. д. проделала совместно с работниками стрелковой охраны и управления дороги большую работу по изучению наиболее пораженных пунктов.

Было установлено, что в подавляющем большинстве случаев хищения рукавов имеют место на станциях во время нахождения вагонов под погрузкой и выгрузкой, и гораздо реже во время движения поездов.

Приведем для примера рассмотренное судом любопытное дело о хищении в пути следования поезда.

Ремонтный рабочий пути Уткин на ходу поезда забрался на тормозную площадку, а с площадки на буфера и стал срезать автотормозной рукав. Когда рукав был прорезан, пошел воздух и произошло самоторможение состава: поезд остановился и простоял на перегоне 56 минут. Было дезорганизовано движение поездов по целому участку.

При обыске у Уткина было обнаружено несколько похищенных ранее рукавов автотормозов. Уткин был осужден к 10 годам лишения свободы.

В основном хищениями занимаются классово враждебные и деклассированные элементы. Классовый враг занимается хищением не только с целью использования резины для разных хозяйственных надобностей, но и с явной целью сорвать бесперебойную работу транспорта.

Характерно в этом отношении дело Хруцкого. Хруцкий имел 4 судимости. Поступив на временную работу на лесопильный Озорецкий завод, отстоящий в 3 километрах от ст. Толочин, куда подавались вагоны для разгрузки

бревен и для погрузки пиломатериалов, Хруцкий занялся систематическим хищением рукавов.

Следствием и судом было установлено, что со стороны администрации станции и лесопильного завода, несмотря на систематические хищения, не было принято никаких мер к усилению охраны социалистической собственности.

В течение 2 месяцев на станции Молчалово с вагонов, подававшихся под погрузку на Молчаловский балластный карьер, были срезаны и похищены десятки автотормозных рукавов, что создавало реальную угрозу безопасности движения поездов на участке.

Прокуратурой было установлено, что хищением занимался некий Микула, явно деклассированная личность, дважды судившийся за злобное хулиганство. Микула скрывался от отбывания наказания, проживая в деревне вблизи ст. Молчалово.

Микула осужден был к 10 годам лишения свободы.

Дела Микулы и других прямо сигнализировали нам, что наряду с привлечением к суровой ответственности прямых расхитителей надо вести борьбу с теми работниками транспорта, которые своим халатным отношением к обязанностям способствуют вредительскому расхищению автотормозного оборудования.

Для иллюстрации укажем на дело смазчика Терентьева, осужденного к 1½ годам лишения свободы.

Терентьев принял на ст. Новоскольниковы вполне исправный товарный поезд. Когда поезд прибыл на ст. Витебск, оказалось, что с того вагона, на тормозной площадке которого был Терентьев, срезан и похищен автотормозной рукав.

Следствие уличило Терентьева в том, что он никакого наблюдения за составом не вел и спал на тормозной площадке.

Только отсутствием всякой бдительности можно объяснить случай, имевший место на ст. Ярцево, когда некий Орлов в течение одного дня срезал 5 автотормозных рукавов.

Борясь с хищением автотормозного оборудования, мы столкнулись с многочисленными фактами, когда классово враждебные и деклассированные элементы посылают похищать рукава детей и несовершеннолетних.

Характерно в этом отношении дело Лукьяненко Ивана.

В декабре и январе на ст. Городок на Смоленской ветке систематически срезались рукава с вагонов, подаваемых Городскому депо под погрузку.

За 2 месяца был похищен 21 рукав.

Следствием было установлено, что рукава были похищены двумя малолетними: 13-летним Курилинным и 12-летним Лукьяненко Николаем, являющимися орудием в руках Лукьяненко Ивана, неоднократно судившегося за хищения.

В процессе борьбы за охрану автотормозного оборудования нами было обращено внимание на кладовые, где хранятся автотормоза.

В ряде пунктов дороги было обнаружено безобразное положение.

Так, в паровозном депо ст. Витебск совершенно отсутствовал учет имеющихся рукавов. Рукава валялись разбросанными по всему депо, в открытом ящике с утилем и т. п. Вместе с этим отсутствовал контроль за заменой рукавов, пришедших якобы в негодность.

В результате в депо имели место крупные хищения автотормозного оборудования.

Виновные в хищении были привлечены к уголовной ответственности.

Аналогичные факты имели место в Вязьме, в московском вагонном участке и других пунктах дороги.

Все процессы о хищениях автотормозных рукавов на дороге были проведены с мобилизацией вокруг них широкой общественности. Мы недавно проверили, каковы результаты проведенных судебных процессов.

Необходимо отметить, что в результате принятых ряда мер, отчасти — проведенных судебных процессов, хищения автотормозных рукавов на дороге резко снизились.

Мы проверили, как повлияли конкретные судебные процессы в тех пунктах, где процессы были проведены.

Вот ряд фактов.

На станции Новосколыники в августе-сентябре был ряд случаев хищений. В конце сентября был проведен судебный процесс. С октября по апрель случаев хищений автотормозов по ст. Новосколыники не установлено.

На станции Вязьма в октябре и ноябре было 5 случаев хищений.

В ноябре было проведено 2 процесса. С декабря по апрель на ст. Вязьма не зарегистрировано ни одного случая хищений.

По станции Минск хищения резко снизились. Если в ноябре было 7 случаев хищений, то в марте имело место одно хищение.

Надо отметить, что в нашей работе по борьбе с хищениями автотормозных рукавов имеются и крупные недостатки. Основное — это длительные сроки следствия. Ни одно из рассмотренных в суде дел не было расследовано в 10-дневный срок. Из 20 дел было расследовано в сроки до 1 месяца 14 дел, т. е. 70%, и свыше одного месяца 6 дел, т. е. 30%.

Сроки эти явно велики. Надо принять все меры к тому, чтобы следствие по делам о хищениях автотормозных рукавов обязательно, как правило, заканчивалось в 10-дневный срок.

Неудовлетворительно и со сроками рассмотрения дел в суде.

В 10-дневный срок судом заслушано всего 4 дела, или 20%. 14 дел (70%) рассмотрено в срок до 20 дней и два дела — в месячный срок.

Судом сейчас приняты меры к быстрейшему рассмотрению дел.

В заключение необходимо сказать, что хотя хищения автотормозного оборудования и резко снизились по нашей дороге, мы все же считаем, что было бы явно неправильным, если бы органы прокуратуры и суда ослабили свою работу с этим видом преступности.

Необходимо полностью искоренить хищения автотормозного оборудования.

д. ГОЛУБОВСКИЙ

Узловые вопросы защиты¹

За последнее время защите, как институту в целом, ее кадрам и методам работы уделяется усиленное внимание в правовой прессе. О защите заговорили. Это обязывает довести работу до конца и разрешить, наконец, все основные и большие вопросы адвокатуры, организационные и профессионально-этические. Большинство практических работников (в основном судебных), касаясь узловых вопросов работы защиты, ограничивается только констатацией того факта, что защита не удовлетворяет требованиям момента. Между тем то, о чем все единодушно пишут и что можно только приветствовать, — освобождение коллегий защитников от чуждых и негодных элементов и подготовка новых кадров защитников, — еще не решает целиком вопроса о создании подлинно советской адвокатуры. Нужен еще целый ряд мер, нужна неустанная борьба за качество работы защиты, базирующаяся не на голых декларациях, а на вдумчивом изучении причин недочетов и нездоровых явлений в работе коллегий и на конкретизации путей к их устранению.

В первую очередь нужно четко определять, какие требования должны предъявляться к защите. Это нужно как для самих защитников, так и для судебного аппарата, для того чтобы

судебные работники отдавали себе ясный отчет в том, какие требования являются невыполнимыми и какие являются явно невыполнимыми. По этому вопросу мы имеем, с одной стороны, единственный развернутый доклад т. Вышинского от 21/XII 1933 г. «О революционной законности и задачах советской защиты», где четко указано, каким должен быть советский защитник и как он должен работать. С другой стороны, имеется официальный документ, в котором содержатся некоторые указания о том, как надо работать советской защите (я имею в виду постановление президиума Верховного Совета РСФСР по докладу о работе коллегий защитников от 13/XII 1933 г.). Но есть еще целый ряд неразработанных вопросов сугубо принципиального характера. Отсутствие надлежащей их разработки в советском разрезе является тормозом к улучшению работы защиты и к установлению правильного понимания функций защиты судебными работниками, а следовательно, и к установлению в полном смысле слова нормальных взаимоотношений между судом и защитой.

Самым важным из этих вопросов является вопрос о том, как понимать термины: «защитник — помощник суда», «обязанность защитника — говорить на суде правду». Нам думается, что высказывания ответственных руководителей судебных органов по этим воп-

¹ В порядке обсуждения.

росам зачастую неверно преломляется в сознании массы судебных работников и нуждаются в уточнении. Если спросить у любого судьи, какова роль защитника в советском суде, то он без запинки ответит: «защитник — помощник суда». Однако редко кто из них задумывается над тем, в каких формах эта помощь может быть оказываемая и где границы этой помощи. Ведь помощь суду — понятие растяжимое. Часто бывает в процессе такое положение. — Обвинительное заключение составлено плохо. Доказательственный материал не собран потому, что лицо, ведущее предварительное расследование, не нащупало путей, по которым нужно было направить следствие. Подсудимый отрицает свою вину, и судья бьется, как рыба об лед, пытаясь путем опроса обвиняемого добыть доказательства его виновности в инкриминируемом ему деянии. Конечно, судья был бы очень доволен, если бы защитник, выражаясь вульгарно, «припер бы своего подзащитного к стенке» и поставил бы его в такое положение, что тот вынужден был бы сознаться в совершении преступления. Конечно, такая линия поведения защитника была бы в самом прямом смысле помощью суду в деле отыскания материальной истины. И многие судьи ждут от защитников помощи, доведенной до такого предела, не учитывая того, где граница той помощи, которую защитник может оказывать суду. А некоторые защитники, особенно в провинции, потеряли чувство ориентировки, где кончается помощь и начинается нарушение профессиональных обязанностей защитника. Вот почему бывают случаи (к счастью не очень частые) таких выступлений, когда защитник, вызывая недоумение всей аудитории, целиком и полностью присоединяется к требованию прокурора о возможно более суровом наказании, а потом уже подсудимому, если он умеет, приходится защищаться против выводов и прокурора и защитника. Тезис «защитник — помощник суда» требует детализации и расшифровки. На это некоторые защитники (из числа тех, которые не любят терять больных мест и считают для себя, в сфере своей профессиональной деятельности, все абсолютно ясным) могут возразить, что вопрос этот ясен, что, оказывая помощь своему подзащитному в деле установления его невинности, недоказанности обвинения или выявления мотивов совершения преступления и наличия смягчающих вину обстоятельств, защита тем самым помогает суду (хотя помощь эта и носит односторонний характер). Возможно, что такое понимание тезиса «защитник — помощник суда» и является единственно правильным (при условии соблюдения другой основной нормы деятельности защиты — правдивости перед лицом суда). Но мы все отлично знаем, что когда говорят о помощи суду со стороны защиты, то в это понятие вкладывается какое-то особое содержание. А поскольку, когда говорят о помощи суду и имеют здесь в виду не только обязанность выступать, как это кристаллически ясно сформулировано т. Вышинским, исходя «не из интересов клиента, а из интересов социалистического строительства, из интересов нашего государства», но и имеют в виду обязанность защитника всемерно содействовать суду в деле отыскания материальной истины, то нужно четко и твердо определить разницу внедрившимся среди защиты понима-

нием помощи суду, как работы, проводимой только в одном направлении — в отыскании и установлении данных в пользу обвиняемого, и тем новым пониманием, которым защита должна проникнуться и руководствоваться в своей практической деятельности. Если, говоря о помощи суду со стороны защиты, думают о том, чтобы защитник играл роль консультанта-ассистента, который в своем стремлении к отысканию истины должен чувствовать себя одновременно и обвинителем и защитником, то те, которые так мыслят, должны взять на себя миссию разработать этот вопрос и показать, как можно перестроить защиту в этом духе без того, чтобы сам институт адвокатуры не кончил своего существования вследствие того, что к защите перестанут обращаться. Голые декларации, что защитник — помощник суда, без ясной расшифровки этого положения вызывают чувство неудовлетворения у той части защиты, которая, независимо от стажа, имеет полное право называться советской и хочет в своей профессиональной деятельности руководиться твердыми советскими установками и идти в ногу с судом, не впадая в профессиональные ошибки.

Другим кардинальным моментом в работе защиты является проблема о том, что защитник должен говорить на суде только правду. И этот вопрос требует большой разработки. Сам-то по себе вопрос не вызывает никаких сомнений. Защита не имеет права лгать перед судом. Защита не должна искажать фактов. Но произнести только эти четыре слова — «защитник должен говорить правду» — это значит по существу ничего нового не сказать. Правильная постановка и полная разработка этого положения, вернее, сопутствующих ему проблем имеет большое значение как в деле выполнения защитой своих задач, так и в деле правильного понимания функций защиты судебными работниками. Прежде всего жизненно необходимо, чтобы судебные работники не думали, что защитник говорит неправду во всех тех случаях, когда им это кажется. Ведь не секрет, что подавляющее большинство судей уверено в том, что подсудимый всегда рассказывает защитнику, «как было дело», со всеми подробностями.

Подсудимый, конечно, откровеннее со своим защитником, нежели с судом, но не всегда и не во всем. В большинстве случаев защитник знает не больше того, что имеется в материалах дела и что ему его подзащитный рассказывает. Бывают случаи, когда в процессе судебного следствия подсудимый не сознается и защитник, ориентируясь на материалы дела, видя, что преступление не доказано, и основываясь на точном смысле закона (ст. 326 УПК), ставит вопрос об оправдании, а суд, также не располагая доказательствами виновности подсудимого, но полагаясь на свою интуицию и будучи уверенным в его виновности, враждебно относится к позиции защитника и просьбе об оправдании за недостаточностью улик, предполагая, что защитник знает всю правду, но просит об оправдании, руководствуясь исключительно положением «не пойман — не вор». И только когда судьи перестанут думать, что вступая в процесс в качестве стороны, защитник досконально знает по делу все неоткрытое подсудимым следственным органам, то нарушение защитниками принципа правдивости

в защите не будет казаться судьям столь частым, как это имеет место сейчас.

Второй, не менее важный вопрос — это вопрос об отказе от защиты при заперательстве обращающегося. Этот вопрос, сравнительно легко разрешавшийся в условиях частного кабинета, теперь, когда основной стала коллективная форма работы защиты, стал (по крайней мере, должен был стать) сложнее, ибо защитнику, принимающему обвиняемого и не находящему для себя возможности принять на себя защиту вследствие расхождения с обращающимся во взгляде на методы ведения защиты в данном деле, нужно мотивировать перед товарищами свой отказ от защиты, что не всегда легко сделать. Практически, к сожалению, это делается гораздо проще, и случаи отказа от защиты по принципиальным соображениям такого порядка при обращении за защитой, нужно сказать прямо, почти не имеют места. Можно ли это объяснить тем, что защитники достаточно энергично разъясняют подзащитному то, что непризнание им своей вины, при наличии достаточных улик, не сулит ему ничего хорошего. Имеются все основания полагать, что вопрос этот не считается актуальным, потому что подавляющее большинство защитников придерживается совершенно пассивной роли в деле получения полной и подлинной картины того события, которое ложится в основу обвинения. Помимо этого, нужно отметить, что до сих пор еще в коллективах не создана такая обстановка, при которой любой защитник, несогласный с необходимостью развивать перед судом те или иные взгляды в связи с данным делом, мог бы отказаться от этого дела и добиться передачи его другому защитнику, мыслящему иначе.

Весьма актуален также вопрос, может ли защитник уговаривать своего подзащитного (именно уговаривать, а не советовать) сознаться. Случай, описанный Либерманом в своей статье «По поводу открытого забрала» («Соц. законность» № 11 1935 г. стр. 28) и сотни ему подобных показывают, как опасно и, следовательно, недопустимо уговаривать подзащитного сознаться при настойчивом отрицании им своей вины.

Во всяком случае, кроме вопроса о завоевании защитой авторитета у суда, защите приходится заботиться и о правильных принципиальных и тактических взаимоотношениях с лицами, обращающимися за юрпомощью. Поэтому оба вышеуказанных вопроса: в каких формах должен осуществляться тот принцип, что защитник является помощником суда, и как практически добиться осуществления принципа безусловной правдивости защиты в процессе, должны быть разрешены с учетом специфического положения адвоката в процессе.

К сожалению, приходится констатировать, что надлежащей разработкой этих проблем никто до сих пор как следует не занимался. Нужно вплотную подойти к изучению вопроса об основных принципах деятельности защиты в условиях социалистической стройки и построения бесклассового общества. Нельзя, чтобы за отсутствием литературы по ряду профессиональных вопросов, вызывающих сомнение у адвокатуры, она пыталась находить ответ в дореволюционной литературе. Имея уже намеченный т. Вышинским «профиль» советского защитника, нужно окончательно указать практические пути к проведению защит-

никами в своей работе резкой разграничительной линии между отжившими методами и требуемыми на современном этапе.

Работу эту должны возглавить вышестоящие органы юстиции и их руководители, с привлечением к этой работе авторитетных представителей адвокатуры и проработкой ряда вопросов на широких собраниях адвокатской массы, ибо в противном случае мы, вместо единой советской доктрины, в этом вопросе будем иметь доктрины «калужскую», «казанскую» и др.

Поскольку недостаточно только поставить тот или иной вопрос, а надо внести и свою лепту в дело его разрешения, позволю себе высказать и свой взгляд, хотя и предвижу недовольство той части адвокатуры, которая считает, что вопросов, связанных с ломкой привычных представлений, лучше не касаться.

Советский защитник не может быть пассивным в деле выявления полной и подлинной картины происшедшего, инкриминируемого его подзащитному. Защитник должен стараться не идти в суд с завязанными глазами. Без всякого нажима, но твердо и четко защитник должен ставить перед обращающимся ряд вопросов, на которые должен получить обстоятельный и точный ответ. Если, ознакомившись с делом, защитник почувствует, что обвинение правильно, но недостаточно оформлено, он обязан тактично и осторожно поставить перед обращающимся те вопросы и сформулировать их так, как если бы он сам руководил судебным следствием. Если беседа в таком духе приводит к тому, что клиент дает маловразумительные ответы, и убеждает в том, что обвинение правильно, то защитник не должен делать ставку на то, что с внешней стороны обвинение не подтверждается на все сто процентов. Одним словом, защитник должен быть достаточно активным в деле выявления истинной картины, не идти на поводу у клиента и с величайшей осторожностью принимать на себя защиту в тех делах, где приходится ставить вопрос о недоказанности самого факта преступления. И если мы хотим добиться того, чтобы защитник был правдив перед судом, то надо, чтобы любой защитник чувствовал признание за собой права не выступать и не говорить перед лицом суда того, во что он сам не верит, хотя бы его товарищи по профессии по коллективу считали обвинение недоказанным. По изложенным выше соображениям нужно соблюдать величайшую осторожность тогда, когда самому защитнику предъявляются обвинения по профессиональной линии в неосновательном отказе от составления кассационной жалобы. Короче говоря, правдивость защитника перед судом не может упасть с неба, ее нужно воспитать.

Но для того чтобы добиться этого, нужно, чтобы защита имела возможность выбора дела. Нужно, чтобы обращение к защите было таково, чтобы защитники больше интересовались принципиальной линией в своей работе, а не тем, уйдет ли обратившийся за юрпомощью или нет. Чем больше будет число обращений, чем устойчивее будут заработки защитников, чем независимее будет защита от всяких сезонных изменений в количестве нагрузки, тем тщательнее может быть защита в своей работе. Я оставляю в стороне нежизненные и абсолютно неприемлемые проекты о превращении членов коллегий, ныне работающих, по

существо, на кооперативных началах или в индивидуальном порядке, в штатных работников судов, что обеспечило бы стабильность заработной платы и на первый взгляд разрешило бы независимость защитника от конъюнктуры. Но для того, чтобы защитники на данном этапе, когда нужна (именно нужна, а не спрос) в юридической помощи еще весьма велика, имели бы возможность выбора дел, помимо необходимости в наличии гибкого, подвижного и делового (но не деляческого) руководства коллегий, обеспечивающего рядом организационных мер постоянный приток обращений, нужна еще действительная поддержка, а отнюдь не противодействие судебно-следственного и прокурорского аппарата. Необходимо создание такой атмосферы вокруг защиты, чтобы трудящиеся как можно больше обращались за квалифицированной помощью, а не избегали бы ее из опасения, что с защитой будет хуже. До сих пор на вопрос: «почему вы своевременно не обратились к защите», — слышен один и тот же ответ: «опасался, что суд подумает, что если я обратился к защитнику, то, следовательно, я виноват; боялся, что суд подумает, что я обеспеченный человек». И никто никогда не рассеивает таких

представлений. До сих пор следователи всех рангов, не заинтересованные в том, чтобы результат их работы (обвинительное заключение) подвергался открытой критике в судебном заседании со стороны специалиста-защитника, — на вопросы наивно к ним обращающихся за советом лиц, в отношении которых они вели следствие, обратиться ли за юридической помощью в предстоящем судебном процессе, отговаривают от этого «опасного» намерения. До сих пор большинство судей, принимая от трудящегося какое-нибудь, к примеру сказать, исковое заявление и видя, что оно требует пересоставления, указывая об этом заявителю, никак не может вспомнить о существовании юридической консультации, и всегда как-то неопределенно отвечает на вопрос — куда обратиться за помощью в таком сложном для данного лица деле, как составление заявления. Все это нужно изжить. Вокруг защиты, как института, нужно создать такую атмосферу, при которой такие случаи, когда в суде в каком-либо составе в данный день разбирается 10—12 уголовных и гражданских дел и ни по одному из них не выступает защита, как это мы наблюдаем сейчас с хотя бы по Москве, были бы редким исключением.

Д. БЕШЕР

Арбитраж на перепутье¹

Переживаемый этап народнохозяйственного развития нашей страны характеризуется бурным подъемом.

Перед всеми отраслями народного хозяйства стоят задачи усиления хозрасчета, достижения рентабельности и усвоения стахановских методов работы.

На огромную высоту, помимо планирования и техники, вознесено значение учета. Только роль и значение арбитража недостаточно освещена и оценена. Между тем, объективное влияние арбитража на работу хозорганов имеет не только финансово-показательные, но и оперативно-производственные последствия. Эти последствия могут быть положительными и отрицательными. Вот почему значение арбитража в народном хозяйстве не следует ни игнорировать, ни недооценивать.

То, что положение о Госарбитраже нуждается в пересмотре, ощутили, повидимому, руководящие работники Госарбитража. Однако ни характер, ни размеры предлагаемых им изменений (см. статьи тт. Гамбург, Ряппо, Васильева и др. в журнале «Арбитраж» за 1935 и 1936 гг.) не находятся, на наш взгляд, в должном соответствии с ролью и задачами, принадлежащими арбитражным органам на ближайших этапах нашего народнохозяйственного развития. Вся деятельность наших хозорганов, подлежащая протекать в русле общегосударственного плана и его договорных разветвлений, должна быть объектом самого пристального внимания и изучения со стороны арбитражных органов. Вся деятельность арбитража должна быть подчинена задачам надзора за:

а) выполнением хозорганами производственного и финансового плана;

б) соблюдением всех условий, обеспечивающих достижение этой задачи.

Только в свете формулы — «стахановская работа, хозрасчет и рентабельность» — подлежит оценке деятельность как хозорганов, так и арбитража.

Соответствует ли этим задачам существующая арбитражная система? Мы отвечаем — Нет. Не соответствует.

Попытаемся это доказать.

Основными условиями успешной арбитражной работы являются:

а) хозяйственная целеустремленность;

б) опытные кадры;

в) законная устойчивая и продуманная практика.

Можно ли утверждать, что при нынешнем параллельном сосуществовании нескольких десятков ведомственных арбитражей условия эти соблюдены? Совпадают ли, в практическом осуществлении, директивы и надзорная практика государственного и ведомственных арбитражей? Не существует ли практического разноречия в разрешении аналогичных вопросов арбитражными органами одной и той же системы (не говоря уже о системах разных)?

Разрешена ли ведомственными арбитражами проблема подбора надлежащих кадров?

Отрицательные ответы на эти вопросы вряд ли вызовут искренние возражения.

Ведомственные арбитражи, обычно, возглавляются начальниками оперативных и, чаще всего, финансовых секторов соответствующих ведомств. Подчиненные им арбитражи — люди, нередко, почтенные (в этом я согласен с т. Ряппо), но занятые своими прямыми обязан-

¹ В порядке обсуждения.

ностями и заинтересованные в арбитраже не более, чем в другом виде дополнительных внешних занятий. Ни советское хозяйственное законодательство, ни руководящая арбитражная практика им обычно неизвестны. Это создает естественное предрасположение к собственному правотворчеству и собственной арбитражной практике, нередко, отличающимся от закона, как черное от белого.

Наконец, «личная уния», связывающая арбитраж и финансовый сектор и отождествляющая в одном лице начальника финансового сектора и главарбитра, превращает обычно арбитраж в придаток финсектора, несущий в отношении последнего чисто подсобные функции.

Работа арбитража подчинена в этих случаях простому кассовому расписанию соответствующего финсектора.

Нужно ли доказывать, что такой арбитраж не только бесполезен, но и практически глубоко вреден для народного хозяйства, так как легализует договорные правонарушения, произвольно и необоснованно перераспределяет средства хозорганов и их совершенно дезориентирует в дальнейших хозяйственных взаимоотношениях.

Автор этих строк может привести десяток примеров, показывающих, как один из «лучших» ведомственных арбитражей, игнорируя все законы о давности, присудил в 1935 г. задолженность за 1930—1931 гг. (д. № 6883/ж Арб. НКТП СССР), игнорировал постановление СНК СССР от 19/XII 1934 г., правительственные директивы и прямые указания Госарбитража при СНК СССР о незыблемости договорных условий, не противоречащих закону (дд. №№ 3188, 5566, 6047 НКТП СССР) и без каких бы то ни было оснований эти договора изменял, равно как не применял никаких санкций в отношении повторных нарушителей договорных условий (дд. №№ 1126/о, 6214) и т. д.

Автор этих строк может засвидетельствовать, что одному только хозоргану перечисленными нарушениями законов и правительственных директив этим, арбитражем и за один только 1935 г. причинены были убытки в сумме около 1500 тыс. руб.

Результаты самых напряженных усилий хозяйственных коллективов могут быть, таким образом, сведены к нулю капризными и ничем не ограничиваемыми росчерками арбитражных «самодержцев».

Нужно ли доказывать, что такими арбитражными решениями разрушается финансовая база хозорганов, нарушается их правильная деятельность, воздвигаются объективные препятствия развитию стахановского движения, возвращаются действительные финансовые показатели годовой деятельности хозорганов и попирается революционная законность.

Причины этих явлений — не только в безответственности ведомственных арбитров, но и в особом характере их работы, в существующей арбитражной системе.

Мы считаем поэтому совершенно необходимой унификацию всей арбитражной системы. На наш взгляд, созрела необходимость:

- 1) ликвидации ведомственного арбитража;
- 2) замены его единой всесоюзной системой Государственного арбитража при СНК СССР с соответственно развитой республиканской и областной сетью;
- 3) поднятия минимума арбитражной подсудности до 3000 руб. (с передачей остальных дел общесудебной системе);
- 4) перехода арбитражной практики на твердые рельсы процессуальной и материальной законности;
- 5) создания единой устойчивой арбитражной практики, твердо ориентирующей хозорганы в вопросах договорной дисциплины и предотвращения ненужных споров;
- 6) практического усиления надзорной деятельности руководящих органов арбитража;
- 7) создания кадра постоянных и высококвалифицированных арбитров и консультантов арбитража;
- 8) установления строгой дисциплинарной ответственности за нарочитое арбитражное бракование как для арбитров, так и для представителей сторон.

Исключительно в изложенном аспекте нам представляется не только желательной, но и настоятельно необходимой коренная реформа нашей арбитражной системы.

Ю. ПОЗАН

Пять лет работы Свердловского правового института

В борьбе за четкое, последовательное и единообразное проведение социалистической законности, являющейся одним из важнейших средств укрепления советского социалистического государства, органам советской юстиции принадлежит огромная историческая роль. Осуществляя указания Ленина—Сталина о диалектическом сочетании методов принуждения и убеждения, наши судебные и прокурорские органы представляют собою остро отточенное оружие в борьбе с классово враждебными элементами, дезорганизаторами новой общественной дисциплины.

Этими важнейшими задачами определяется необходимость укрепления органов юстиции стойкими, преданными делу социализма кадрами, вооруженными теорией Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина и обладающими специальными знаниями в области государства и права.

Открывший собою новую страницу в нашей истории, лозунг товарища Сталина «Кадры решают все» выдвигает со всей настойчивостью требование поднятия теоретической подготовки работников этих органов на новую, неизмеримо более высокую ступень. К выполнению этой ответственной задачи и призваны правовые вузы, в частности Свердловский правовой институт, отмечающий в эти дни пятилетие своей работы.

Свердловский правовой институт, организованный в 1931 г. в Иркутске на базе факультета советского строительства и права Иркутского государственного университета, и переведенный осенью 1934 г. в гор. Свердловск, готовит членов облсудов, народных судей, прокуроров, следователей, ответственных работников госарбитража и юрисконсульты предприятий и учреждений.

Институт обслуживает обширную территорию, простирающуюся от Урала до Тихого

Океана и включающую в себя ряд краев, областей и национальных республик. В данное время контингент учащихся института — 296 чел., из них на подготовительном — 65 чел.

За пять лет своей работы институт выпустил 191 чел. окончивших основные факультеты. Далее, существовавшая при институте с 1932 по 1934 г. Национальная правовая школа выпустила 80 чел., направленных на судебную и следственную работу в Бурято-Монгольскую АССР, Якутскую АССР, Хакасскую и Ойротскую автономные области.

Кроме того, юридические курсы, в отношении которых институт на протяжении всего периода своей работы осуществляет организационное и методическое руководство, производили ежегодно по два выпуска, численностью в среднем по 40—50 чел. в каждом выпуске.

В текущем учебном году в институте ведут преподавание: 7 профессоров, 11 доцентов, 3 ассистента и 16 преподавателей. Хотя по сравнению с 1931—1932 г. число работающих сейчас в институте преподавателей увеличилось более чем вдвое, но нужно сказать, что и в настоящее время институт испытывает еще недостаток в научных работниках по отдельным дисциплинам.

В институте имеется пять кафедр: государственного и права, уголовного права, хозяйственного права, социально-экономических наук, военных дисциплин и физкультуры.

Кафедры института, ставя в центр внимания своей работы последовательное проведение в научной и педагогической работе марксистско-ленинской методологии, осуществляют эту задачу путем систематического обсуждения учебных программ, повседневного изучения хода педагогического процесса, обсуждения итогов преподавания на заседаниях кафедр, производственных совещаниях и т. д.

Слабым местом кафедр является их недостаточная научно-исследовательская работа. Начало разvertыванию таковой положено лишь в последнее время проведенной научной конференцией кафедр, на которой был заслушан ряд научных докладов по вопросам истории и теории государства и права.

Труды научной конференции намечены к изданию специальным сборником.

За годы работы института значительно выросли его учебно-вспомогательные учреждения: библиотека и учебные кабинеты, на оборудование которых с каждым годом увеличивается ассигнования.

В процессе реализации постановления ЦИК Союза ССР от 19/IX 1932 г. «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» институт добился значительных улучшений в учебной работе, что нашло свое выражение в усилении лекционного начала в преподавании, улучшении качества программ, укреплении единоначалия преподавателя и трудовой дисциплины студенчества. Большая работа в области перестройки преподавания проведена Институтom в текущем учебном году. Стахановское движение по-новому поставило и вопросы работы высшей школы. Борьба за дальнейшее улучшение качества преподавания, усиление связи теории с практикой, повышение общеобразовательного и культурного уровня студенчества потребовала коренного пересмотра организации педагогического процесса в институте. В связи с этим институтом, на основе решений методической конференции,

была произведена перестройка методов занятий в направлении ликвидации школярства, развития у студенчества навыков к самостоятельной работе, решению научных и практических задач, устранение отрыва и отставания теории от практики. В этих целях были отменены групповые семинары, как ограничивающие самостоятельность студентов в изучении материала и не способствующие привитию навыков к самостоятельной работе. Наряду с этим был значительно повышен удельный вес лекций в педагогическом процессе и введены новые формы занятий: консультации, специальные семинары повышенного типа и коллоквиумы.

В результате перестройки учебных занятий на основе новых методов значительно повысилось качество всей учебно-производственной работы в институте. Учебный план второго семестра на I/V с. г. выполнен на 107,6%. Значительно укрепилась трудовая дисциплина как среди студенчества, так и среди профессорско-преподавательского состава: пропуски занятий по неуважительным причинам составляют 0,1%.

Успеваемость студентов из года в год повышается. Сравнивая данные об итогах зимних зачетных сессий в 1934—1935 и 1935—1936 учебных годах мы видим, с одной стороны, повышение оценки «отлично» с 11,3% до 19,6% и оценки «хорошо» — 35,1% до 37,2%, с другой стороны, оценка «удовлетворительно» понизилась с 44,1% до 31,8%, а оценка «неудовлетворительно» — с 8,9% до 6%. Повышение качества учебы объясняется как лучшей организацией педагогического процесса, так и повышением качества самостоятельной работы учащихся. Все студенчество института охвачено социалистическим соревнованием. Имеется ряд студентов — отличников учебы.

В целях изжития недостаточной грамотности отдельных студентов по русскому языку, для них введено обязательное изучение этого предмета. В целях повышения общекультурного уровня учащихся, институтом организовано регулярное проведение лекций по различным вопросам из области истории, экономики, философии, естествознания, литературы и искусства. Все студенчество охвачено школами и кружками политпросвещения. В настоящее время в институте работают шесть партийных школ с охватом 145 слушателей.

Кроме того, сетью комсомольских школ охвачено 240 чел., и по линии профсоюзной организации созданы и работают две школы, в которых обучается 50 чел.

Институт вступает во второе пятилетие своего существования. Важнейшими задачами, стоящими перед дирекцией, парторганизацией и профессорско-преподавательским составом института на предстоящий период работы, являются: максимальное повышение качества учебы, культурности, грамотности студенчества, дальнейшее укрепление кафедр, как основных звеньев учебно-педагогического процесса, и развертывание широкой научно-исследовательской работы в непосредственной увязке с практическими задачами органов суда, прокуратуры, госарбитража.

Мы уверены, что институт успешно справится с этими задачами и тем самым поднимет на еще большую ступень подготовку высококвалифицированных кадров для органов советской юстиции.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Симович Рафаил Абрамович, зав. магазином № 1 ЗРК «Дворец труда», и Лаздынь Эмма Ивановна, зав. столовой того же ЗРК, были преданы суду по обвинению — Симович по ст. 109 УК за то, что он повысил зарплату себе с 175 руб. до 275 руб. и бухгалтеру — с 275 руб. до 350 руб.; незаконно выдал спец. одежды на 425 руб. сотрудникам ЗРК; оптом продал товаров из магазина на 151 тыс. руб., нарушил кредитную реформу, израсходовав помимо банка через кассу магазина 66 тыс. руб., и незаконно выдал частному лицу — Амчиславскому из средств магазина 4 тыс. руб., в результате чего ЗРК был причинен имущественный ущерб. Лаздынь — по ч. 1 ст. 116 УК в том, что допустила недостачу по столовой в размере 1086 руб.

11/XI 1934 г. нарсуд г. Смоленска, рассмотрев это дело, признал, что со стороны Симовича установлена лишь незаконная выдача заготовителю ЗРК Амчиславскому 4 тыс. руб., причем это имело место не в результате злоупотребления со стороны Симовича, а в результате халатного его отношения к своим служебным обязанностям.

Лаздынь суд также признал виновной лишь в халатном отношении к службе, в результате чего у нее в столовой образовалась недостача на сумму 1043 руб.

На основании ст. 111 УК суд приговорил Симовича и Лаздынь к 1 году и.т. р. на общих основаниях.

Кассколлегия этот приговор суда отменила, указав, что по делу недостаточно исследован эпизод с недостачей у Лаздынь 1943 руб. и, в частности, недостаточно тщательно проверено заявление Лаздынь о том, что эту сумму денег она сдала Симовичу, и что для перекалфикации действий Симовича на ст. 111 УК у суда не было оснований, так как выдача 4 тыс. руб. Амчиславскому со стороны Симовича является злоупотреблением по службе.

13/I 1935 г. нарсуд в новом составе вновь рассмотрел дело Симовича и Лаздынь.

Суд признал Симовича виновным в незаконном повышении зарплаты бухгалтеру и в незаконной выдаче заготовителю Амчиславскому 4 тыс. руб. и по ст. 109 УК приговорил его к 2 годам лишения свободы с взысканием в пользу ЗРК 3746 руб.

Лаздынь суд признал виновной в том же преступлении, которое инкриминировалось ей по первому приговору, и по ст. 111 УК приговорил ее к 1 году и.т. р. с взысканием в пользу ЗРК 1043 руб.

Кассколлегия Облсуда приговор в отношении Симовича утвердила, дополнительно взыскав с него 1043 руб. в пользу ЗРК, а в отношении Лаздынь приговор суда отменила, прекратив дело производством за отсутствием улик.

В своем определении кассколлегия облсуда признала Симовича виновным в присвоении

1043 руб., полученных им будто бы от Лаздынь, и в незаконном повышении цен на колбасу и сало, т. е. в совершении таких преступлений, которые Симовичу никогда не инкриминировались и которые являлись более тяжкими по сравнению с теми, которые ему были предъявлены на предварительном следствии.

Президиум облсуда, рассматривавший дело по протесту облпрокуратуры, определение кассколлегии утвердил.

И кассколлегия и президиум облсуда грубейшим образом нарушили закон, признав Симовича ответственным за совершение таких преступлений, в которых он не обвинялся.

Наряду с этим совершенно необоснованным является и обвинение Симовича в причинении ЗРК ущерба в результате незаконной выдачи 4 тыс. руб. заготовителю Амчиславскому. Материалами дела не установлена реальность этого ущерба, и Амчиславский не фигурировал даже в деле в качестве обвиняемого.

Суд вынес частное определение о возбуждении уголовного преследования против Амчиславского по ст. 169 УК, а прокуратура в действиях Амчиславского не нашла состава преступления, предложив ЗРК предъявить к Амчиславскому иск в гражданском порядке.

Из материалов дела видно, что Амчиславский являлся заготовителем ЗРК и получал за свою работу процентное вознаграждение. Для целей заготовок Симович и выдал ему 4 тыс. руб., причем состояние расчетов между Амчиславским и ЗРК к моменту рассмотрения дела Симовича в суде не было приведено в ясность.

При этих условиях Симович не мог быть признан виновным в причинении ущерба ЗРК в результате незаконной выдачи Амчиславскому 4 тыс. руб., поскольку реальность этого ущерба не была установлена.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор суда, определение кассколлегии и постановление президиума облсуда.

Коллеция по уголовным делам Верховного РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила перекалфицировать действия Симовича на ст. 112 УК, определив ему меру наказания — общественное порицание, исключить из приговора гражданский иск, отменить определение кассколлегии и постановление президиума облсуда от 28/IV 1935 г.

3/II 1933 г. нарсудом Россосанского района, Воронежской области, была осуждена по ст. 108 и ст. 169 УК к 8 годам лишения свободы с конфискацией всего имущества Тищенко Дарья Михайловна, занимавшаяся выработкой кваса и торговлей им по льготному патенту.

Суд признал Тищенко виновной в том, что она ложно выдавала себя за жену коммуниста и пред. ревкома, расстрелянного в 1918 г. бе-

лыми, тогда как на самом деле муж ее коммунистом и пред. ревкома не был, происходил из семьи торговца кожевенными товарами и обувью и расстрелян был в результате свечения с ним личных счетов начальником контрразведки.

Обманивая ряд учреждений, Тищенко, начиная с 1924 г., незаконно получала пенсию за мужа и пользовалась льготным патентом на торговлю квасом и булочками.

Кассколлегия облсуда приговор этот отменила, признав, что обвинение Тищенко по ст. 169 УК недостаточно обосновано, так как не был допрошен свидетель Левда, бывший с 1918 г. командиром воронежского дивизиона, который письменно удостоверил, что муж Тищенко был расстрелян белыми, как участник гражданской войны и коммунист.

При вторичном рассмотрении дела Тищенко 18/XII 1933 г. нарсуд Россошанского района вновь признал Тищенко виновной в том, что она ложно выдавала себя женой коммуниста и красного партизана, расстрелянного белыми, и, прикрываясь этим, занималась спекуляцией.

Несмотря на то, что указание кассколлегии о допросе свидетеля Левды не было выполнено, хотя органы расследования для розыска Левды не исчерпали всех возможностей, суд приговорил Тищенко по ст. 109 УК к 5 годам лишения свободы.

Кассколлегия облсуда этот приговор также отменила, а дело в отношении Тищенко прекратила, признав бесспорно установленным, что она является женой красного партизана, расстрелянного белыми, и что производство ею и продажа кваса, а также продажа булочек не могут рассматриваться как спекуляция, поскольку Тищенко был выдан финорганом патент, разрешающий ей торговлю указанными продуктами.

Спустя полтора года, а именно 3/VII 1935 г., дело Тищенко, по протесту председателя облсуда, было рассмотрено президиумом облсуда, который признал, что Тищенко ложно выдавала себя женой погибшего коммуниста и пред. ревкома и на этом основании незаконно пользовалась различными льготами, «превратив их в источник дохода со спекулятивной целью».

По этим соображениям президиум облсуда отменил определение кассколлегии о прекращении дела Тищенко и оставил в силе приговор суда, по которому Тищенко была осуждена к 5 годам лишения свободы, переквалифицировав ее действия со ст. 107 УК на ст. 169 УК.

Прокуратура Союза опротестовала постановление президиума по следующим основаниям.

По материалам дела не вызывают сомнения следующие факты.

Отец Тищенко до революции занимался торговлей кожевенно-обувными товарами, и Тищенко принимал участие в этой торговле. Тищенко участвовал в империалистической войне и по возвращении с войны был выбран на работу в качестве продавца в народную лавку.

В 1918 г. Тищенко действительно был расстрелян белыми.

В подтверждение того, что ее муж был расстрелян белыми, как участник гражданской войны и коммунист, осужденная Тищенко представила:

1) Справку, подписанную сослуживцами ее покойного мужа по народной лавке Бирюковым и Рябошапкой и членами ревкома Глущенко, Чумаковым и Скотниковым.

Согласно этой справке муж Тищенко торговцем не был, состоял членом ревкома «по борьбе с внутренним бандитизмом» и был в конце 1918 г. расстрелян бандами Краснова.

2) Справку, выданную бывшим командиром воронежского дивизиона Я. А. Левдой о том, что Тищенко являлся красным партизаном, был послан им, Левдой, в тыл к белым со специальным заданием, был задержан белыми и расстрелян.

3) Удостоверение, выданное Тищенко 16/V 1924 г. россошанским укомом РКП(б) за подписями секретаря укома Подгорного и зав. учетным столом Щербакова о том, что муж Тищенко являлся членом россошанского вика, был убит в 1918 г. бандой Краснова и «состоит на учете убитых и умерших коммунистов в россошанском уком».

Из перечисленных документов на предварительном следствии надлежащим образом была проверена лишь справка, выданная Бирюковым, Рябошапкой и др., причем оказалось, что в большей своей части эта справка не соответствует действительности; подписавшие ее лица показали, что подписали эту справку, не ознакомившись полностью с ее содержанием.

Наряду с этим, в деле имеются показания свидетеля Морозова о том, что Тищенко был расстрелян белыми в числе еще 5 чел., среди которых был матрос Кравченко. Брат этого Кравченко, допрошенный в судебном заседании 13/XII 1933 г., показал, что когда он пошел в карательный отряд узнать о судьбе его брата, то начальник карательного отряда объявил ему, что его брат арестован, как матрос, а Тищенко — за хранение оружия и службу у красных. Это показание в том же заседании подтвердил и свидетель Фоменко.

Из показания ряда свидетелей (Чумаков, Скотников), а также из показаний самой Тищенко видно, что они недостаточно ориентированы в событиях 1918 г. и, в частности, в тех событиях, которые происходили в Россоши в этот период времени.

Таким образом установление мотивов и обстоятельств, при которых был расстрелян Тищенко, является в настоящее время чрезвычайно затруднительным и нецелесообразным.

При наличии указанных выше обстоятельств, всего вероятнее, что Тищенко добросовестно считала своего погибшего от руки белых мужа коммунистом. Если это на самом деле было и не так, осуждение Тищенко в уголовном порядке по ст. 169 как за обман государства, являлось все же неправильным. Никакого актуального значения для настоящего времени ее проступок (если признать, что она его и совершила) не имеет. Ущерб государству, происшедший от того, что Тищенко неправильно пользовалась бесплатным патентом на торговлю квасом и бубликами, — совершенно ничтожен.

При всем этом Тищенко, как потерявшей мужа в результате беспорядочной расправы с ним белых, в свое время, вероятно, не отказали бы в выдаче бесплатного патента, даже если бы она не сообщала о муже преувеличенных сведений.

Коллегия по уголовным делам Верховного РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры

Союза определила постановление президиума облсуда отменить и дело производством в уголовном порядке прекратить.

**

Нарсуд Петроградского района г. Ленинграда 19/X 1935 г. приговорил гр. Богорац Н. С. по п. «в» ст. 128 УК к 2 годам лишения свободы.

Определением КК облсуда от 10/XI 1935 г. приговор был утвержден.

Суд признал Богораца виновным в том, что он, состоя зав. пивной лавкой № 66 треста производственных предприятий ЛСПО, производил систематический обмер и обвес посетителей, недоливая пиво в кружки и недовешивая бутерброды.

Данный приговор по делу является вторичным. По первому приговору 7/VII 1935 г. Богорац был оправдан, но по протесту райпрокурора кассколлегия облсуда 29/IX 1935 г. приговор от 7/VII 1935 г. отменила и дело передала на новое рассмотрение.

В основание обвинения Богорац положен был акт, составленный при обследовании пивной контрольной бригадой ЛСПО 23/III 1935 г. Между тем, этот акт является документом, в значительной степени опроверженным. Из показаний свидетелей Михайлова и Григорьева, которые присутствовали при составлении акта, видно, что бригада ЛСПО допустила ряд неправильностей при проверке налитого в кружки пива и взвешивании бутербродов.

На заявленный им в момент составления акта протест бригада не обратила внимания. Тогда при участии Михайлова и Григорьева был составлен другой акт, опровергающий акт бригады. Значение этому контракту должно быть придано потому, что Михайлов являлся представителем общественности пивной, а Григорьев — лицом, вполне компетентным, так как работал ранее инспектором ЛСПО.

Помимо этого, обвиняемый Богорац еще к первому судебному заседанию представил справку госторгинспекции о допускаемой норме недолива в кружки. Бригада, составлявшая акт, не учла этой нормы.

Наконец, отмеченные в акте бригады записи в жалобной книге от 2/II 1935 г. и от 23/II 1935 г. никакого отношения к гр. Богорацу не имеют, так как он в этот период в пивной № 66 еще не работал.

По всем этим данным акт бригады должен быть признан недоказательным документом.

Другими материалами суд не располагал. Из свидетелей были допрошены только Григорьев, Михайлов и Болотов; причем Григорьев и Михайлов дали показания в пользу обвиняемого Богораца, подтвердив неправильные действия бригады, составившей акт. Свидетель же Болотов, входивший в бригаду, также не дал никакого обвинительного материала и, наоборот, отказался от акта.

Приговор составлен очень небрежно. В нем, например, неосновательно указывается на систематический характер обмера и обвеса со стороны Богораца, в то время как единственным обвинительным документом суд указывает акт бригады. При этом, в приговоре делается ссылка на обследование от 11/IV 1935 г., в действительности же обследование производилось 23/III 1935 г. Далее, приговор говорит, что «вес каждого из 10 проверенных бутербродов оказался 178 гр. вместо 200 гр. в то время, как

в акте говорится, что все 10 бутербродов вместе весили 178 гр. вместо 200 гр., чем грубо искажено самое изложение фактов.

Следует отметить, что эти неправильные данные судом без всякой проверки были перенесены в приговор из протеста райпрокурора на первый оправдательный приговор (протест писал член группы содействия прокуратуре). При этих условиях приговор не может быть оставлен в силе.

Учитывая, что при повторном рассмотрении этого дела не только не было добыто никаких новых данных для обвинения Богораца, но не были даже допрошены свидетели обвинения, допрошенные при первом разборе дела, что в деле имеется ряд положительных характеристик работы Богораца, — Прокуратура СССР опротестовала приговор нарсуда от 19/X 1935 г. и определение КК от 10/XI 1935 г.

Президиум Ленинградского облсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда Петроградского района от 19/X 1935 г. и определения УКК от 29/IX и 10/XI 1935 г. отменить и оставить в силе оправдательный приговор нарсуда от 7/VII 1935 г.

**

Великолукский нарсуд 1—2/X 1935 г. приговорил Толли А. И., члена ВКП(б) с 1917 г. (исключен по данному делу), по ст. 109 УК к 8 годам тюремного заключения.

Суд признал Толли виновным в том, что он, являясь зав. райвнуторга, допустил перебои в торговле хлебом, вследствие чего в хлебных магазинах создались очереди, плохо планировал распределение фондов, игнорировал снабжение хлебом сельского контингента (в особенности учителей), совершенно не следил за качеством выпускаемого хлеба, вследствие чего хлеб выпускался сырой, в хлебе попадались посторонние предметы.

Прокуратура Союза ССР, считая, что материалы дела не дают основания для обвинения Толли по ст. 109 УК и применения к нему столь сурового наказания, опротестовала приговор по следующим основаниям:

Из дела видно, что перебои в снабжении мукой происходили по вине окрвнуторга, который урезал фонды для ряда районов, в том числе и для В.-Лукского, основываясь в свою очередь на твердых лимитах облвнуторга. Толли ставил этот вопрос и на президиуме горсовета и перед райвнуторгом. Недоснабжение сельского контингента имело место по той же причине. Переброску городских фондов на село райвнуторг делать не имел права.

Перебои в торговле хлебом происходили отчасти по вине торгующих организаций, горПО, окрпотребсоюза, Калининторга и др., которые недобирали запяряженную для них муку. Это вело к созданию очередей. Другой причиной очередей был несвоевременный завоз хлеба магазинами из хлебозавода и пекарни горПО и невыпечка хлеба хлебозаводом. Со стороны Толли принимались известные, хотя и недостаточные, меры к устранению этих явлений, о чем свидетельствуют его письма от 21/V 1935 г. и от 25/V 1935 г. в адрес транспортного и районного прокуроров и показание бывшего директора ОПС-5 Горбунова. Выпуск в продажу горячего хлеба происходил из-за невозможности делать подсушку, ввиду большого спроса. Толли, по свидетельству того же Горбунова, бессилен был предотвратить это.

Брак хлеба на хлебозаводе имел место отчасти по причине плохого состояния печей, но хлебозавод не имел возможности стать на ремонт, так как запасных печей не было. Директор завода заявляет, что Толли в июле (период наибольших перебоев) почти ежедневно посещал завод. В деле имеются указания, что по поводу случаев обнаружения в хлебе посторонних предметов (окурков, спичек, волос и пр.) Толли ряд актов направил в прокуратуру.

Из материалов дела видно, что непосредственную ответственность за эти безобразные явления должны нести директор хлебозавода Горбунов, пом. директора Михайлов, лаборант Тимошин и бригадир Мошенок, дело в отношении которых выделено, поскольку они являются транспортными работниками. Толли можно обвинить только в том, что он не обеспечил своевременной и надлежащей борьбы с этими явлениями, не мобилизовал общественность завода.

Вина Толли состоит в халатном отношении к выполнению возложенных на него обязанностей, выразившемся в допущении неравномерного снабжения хлебом торговых точек, отсутствии борьбы за устранение организационных недостатков в торговле хлебом (своевременный завоз и пр.), слабой работе по борьбе с браком хлеба и непринятии должных мер к ликвидации таких явлений, как случаи обнаружения в хлебе посторонних предметов.

Преступление Толли должно быть переквалифицировано со ст. 109 УК на ст. 111 УК.

Президиум Калининского облсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил переквалифицировать действия обвиняемого Толли на ст. 111 УК и, ограничившись сроком отбытого им лишения свободы, из-под стражи его освободить и наказание считать отбытым.

Мосгорсуд приговорил по закону от 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы Кулакова Ивана Ивановича, зав. булочной № 33/69 Октябрьского ОП, и Меркулова Федора Степановича, зам. зав. булочной.

Кассколлегия Верхсуда приговор Мосгорсуда утвердила.

Суд признал Кулакова и Меркулова виновными в том, что они, путем незаконного отпуска кусков хлеба кролиководам по повышенной цене, а также путем отпуска хлеба без карточек, похитили из булочной 566 кг черного и 1048 кг белого хлеба, а всего 1614 кг.

Обвинение Кулакова и Меркулова в совершении этого преступления основано на приложенных к делу ежедневных актах проверки расхода хлеба по талонам. Кроме того, в деле имеется выписка из протокола заседания контрольной группы Октябрьского ОП, из которой видно, что недостача хлеба по булочной № 33/69 выразилась в размере 1614 кг. Никаких других документов, устанавливающих общую недостачу хлеба в булочной № 33/69, в деле не имеется.

Между тем, осужденный Кулаков представил в Прокуратуру Союза акт перепроверки фактического расхода хлеба по булочной № 33/69 за то же время, свидетельствующий о том, что за указанный период времени в булочной имелась недостача всего лишь 80 кг черного и излишек 233 кг белого хлеба.

Произвести проверку этих данных в настоящее время не представляется возможным. Однако размеры недостачи хлеба, установленные на основании приложенной к делу выписки из протокола заседания контрольной группы Октябрьского ОП, не подвергнутые какой-либо судебной проверке (на суде не был даже представитель ОП), не дают уверенности в правильности их расчета.

При этих условиях не может быть учтен представленный Кулаковым акт перепроверки хлеба, из которого видно, что недостача его выразилась всего лишь в размере 80 кг.

Поскольку размер хищения хлеба, признанный судом (1614 кг), подвергается серьезному сомнению, квалификация преступления Кулакова и Меркулова по закону от 7/VIII 1932 г. не может быть оставлена в силе.

Коллегия по уголовным делам Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила преступление Кулакова и Меркулова переквалифицировать на ст. 162 п. «Д», назначив меру наказания им по 5 лет лишения свободы каждому с зачетом отбытого ими срока лишения свободы.

Уральский горнарсуд 19/III 1935 г. приговорил б. зав. бакалейным отделением магазина № 1 Казторга Кузнецова Ивана Ивановича по ст. 111 УК к 2 годам лишения свободы.

Определением УЖК Западноказахстанского облсуда 11/IV 1935 г. приговор этот был утвержден.

Прокуратура Союза опротестовала приговор Уральского горнарсуда по делу Кузнецова по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что основанием к возбуждению уголовного преследования против Кузнецова послужила обнаруженная 3/IX 1934 г. комиссией по снятию остатков в бакалейном отделении магазина № 1 Казторга, которым заведывал Кузнецов, недостача разных товаров — главным образом сахара, чая и папирос на 2483 р. 33 к.

Приговором Уральского горнарсуда от 27/XII 1934 г. Кузнецов был признан виновным в растрате этих товаров и по ч. 1 ст. 116 УК осужден к 2 годам лишения свободы.

По кассационной жалобе Кузнецова приговор Уральского горсуда был отменен определением УЖК Западноказахстанского облсуда от 29/I 1935 г., которая пришла к выводу, что дело является недостаточно обследованным и виновность Кузнецова в растрате недостаточно установленной.

Возвращая дело для нового рассмотрения, УЖК облсуда указала, что помимо Кузнецова в бакалейном отделении магазина № 1 Казторга работал посменно с Кузнецовым продавец Кареев, который был изобличен в отпуске товаров без оплаты и за это уволен. Поэтому УЖК облсуда предложила выяснить, не злоупотреблял ли своим положением Кареев, и если это подтвердится, то привлечь его к ответственности.

При вторичном расследовании дела было установлено, что Кареев, действительно, был уволен из бакалейного отделения, после того как был уличен в присвоении сахара и других продуктов.

Ввиду этого, помимо Кузнецова, народный следователь предъявил обвинение в растрате товаров из бакалейного отделения магазина

№ 1 Казторга и продавцу Карееву. Последний, однако, допрошен не был, так как не был розыскан, и дело о нем было выделено в особое производство.

При вторичном рассмотрении дела уральский прокурор признал виновность Кузнецова в растрате недоказанной, однако, учитывая, что он «к работе относился преступно-халатно и недобросовестно, вследствие чего допустил недостачу товаров на сумму 2483 р. 33 к.» квалифицировал его действия по ст. 111 УК.

В нарушение ст. 334 УПК Уральский горнарсуд не указал, однако, в чем именно выразилась халатность Кузнецова.

Из имеющихся в деле показаний завмага Недефедова и продавца Михайлова устанавливается обратное, что Кузнецов относился к своей работе вполне добросовестно.

При таких условиях, учитывая, что недостача по бакалейному отделению установлена была за то время, когда в нем работал продавец Кареев, уличенный в хищении товаров и за это уволенный, что Кузнецов, поскольку он работал с Кареевым посменно, не имел возможности наблюдать за последним, вывод Уральского горнарсуда о том, что недостача в бакалейном отделении явилась в результате халатного отношения к своим служебным обязанностям Кузнецова, не находит подтверждения в материалах дела.

Президиум Западноказахстанского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда и определение УКС облсуда отменить и дело производством прекратить.

**

6/II 1935 г. нарсуд Золотухинского района Курской области приговорил Максимова Ивана Георгиевича, управляющего заготконторой райпотребсоюза, по ст. 109 УК к 2 годам лишения свободы и Шеметова Георгия Степановича, главного бухгалтера райпотребсоюза, по ст. 109 к 3 годам лишения свободы.

Кассколлегия облсуда этот приговор утвердила.

Суд признал Максимова виновным в том, что он разбазарил кожевенно-шубные товары, предназначенные для стимулирования заготовок, на 1679 руб. и что, заведомо зная о растрате зав. складом Бобриневым вверенных ему ценностей, не принял своевременно мер к привлечению Бобринева к ответственности, вследствие чего Бобринев, растратив ценности на 12 152 руб., скрылся.

Шеметова суд признал виновным в том, что он, будучи главным бухгалтером райпотребсоюза, списал на убытки 4720 руб. за пропуском исковой давности; не принял своевременно мер к взысканию дебиторской задолженности, каковая на 1/X 1934 г. составила 17 713 руб.; не принял мер к истребованию отчетов от подотчетных лиц на 1 477 руб.; не «оформил документами» недостачу у зав. ЗРК Азарова в сумме 525 руб. и неправильно списал с зав. базой Золотухина 429 руб.

Прокуратура Союза, считая, что достаточных оснований для квалификации действий Максимова и Шеметова по ст. 109 УК у суда не имелось, опротестовала приговор нарсуда и определение кассколлегии облсуда по следующим основаниям:

Недостача кожевенно-шубных товаров на 1 679 руб. была обнаружена у зав. складом

Бобринева. Никаких данных считать, что недостача эта образовалась по вине Максимова, в деле нет. Сам Максимов признал, что он выдал кожевенно-шубных товаров всего лишь на 100—150 руб.

Точно так же в деле нет никаких данных о том, что Максимов заведомо знал о растрате, совершенной зав. складом Бобриневым, и способствовал увеличению этой растраты. Из дела видно, что Максимов недостаточно внимательно относился к финансовой деятельности заготконторы и не контролировал состояния подотчетных сумм у работников заготконторы. Однако, эти действия Максимова не могут быть расценены, как пособничество растрате.

Следует отметить, что бухгалтер заготконторы Семенihin, которого суд также признал виновным в допущении растраты ценностей зав. складом Бобриневым, осужден по ст. 111 УК к исправительно-трудовым работам.

В действиях осужденного Шеметова также нет признаков ст. 109 УК, и они должны быть квалифицированы по ст. 111 УК.

Председатель правления райпотребсоюза, Певнев, которому было предъявлено обвинение в совершении тех же преступлений, которые инкриминировались и Шеметову, был осужден судом по ст. 111 УК.

Коллегия по уголовным делам Верховного РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила переквалифицировать действия Максимова и Шеметова на ст. 111 УК, определив им меру наказания по одному году и-т. работ по месту работы с удержанием 15% от зарплаты.

**

Народный суд 2 уч. Ленинского района г. Москвы 29/III 1934 г. приговорил рабочего-грузчика Васильева П. С., зав. бакалейно-гастрономическим отделением ЗРК МЭИ Гончарова, зам. зав. магазином № 2 Трубкина и зав. тем же магазином Кострюкова за систематические хищения из ЗРК МЭИ дефицитных товаров, которые сбывались при посредстве Васильева на рынке, а вырученные от их продажи деньги делились между всеми участниками хищения, — по закону 7 августа; первых трех к 10 годам лишения свободы каждого, а последнего к 5 годам лишения свободы.

Кассационная коллегия МГС определением от 6/IV 1934 г. переквалифицировала деяние Кострюкова на 109 ст. УК, а в остальном приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор народного суда и кассационное определение в отношении осужденного Кострюкова по следующим основаниям.

Основанием к признанию Кострюкова соучастником хищения из ЗРК послужил оговор его на предварительном следствии лицами, непосредственно производившими указанное хищение, — Васильевым, Гончаровым и Трубкиным.

В первых показаниях, данных тотчас же после задержания их, Васильев, Гончаров и Трубкин на участие в хищении Кострюкова не указывали и лишь в дальнейших показаниях сообщили, что Кострюкову было известно о совершаемых ими хищениях и что деньгами, полученными от продажи похищенных из ЗРК продуктов, они делились с последним.

От этого оговора Васильев, Гончаров и Трубкин на судебном следствии отказались.

При отсутствии в деле других конкретных материалов, устанавливающих участие Кострюкова в хищении продуктов из ЗРК, оговор его со стороны лиц, избличенных в хищениях, снятый последними на судебном следствии, не может служить основанием к признанию Кострюкова соучастником хищения, тем более, что Кострюков несудим и в прошлом ничем опочен не был.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил переквалифицировать преступление Кострюкова на ст. 11 УК, определив ему меру наказания 1 год и.т. работ по месту новой работы, с удержанием 10% из зарплаты.

**

9/III 1935 г. нарсуд Дорогобужского района Западной области приговорил по ст. 111 УК Узлова Афанасия Ивановича к 1 году и.т. работ по месту работы, Сафонова Андрея Ильича и Мосейкова Николая Матвеевича — к 3 годам лишения свободы каждого.

Одновременно суд вынес решение о взыскании с осужденных, за их солидарной ответственностью, 7856 руб. в пользу Озерическо-го сельпо и 6753 руб. в пользу Главспирта.

Кассколлегия облсуда в этот приговор внесла следующие изменения: мера наказания осужденному Мосейкову была снижена до 1 года и.т. работ, а размер сумм, подлежащих взысканию с осужденных в пользу сельпо и Главспирта, установлена в 3 тыс. руб. с каждого.

Обстоятельства дела заключаются в следующем.

8/1 1935 г. в селе Озериче произошел пожар дома, в котором помещалась лавка сельпо и лавка Главспирта. Как установлено материалами дела, пожар произошел вследствие того, что сторож Узлов, протопив печку, находившуюся в сених, оставил ее без присмотра и ушел с поста.

Таким образом, главным виновником пожара являлся сторож Узлов. Что касается осужденных Сафонова и Мосейкова, то суд признал Сафонова виновным в том, что Сафонов, будучи председателем сельпо, не обеспечил противопожарной охраны лавки сельпо (огнетушители не были заряжены, пол возле печки был пропитан керосином, отсутствовали бочки с водой). Сафонов без разрешения районотребсоюза выехал по личным делам и поэтому в день пожара в селе Озериче не был.

Мосейкова суд признал виновным в том, что он не сдал выручку магазина сельпо в размере около тысячи рублей в сберкассу, а оставил ее в магазине, в результате чего указанная сумма денег при пожаре была уничтожена.

Прокуратура Союза, считая, что суд неправильно признал Сафонова главным виновником пожара, определив ему меру наказания по ст. 111 УК в 3 года лишения свободы, опротестовала приговор нарсуда и определение кассколлегии по следующим основаниям.

Материалами дела в полной мере установлено, что пожар произошел вследствие преступной небрежности сторожа Узлова и что Сафонов должен нести ответственность лишь за нарушение противопожарных правил, что в данном конкретном случае не явилось непосредственной причиной пожара, а лишь создало некоторые условия, объективно благоприятствовавшие возникновению пожара.

Вместе с тем, суд неправильно разрешил вопрос и о материальной ответственности осужденных, взыскав с каждого из них по 3 тыс. руб. и не возместив полностью того ущерба, который был причинен государству в результате пожара.

Между тем, осужденный Мосейков не может нести материальную ответственность наравне с осужденными Узловым и Сафоновым, так как суд признал его виновным в причинении ущерба сельпо всего лишь в размере около тысячи рублей.

Коллегия по уголовным делам Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила: снизить Сафонову меру наказания до 1 года и.т. работ с вычетом 10% и зачетом отбытого им срока лишения свободы; в части гражданского иска приговор отменить и передать на новое рассмотрение для уточнения.

**

Народный суд Льговского района, Курской области, 29/IX 1934 г. приговорил Перепелкина Григория Калистратовича по ч. 2 ст. 142 УК к лишению свободы сроком на 5 лет.

Этот приговор был утвержден Курским облсудом 10/X 1934 г., а затем и судебно-надзорной коллегией Верхсуда РСФСР 17/1 1935 г.

По протесту Прокуратуры Союза президиум Верхсуда РСФСР 15/IV 1935 г. определение уголовно-судебной коллегии Верхсуда РСФСР отменил «ввиду разногласий по фактическим обстоятельствам дела» и передал дело первой коллегии для второй проверки.

26/IV 1935 г. уголовно-судебная коллегия Верхсуда РСФСР протест Прокуратуры отклонила и оставила в силе приговор от 29/IX 1934 г.

Прокуратура Союза опротестовала определение УСК Верхсуда по следующим основаниям.

Из материалов дела видно, что Перепелкин, уполномоченный по хлебозаготовкам, по пути с места работы в районный центр, заехал к своей жене, где остался почевать. Там же проживала кулачка Красникова. Ночью Перепелкин был разбужен стуком в окно и криками и увидел под окном неизвестного гражданина, оказавшегося впоследствии счетоводом колхоза Беловым Демьяном, который в нецензурных выражениях требовал открыть ему дверь в дом и пустить его к Красниковой.

Выйдя на улицу, Перепелкин пригласил Белова войти в дом, но Белов, по словам Перепелкина, бросился на него, порвал па нем рубашку. Вблизи находился неизвестный гражданин, впоследствии оказавшийся учетчиком колхоза Ильиным, которого Перепелкин принял за соучастника Белова, и, полагая, что над ним хотят учинить расправу, со всей силой отбросил от себя Белова, который упал, ударившись головой о калитку. Перепелкин, закрыв дверь на засов, через окно видел, что к лежащему на земле Белову, спустя некоторое время, подошли жена последнего и Ильин и увели Белова со двора.

Белов до утра находился у себя дома, а затем, доставленный в больницу, в тот же день умер.

При поступлении Белова в больницу врачом Леонтьевым в больничном листе была сделана запись: «сотрясение мозга, перелом основания черепа».

По заключению же судебно-медицинского эксперта Праведникова, данному на память в сентябре 1934 г. (основное дело утеряно нарследователем, и судом были рассмотрены восстановительные материалы), при осмотре трупа Белова в апреле 1933 г. был обнаружен большой кровоподтек в области волосистой части головы; при вскрытии черепа найдено кровоизлияние под твердую мозговую оболочку, и, по мнению эксперта, смерть вызвана разрывом кровеносных сосудов мягкой мозговой оболочки в результате удара тупым орудием по голове.

В основу приговора, определения КК облсуда и двух определений УСК Верхсуда РСФСР легли показания свидетельницы, кулачки Красникова, которая на предварительном следствии показала, что Перепелкин, выйдя на стук и крики Белова, пригласил последнего в дом, затем трижды крикнул «разбой» и нанес Белову несколько ударов засовом двери по голове, после чего все стихло. На судебном следствии Красникова важнейшее обстоятельство, т. е. момент схватки Белова и Перепелкина, характеризует словами: «Поднялся (Перепелкин) с постели и вышел во двор, где продолжался неизвестный скандал, после чего возвратился и улегся спать». Ни на предварительном, ни на судебном следствии не зафиксировано, что Красникова видела, как Перепелкин наносил удары Белову, или слышала звуки ударов. Даже обвинительное заключение следователя этот важнейший момент описывает в таких выражениях: «... и выйдя во двор, при каких обстоятельствах не установлено, нанес Белову удары в голову...».

Никто не позаботился осмотреть засов, коим, по версии Красниковой, Белову были нанесены удары.

В замечаниях на протокол судебного заседания Перепелкин просил удостоверить показания Красниковой о том, что она не видела, как происходила борьба между Перепелкиным и Беловым, как равно не видела, чтобы Перепелкин наносил Белову удары засовом двери. Эти замечания не были рассмотрены ни председательствующим по делу, ни составом суда, чем нарушена ст. 81 УПК.

По показаниям свидетелей Ильиных устанавливается, что Белов часто выпивал и пьяным бывал привязчив и буен. В день встречи с Перепелкиным Белов был пьян с середины рабочего дня, занял денег и собирался вечером в гости к Красниковой.

Из показаний свидетеля Ильина Лукьяна видно, что в момент схватки Перепелкина и Белова он находился вблизи. Тем самым подчеркивается правдивость объяснений Перепелкина, что, обороняясь от Белова, он предполагал нападение на себя не одного, а двух человек.

Таким образом, при абсолютной недоказанности версии о том, что Перепелкин ударил Белова по голове засовом от двери, остается несомненным, что Перепелкин действовал в состоянии необходимой обороны.

УСК Верхсуда РСФСР, основывая утверждение приговора на мнении врача о причинах смерти Белова, некритически подошла к оценке заключения эксперта, данного на память спустя 1½ года после осмотра и вскрытия трупа Белова, и никак не отметила расхождения между описанием повреждения, содержащимся в записях клинической карты врача

Леонтьева, и заключением судебно-медицинского эксперта. Между тем, описание врача Леонтьева, сделанное тотчас же после происшествия (перелом основания черепа), соответствует объяснениям Перепелкина, что он «со всей силой бросил этого человека (Белова) в сторону, он упал и не поднялся, как видно, и ударился, мне кажется, о дверь».

Неправильным является утверждение УСК Верхсуда РСФСР, что нет оснований считать действия Перепелкина совершенным в состоянии необходимой обороны. Верхсуд не поставил перед собой вопросов: являлось ли нападение Белова, пьяного и буйствующего, разорвавшего на Перепелкине рубаху, — реальной угрозой; имел ли право Перепелкин оттолкнуть от себя нападавшего на него хулигана и обязан ли он был предвидеть, что последний может при падении получить повреждения.

Наконец, оставляя в силе приговор суда, коим действия Перепелкина квалифицированы по ст. 142 УК, т. е. как умышленное тяжкое телесное повреждение, — Верхсуд не счел нужным объяснить, чем мог быть вызван такой умысел, в чем его мотивы, если по всему ходу дела не возникает сомнения, что никаких взаимоотношений между Беловым и Перепелкиным никогда не было.

Президиум Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил пере-квалифицировать действия Перепелкина на ст. 139 УК и определить ему меру наказания в один год и-т. работ.

Народный суд 2 участка Буйского района Ивановской области 15/VI 1935 г. приговорил кассира буйской райсберкасы Веселова Павла Николаевича за халатное отношение к своим служебным обязанностям по ст. 111 УК к 1 году и-т. работ на общих основаниях.

Кассационная коллегия областного суда ИПО 26/VI 1935 г. приговор народного суда оставила в силе.

Прокуратура Союза, находя приговор народного суда и определение кассационной инстанции неправильными, опротестовала их в судебную коллегия Верхсуда РСФСР по следующим соображениям.

Основанием к привлечению Веселова к уголовной ответственности послужила обнаруженная у него в кассе недостача в размере 488 руб.

На судебном следствии было установлено, что обнаруженная у Веселова недостача денег была результатом не присвоения их последним, а ненадлежащих условий, в которых протекала его работа. Касса, которой ведал Веселов, находилась в проходной комнате, в которую имели свободный доступ другие сотрудники. Незадолго до обнаружения растраты Веселов поймал сотрудника, который, пользуясь возможностью проникнуть в кассу, пытался подменить выигравшую облигацию. Обнаружив недостачу у себя в кассе 488 руб., Веселов тотчас же поставил об этом в известность как бухгалтерию, а так и других работников сберкассы, и начал пополнять недостачу.

Находя, что при указанных обстоятельствах дела, установленных судом в приговоре, не было никаких оснований к выводу о том, что недостача у Веселова явилась результатом его халатности, Прокуратура Союза поставила во-

прос об отмене приговора и о прекращении дела в отношении Веселова производством.

Определением судебной коллегии Верховного суда РСФСР от 14/I 1936 г. протест Прокуратуры Союза был отклонен на том основании, что материалами дела установлена виновность Веселова в том, что, «уходя из комнаты, он оставлял деньги на столе незапертыми, вследствие чего у него оказалась недостача государственных денег в сумме 488 руб., чего не отрицает и сам Веселов».

Прокуратура Союза опротестовала определение судебной коллегии по следующим соображениям.

Не отрицая факта оставления денег на столе во время необходимых отлучек из сберкассы, Веселов на судебном следствии показал, что к этому он был вынужден потому, что стол не запирался и что в таких случаях деньги оставлялись им под наблюдением другой работницы сберкасы — Рауш.

Указанное объяснение Веселова ничем на судебном следствии опровергнуто не было, и сам суд в приговоре констатировал, что недостача у Веселова, неопытного работника, со школьной скамьи поступившего на службу в сберкасу, явилась следствием того, что ему «не было создано надлежащих условий в работе».

Президиум Верховсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда 2 уч. Буйского района ИПО и последующие судебные определения в отношении Веселова отменить и дело его в уголовном порядке по примеч. к ст. 6 УК РСФСР производством прекратить.

11/IV 1935 г. нарсудом г. Ашхабада были осуждены по ст. 95 УК Петрос Шафирьянц, 61 года, к 5 годам лишения свободы с конфискации отобранных у него ценностей, Тахцев А. Х., 45 лет, аробщик, ранее не судившийся, к 5 годам лишения свободы с 3-летним испытательным сроком.

Кассколлегия верхсуда приговор нарсуда утвердила.

31/V 1935 г. нарсуд Ашхабада вынес определение о досрочном освобождении Шафирьянца в порядке ст. 364 УПК (по состоянию здоровья).

11 августа 1935 г. кассколлегия верхсуда указанное определение отменила в порядке надзора. Кассколлегия признала, что суд не проверил возраста осужденного Шафирьянца и состояния его здоровья.

Что касается заключения врачебной комиссии о том, что Шафирьянц страдает старческой дряхлостью, то кассколлегия, имея в виду, что Шафирьянц после осуждения исполнял тяжелую физическую работу, нашла это заключение неправильным.

Признав досрочное освобождение Шафирьянца в порядке ст. 364 УПК неправильным, кассколлегия обязана была назначить повторное освидетельствование состояния здоровья Шафирьянца. Между тем кассколлегия сама взяла на себя функции врачебной комиссии, так как занялась решением вопроса о состоянии здоровья Шафирьянца и, в частности, специального вопроса о том, имеются ли у Шафирьянца признаки старческой дряхлости или нет.

Из представленных Шафирьянцем в Проку-

ратуру Союза ССР медицинских справок видно, что он действительно находится в таком болезненном состоянии, благодаря которому пребывание его в тюрьме должно быть признано нецелесообразным.

По изложенным соображениям Прокуратура Союза опротестовала определение КК верхсуда от 11/VIII 1935 г. об отмене досрочного освобождения Шафирьянца.

Президиум Верховного суда Туркменской ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил — решение УКК от 11/VIII отменить и дело возвратить в нарсуд на новое рассмотрение с назначением врачебной комиссии для определения трудоспособности Шафирьянца.

23/XI 1935 г. нарсудом 1-го участка т. Таганрога Штыхова М. Е. была признана виновной в систематической спекуляции продуктами и мануфактурой и оказании сопротивления милиции при ее задержании и приговорена по совокупности по ч. 1 ст. 73 и ст. 107 УК к 5 годам лишения свободы.

Кассколлегия крайсуда этот приговор утвердила.

Осужденная Штыхова обратилась в Прокуратуру Союза с жалобой на неправильное осуждение и представила справку, выданную ей центральной амбулаторией таганрогского здравотдела от 25/XI 1935 г., из которой видно, что Штыхова страдает эпилепсией и в момент судебного рассмотрения ее дела была психически ненормальной.

В своей жалобе Штыхова указывает, что суд оставил без рассмотрения вопрос о ее психическом состоянии, несмотря на то, что ею в судебном заседании были представлены суду соответствующие медицинские справки.

Жалоба Штыховой нашла подтверждение и в самом приговоре суда, из которого видно, что суду было известно о болезненном состоянии Штыховой в момент рассмотрения ее дела.

Прокуратура Союза, считая, что судом была нарушена ст. 322 УПК и что в связи с этим приговор суда о Штыховой не может быть оставлен в силе, опротестовала его.

Президиум Азово-Черноморского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение кассколлегии об утверждении приговора нарсуда отменить и дело направить на новое рассмотрение в кассколлегию в ином составе.

21/VII 1934 г. нарсуд Центрального района г. Ленинграда осудил по ст. 109 УК к 5 годам лишения свободы Мельникову М. А.

Кассколлегия облсуда приговор нарсуда изменила и меру наказания Мельниковой снизила до 1 г. и-т. работ на общих основаниях.

По протесту облпрокуратуры президиум облсуда определение КК отменил, оставив в силе приговор суда первой инстанции.

По жалобе Мельниковой дело рассматривалось Верховным РСФСР, который также не нашел оснований к отмене или изменению приговора.

Прокуратура Союза, считая, что президиум облсуда по делу Мельниковой допустил нарушение ст. 28 Основ судопроизводства СССР, так как по разъяснению пленума Верховсуда

СССР от 11/V 1928 г. восстановление в порядке надзора меры наказания, назначенной судом первой инстанции и смягченной затем кассколлегией, может иметь место лишь путем отмены определения кассколлегии с передачей дела на новое рассмотрение кассколлегии в другом составе, опротестовала постановление президиума облсуда в части оставления в силе приговора суда первой инстанции по делу Мельниковой.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил отменить постановление президиума Ленинградского облсуда и определение уголовной коллегии Верховного суда, отменить также определение кассколлегии облсуда по мягкости и дело передать на новое рассмотрение кассационной коллегии Ленинградского облсуда в ином составе.

**

Нарсуд Бауманского района г. Москвы приговорил гр. Садовникова Петра Николаевича по закону от 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы.

Приговор нарсуда был оставлен в силе КК Мосгорсуда.

Между тем, установленные судом факты были недостаточны для применения к Садовникову закона от 7/VIII 1932 г.

Садовников, будучи командирован управлением связи г. Москвы на заготовку продуктов в Среднюю Азию, часть вверенных ему денег растратил, часть потерял, часть же истраченных по назначению оправдал по отчету недостаточно оформленными документами.

Сам Садовников признал, что в виду тяжелых условий командировки он истратил на свои нужды 2500 р. из вверенных ему денег. Недостачу остальной суммы (всего суд установил растрату 5786 руб.) Садовников объяснил тем, что в его портфеле с деньгами хозяйничал гр. Сухов, командированный в Таджикскую ССР для проверки его деятельности. По словам Садовникова, Сухов брал деньги из его портфеля, потом клал их обратно, и в результате оказалась крупная недостача. Суд в своем приговоре констатирует, что Сухов и Садовников допустили возмутительную систему взаимных денежных расчетов, когда они друг у друга брали без ведома и согласия тысячные суммы и без ведома клали обратно, не проверяя взятые и возвращенные суммы, что приводило к всевозможным злоупотреблениям. За это, а также за неснятые Садовникова с работы при обнаружении у него недостачи около 3 тыс. руб. Сухов был осужден по ст. 141 УК.

В деле имеется подтверждение заявления Садовникова о самовольном взятии у него денег Суховым.

Применяя к Садовникову закон от 7/VIII 1932 г., суд указал, что при этом он учитывает две его прежние судимости.

Между тем, согласно справке, имеющейся в деле, обе эти судимости должны считаться по-

гашенными. Первая к 3 месяцам тюрьмы условно за кражу относится в 1918 году; вторая — к 3 г. лишения свободы условно по ч. 1 ст. 116 УК относится к 3 мая 1927 г.

Характер назначенных наказаний подтверждает заявления Садовникова о незначительности преступлений (кража 2 бутылок денатурата, просчет или присвоение 41 руб.). Согласно УК РСФСР, а также амнистии к X годовщине Октября судимости эти не должны учитываться судом.

Обстоятельства дела вполне доказывают совершение им растраты, но не оправдывают применения закона от 7/VIII 1932 г.

По изложенным соображениям Прокуратура Союза опротестовала квалификацию деяния Садовникова по закону от 7/VIII 1932 г.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры, постановил переквалифицировать преступление Садовникова на ч. 2 ст. 116 и определить ему меру наказания в 6 лет лишения свободы.

**

14/II 1935 г. линсуд МББ ж. д. приговорил путевого обходчика Осекова по ч. 2 ст. 169 УК к 5 годам лишения свободы.

3/III 1935 г. транспортная коллегия Верховного суда рассмотрев жалобу Осекова, приговор оставила в силе, но срок лишения свободы снизила до 2 лет.

15/IV 1935 г. судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев это дело по протесту т. Красикова (который считал необходимым передать дело на новое рассмотрение), оставила в силе определение транспортной коллегии от 3/III 1935 г.

4/VIII 1935 г. защитник осужденного представил в Главную транспортную прокуратуру справку о том, что осужденный Осеков избирательных прав никогда не лишался.

Прокуратура, произведя проверку этого факта, получила сообщение Рассказовского рика о том, что хозяйство Осекова было зажиточным и что у Осекова было изъято имущество за невыполнение твердого задания, но избирательных прав Осеков не лишался.

Последнее обстоятельство говорит о том, что Осеков неправильно был осужден по ч. 2 ст. 169 УК, и преступление его — скрывание при поступлении на ж.-д. транспорт указанных фактов, должно быть квалифицировано по ст. 187 УК.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда от 14/II 1935 г. и определение транспортной коллегии от 3/III 1935 г.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила — преступление Осекова переквалифицировать на ст. 187 УК РСФСР и в соответствии с этим определенное ему наказание снизить до трех месяцев и.т. работ и освободить его из-под стражи. В счет этого наказания зачесть отбывтый Осековым срок заключения и считать приговор исполненным.

По союзным республикам

РСФСР

О работе подготовительных заседаний суда

Подготовительные заседания суда имеют своей задачей проверку правильности передачи суду, оценку материалов следствия, полноты его и определяют порядок судебного рассмотрения по делу. Правильная постановка работы подготовительного заседания и быстрое рассмотрение дел в этих заседаниях способствуют изжитию судами своих ошибок и повышают гарантию основательного предания суду привлеченных по делу лиц.

Незначительная нагрузка судей, в особенности работников судов водного транспорта, позволяет просматривать дела и ставить их на подготовительные заседания в минимальные сроки и тем самым сокращать время прохождения дел в судах, но этого, к сожалению, мы не имеем на деле в некоторых судах.

Как же проходила работа подготовительных заседаний воднотранспортного суда В.-Волжского бассейна за 1935 г.

В 1935 г. в бассейновый суд поступило 313 дел, что составляет в месяц 26 дел, или в среднем по 8,6 (условно) дел на одного члена суда. В то же время сроки рассмотрения дел в подготовительных заседаниях чрезвычайно, продолжительные.

Так, в трехдневный срок с момента поступления рассмотрено 211 дел, или 67,4%, и в сроки свыше 3 дней — 102 дела, или 32,6%; в том числе 25 дел, или 7,9% от общего количества, было рассмотрено в срок свыше 10 дней. Как видно из приведенных данных, только немного более половины дел, поступивших в суд, было рассмотрено в подготовительных заседаниях в установленные сроки, и значительный процент дел рассматривался в сроки свыше 10 дней.

При условии загрузки суда сложными делами, на изучение которых, как известно, требуется значительное время, не было бы нужды говорить о сроках, но в том-то и дело, что таких дел в производстве бассейнового суда в течение всего года не было.

По Горьковскому участковому водно-транспортному суду дело обстоит значительно хуже.

В течение 1935 г. в суд поступило 193 дела, или в среднем в месяц 16,6 дел. Рассмотрено в подготовительных заседаниях в течение 3 дней — 108 дел, или 56%, и свыше 3 дней — 85 дел, или 44%; в том числе в срок свыше 10 дней — 21 дело, или 10,8% к общему числу дел.

Имея в виду, что в участковом суде дела менее сложные, чем в бассейновом, такое отношение к рассмотрению дел можно объяснить только халатностью и безответственным отношением к своим обязанностям судьи.

Некоторые факты показывают, насколько небрежно работники суда относятся к своему делу. Так, член суда т. Евлашкин дело по обвинению Шалаева и др. по закону от 7/VIII 1932 г. получив 29/1 с. г., назначил на рассмотрение в подготовительном заседании только 23/II, тогда как Шалаев находился под стражей. Тот же т. Евлашкин дело по обвинению Кривоногова, обвинявшегося в противодействии стахановскому движению, держал у себя с 23/II до 8/III с. г. и только через две недели он удосужился, наконец, внести его на рассмотрение подготовительного заседания. Налицо волокита, не получившая, к сожалению, должной оценки со стороны председателя бассейнового суда и ВТК Верхсуда Союза ССР.

Огромное значение, которое имеет подготовительное заседание суда, требует и надлежащего оформления протоколов этого заседания. Между тем, этот вопрос в бассейновом суде В.-Волжского бассейна нуждается в большом и серьезном исправлении. Книга протоколов за 1935 г. хотя и пронумерована, прошнурована, но какая-то ретивая рука хозяйничала в ней, как в своей записной книжке: страницы из книги бесцеремонно выдираются — одни совсем, другие переставляются «по усмотрению». Например, страницы книги 17, 18, 19, 20 изъяты совсем из книги, и их не оказалось на месте; страницы 175, 176, 177, 178 также изъяты с своих мест и вставлены и подклеены вместо пропавших без следов страниц 17—20. В текстах протоколов имеется много исправлений, вписанных слов, причем все эти исправления не оговорены, и почти каждый протокол имеет какие-либо исправления в тексте. Некоторые листы книги склеены между собой, чтобы внутри скрыть следы неудачно отредактированных протоколов (или по каким другим соображениям). Так, страница 117 этой книги склеена со страницей 120. В некоторых местах на страницах наклеена бумага другого цвета, которая также скрывает написанное ранее, неудачно составленное определение и на этой новой бумаге написан другой текст (протокол № 41 от 21/VIII 1935 г.). В некоторых местах книги имеются вставки отдельных листов бумаги, на которых также написаны протоколы, и имеются подклейки бумаги внизу для продления текста написанных на листе протоколов (протокол от 28/II 1935 г. № 13-а, от 28/III 1935 г. № 32, причем в протоколе № 33 последняя цифра нумерации протокола «3» исправлена из цифры «2»). Очевидно, эти протоколы составлялись задним числом. В текстах протоколов имеются зачеркнутые слова, которые прочесть нельзя (протоколы №№ 36 и 43).

Все такие исправления, подчистки свидетельствуют о небрежности председательствующего, по поручению которого пишется содержание протокола, и безграмотности секретаря, ведущего книгу протоколов.

По каким-то неведомым причинам эти секретари во время заседаний меняются; так в заголовке протокола стоит одна фамилия (Кривцов), а подписан протокол другим (Ефимов).

(Протоколы №№ 45—52, 35—34). Председательствующие на заседаниях обладают странной забывчивостью, в силу чего значительная часть протоколов не подписана. В подражание «старшим» не отстают в этом отношении и секретари. Такая забывчивость особенно наблюдается у председателя бассейнового суда т. Бояркина и члена суда т. Бовва (протоколы №№ 13-а, 22—34, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 27, 39, 138, 139, 140).

Все такие исправления текста, поправки, подчистки, заклейки целых страниц превращают протокол заседаний в ненужную бумажку, так как они не имеют силы юридических документов.

Из приведенных фактов можно сделать вывод, что работники суда В.-Волжского бассейна не понимают роли и значения подготовительного заседания и надлежащего оформления протоколов этого заседания. Не понимают они и того обстоятельства, что за определение подготовительного заседания несет ответственность и присутствующий на заседании прокурор. При существующей же в бассейновом суде системе оформления протоколов эта ответственность прокурора осложняется тем, что вынесенное при его участии решение может быть впоследствии исправлено, вычеркнуто, заклеено или заменено другим.

Такая система ведения и оформления протоколов Воднотранспортного суда В.-Волжского бассейна должна быть немедленно изменена и исправлена.

А. Д.

Возмутительные факты извращения закона

На основании ст. 19 Положения о судостроительстве, лицо, избранное нарзаседателем, обязано участвовать в работе суда в течение шести дней в году (если процесс, в котором нарзаседатель участвует, не затянется более этого срока). В исключительных случаях по особому постановлению суда народный заседатель может быть вызван для участия в суде вторично для рассмотрения конкретного дела и по истечении 6-дневного срока, однако это исключение допускается лишь по крайне сложным делам, в случаях их отложения слушанием (перерыв процесса). Других исключений закон не допускает.

Это исключительное право работники Воднотранспортного суда Верхне-Волжского бассейна (председатель т. Бояркин, члены — тт. Бовва и Титов) превратили в правило своей работы. Не удивительно, поэтому, что к концу 1935 г. выявились многочисленные факты совершенно незаконного привлечения для участия в суде народных заседателей, которые, по вине указанных судебных работников, участвовали в работе суда в течение года от 10 до 46 дней, превратившись, таким образом, «в штатных» судей.

При выявлении этих фактов, т. Бояркин и др. ответственные работники суда пытались оправдать это обстоятельство тем, что-де «в интересах работы суда можно иногда нарзаседателя привлекать больше предусмотренного законом срока, лишь бы не страдала судебная работа».

Вместо широкого привлечения трудящихся, главным образом производственных рабочих, к участию в работе суда, руководители бассейнового суда пошли по пути привлечения, главным образом, служащих аппарата пароходства и пристаней, тогда как часть нарзаседателей с производства в течение года участия в работе суда не принимала.

В этом случае особенно отличился член бассейнового суда по Рыбинскому участку т. Титов, который в течение 1935 г. в качестве нарзаседателей привлекал: юрисконсульта пристани Рыбинск Калинина 10 раз, секретаря начальника той же пристани Мичурину — 17 раз, инспектора судоходной инспекции Ухова — 11 раз, начальника группы эксплуатации Ломанова — 17 раз и т. д.

Бассейновый суд — старшего ревизора пароходства Макридина привлекал в течение года 15 дней, экономиста Хижина (Горьковская пристань) — 46 дней, служащего Браца — 36 дней и т. д.

Почему же работники бассейнового суда, вместо широкого вовлечения рабочих-нарзаседателей в работу суда, стали на путь грубейшего извращения основного закона (ст. 19 Положения о суде) и бюрократизации судебной работы? В чем причины этого извращения?

Причины эти заключаются во-первых, в том, что т. Бояркин и члены бассейнового суда оказались «не знакомы» со ст. 19 Положения о судостроительстве, не знают подлинного содержания этого закона. Уже после обнаружения указанных фактов, когда суду было указано на незаконный порядок привлечения народных заседателей, т. Бояркин пытался доказать, «что каждый нарзаседатель должен участвовать в работе суда не меньше 6 раз в году независимо от количества дней, проведенных им до этого в судебных процессах».

Участие нарзаседателей в подготовительных заседаниях суда, по мнению т. Бояркина, «не засчитывается в срок 6 дней, и вообще проведенная им работа в этих заседаниях законом не ограничена, поэтому она совершенно не учитывается». Естественно, при таком «понимании» закона работниками бассейнового суда, трудно ожидать от них иного отношения к этому серьезнейшему вопросу.

Вторая причина — это безразличное отношение работников суда к работе с народными заседателями. В течение указанного времени не было никакой работы по воспитанию массы нарзаседателей, поэтому наиболее активная часть из них, проработав 2—3 года в суде, не знает самых элементарных вопросов, связанных с их обязанностями в суде. Судья, готовящийся разбирать дело, не руководит персональным подбором нарзаседателей. Этим делом занимаются, как правило, технические секретари, которые, кстати сказать, посылают нарзаседателям вызов обычной повесткой с предупреждением «о принудительном приводе» в случае неявки (Макридин). По этой же причине судом не велся учет работы нарзаседателей.

Директивное письмо Верховного суда Союза ССР № 43 от 25/III 1935 г. о своевременном уведомлении руководителей предприятий и самих заседателей судом — систематически не выполнялось. Вызовы обычно посылались за 2-3 дня через профорганизации, и нередко случаи, когда нарзаседатели вызывались перед нача-

дом судебного процесса (Ярославль — Прибыльский и др.).

И, наконец, третья причина — это непонимание работниками суда того, что широкое вовлечение трудящихся масс в работу суда, как в школу государственного управления, воспитывает эти массы, дает им возможность на конкретных фактах и явлениях жизни усваивать законы классовой борьбы.

В то же время активное участие трудящихся в работе суда помогает суду бороться со всякими видами волокиты в самом же суде.

Совершенно очевидно, что работники Басейновского суда этой важнейшей задачи судебных органов не поняли.

Не подлежит никакому сомнению, что водно-транспортная коллегия Верховного Суда Союза ССР обратит на это дело самое серьезное внимание.

Шлычков

Как не надо вести следствие

Одним из самых распространенных видов доказательств являются свидетельские показания. По ряду категорий дел свидетельские показания являются единственными доказательствами обвинения. Но теоретически и практически доказано, что свидетельские показания нельзя принимать на веру, без проверки, без критического анализа. На свидетельские показания, их существо могут иметь влияние и имеют различные факторы — зависимость свидетеля от стороны, заинтересованность в деле, возраст, классовая принадлежность и т. д.

Я имею в виду осветить одно конкретное дело, где безответственное отношение к анализу и оценке свидетельских показаний, к ведению следствия вообще, привело к неосновательному обвинению.

Суть дела такова:

18 мая, около 2 часов дня в д. Азарово, Калужского р-на, Московской области, произошел пожар, которым было уничтожено 3 жилых здания и ряд холодных строений. По данным очевидцев пожар возник сзади двора дома Самсонова. Кстати отметим, что ведший расследование «не догадался» осмотреть место пожара и составить об этом подробный акт, что в делах о поджогах имеет существенное значение.

Но этот дефект находит себе «оправдание» с точки зрения ведущего следствие в том, что он сразу же нашел «виновников» поджога. Пожар произошел днем, место возникновения известно и в день же пожара было установлено, что в момент возникновения пожара за двором дома Самсонова находились дети, игравшие в игры; дети были — Самсоновы Валя 7 лет, Вова 4 лет, Терентьевы — Толя 6 лет и Катя 4 лет, Козлов Вася 5 лет и Купцов Борис — 10 лет.

Ведший расследование по делу сразу и начал с опроса детей. С методической стороны такое начало было правильно, выяснить обстоятельства поджога надо было с опроса детей.

14 мая допрашиваются Купцов Борис, Родин Николай, Козлов Сергей, Ванин Владимир.

Но с первых же шагов допускается ошибка, дети вызываются и допрашиваются вместе. В протоколах допроса мы не находим указаний—

присутствовал ли при допросе кто-нибудь из взрослых или педагог, что обязательно при допросе малолетних.

В итоге такого «допроса» Купцов Борис показал, что 13 мая в 7 час. утра к нему пришли мальчики Козловы Виктор и Николай и передали просьбу Макарова Василия, парня из д. Конишено, находившегося около д. Азарово на речке и ловившего рыбу, о том чтобы Купцов пришел к нему на речку; когда Купцов пришел, Макаров предложил поджечь деревню из середины «чтобы вся деревня сгорела»; Макаров дал 5 руб. денег, а Буланов Егор, товарищ Макарова, находившийся с ним, дал спички. При этом разговоре были — Козлов Вася и Родин. Деньги взял Козлов Вася. Родин убежал, а он, Купцов, с Васей пошли и подожгли дом Самсонова.

Родин Николай показал, что 13 мая утром, часов в 7, за ним пришли Купцов и Козлов Вася по просьбе Макарова, и когда все вместе пришли на речку к Макарову, то последний предложил поджечь деревню. Родин повторил, показания Купцова о подговоре и деньгах, но показал, что «утром они убежали» и «только днем опять были на речке и Макаров опять подговаривал сжечь деревню».

По показаниям Козлова Сергея выходило, что и за ним Купцов заходил и позвал на речку к Макарову и Егорке (Буланову) и пошли они втроем — он, Купцов, и Родин, а оказались вчетвером — и Козлов Вася. Повторяет Козлов в грубых штрихах показание Родина и Купцова, но подтверждает, что «минут сорок спустя после разговора с Макаровым и Егоркой, начался пожар».

Самый беглый анализ показаний допрошенных мальчиков позволяет вскрыть существенные противоречия, которые нужно было проверить еще до допроса Макарова; первое — время пожара, по показаниям Купцова и Козлова — пожар должен был быть утром, а фактически он произошел днем; второе — Купцов говорит, что сразу же пошли и подожгли, а Родин утверждает, что приходили к Макарову еще раз днем. Третье — не выяснено «таинственное» присутствие Козлова Васи, так как точно, как попал Вася к ребятам, не установлено.

Все эти вопросы расследовавшему дело показались не имеющими особого значения. 14 мая Макаров был арестован.

Макаров допрашивается 14, 19, 26 мая. 17 июля и 31 июля и все время утверждает одно и то же, что он, верно, на речке при д. Азарово был два раза, подряд два дня — числа 6—8 мая и больше на речке в частности; 13 мая, не был, на речке был с Булановым Егором и ловили рыбу. В один из дней видел подростков (учеников) на берегу, которые баловались, жгли лозу и кидались камнями, и он их разогнал: в числе подростков были Купцов, Родин и Козлов Вася. Никакого подговора этих подростков с его стороны на поджог деревни не было.

Следующим следственным действием были очные ставки, данные 15 мая Макарову с Купцовым, Родиным и Козловым. Эти очные ставки выявили некоторые противоречия в показаниях подростков, касающихся обстановки поджога.

Однако обвиняемый Макаров установил свое алиби, доказав свое нахождение 2 мая в другом месте.

Все это проходит мимо следователя. 22 мая Купцову и Макарову дается вторая очная ставка, в результате которой следователь получил еще более противоречивые показания.

Купцов показал, что Макаров о поджоге говорил ему одному; спички Макаров и Буланов не давали, а он их взял дома. Денег они также ему не давали.

Вот какова была картина доказательств, собранных следователем в смысле избличения Макарова в подговоре ребят к поджогу деревни. Я не буду приводить еще материал, также вызывавший сомнения в действительности обстоятельств и фактов, описываемых ребятами. Имея только даже эти приведенные данные, следователь, при минимуме внимания и объективности, должен был подвергнуть показания ребят тщательной проверке, чтобы точно установить, какой же характер имеют эти противоречия: то ли они результат вообще могущих быть расхождений, учитывая возраст свидетелей, то ли они результат вымысла.

Затем следователь допрашивает Маркову, учительницу той школы и класса, в которой учатся ребята. Маркова дала характеристику Родину, как мальчику, способному на извращение фактов, на ложь, способного перекалывать вину на других. О Купцове тоже была дана неслестная характеристика, как о мальчишке, сознающемся в проступках только тогда, когда он попадает на месте. Следователь установил также, что за Купцовым подобные «шалости», какая была 13-го мая, были и раньше — он сжег стог сена.

Начав, как будто, проверять показания ребят и получив довольно веский материал, следователь почему-то вдруг остановился на полпути и дальше не пошел и никакой оценки всем этим расхождениям не дал.

У следователя был еще материал, довольно характерный в смысле, опять-таки, оценки доброкачественности показаний ребят. Был допрошен Ванин Владимир 11 лет, который 14-го мая показал, что поджог учинен Самсоновыми Валеи и Вовой. На допросе 15-го мая, Ванин опять подтвердил вышеприведенное и кроме того указал, что помимо Самсоновых были еще Купцов, Козлов, Вася и Терентьевы. Между прочим, Ванин подтвердил, что 13-го мая Макаров ребят не вызывал, но Ванин сослался на якобы имевший недели за две до пожара место случай, когда Макаров заставлял ребят поджечь деревню, и что якобы об этом разговоре Макарова Ванин сказал своему брату Жаворонкову. Следователь эту ссылку проверил и убедился, что Ванин Жаворонкову ничего не говорил и что показания Ванина о подговоре Макарова не отвечали действительности.

Ванину 16-го и 17-го июля были даны очные ставки с Купцовым, Макаровым и Булановым. На очных ставках Ванин подтвердил факт подговора недели за две до пожара, но и на них была установлена надуманность показаний Ванина. На очной ставке с Булановым Ванин привел такой факт, что «дня за три до пожара он видел на речке Макарова и Буланова и Макаров сказал ему: «13-го мая (назвал точно число) в 2 часа дня Самсоновы Вова и Валя поджгут свой дом, а ты смотри». На очной же ставке с Макаровым это обстоятельство не было подтверждено.

На основании таких противоречивых показа-

ний ребят, следователь предъявил Макарову и Буланову обвинение по закону от 7/IV 1935 г. (в подстрекательстве ребят и совершении поджога). После предъявления обвинения, показания обвиняемых не изменились. Следователь же признал материал вполне достаточным для предания привлеченных суду и составил обвинительное заключение. В последнем нельзя найти картины события и связанного описания обстоятельств дела — как и когда произошел подговор и при каких обстоятельствах. Следователь ограничился перепиской показаний Купцова и указал: «это подтверждается показаниями других лиц», но когда имел место подговор — 2-го мая, 8-го или 9-го мая или 13 мая, ничего об этом в обвинительном заключении нет. Следователь сам не знал — когда был подговор; у него не было на этот счет точного, проверенного материала.

Однако в конце следствия появились данные иного рода.

22-го мая Купцов Борис помимо показаний на очной ставке, приведенных выше, показал, что «все то, что он показывал ранее, неправда. Так показывать его научил Родин, сказав: «давайте покажем на Макарова и Егорку (Буланова), пусть им попадет».

В тот же день отказался от своих первоначальных показаний и Козлов, заявив, что «показание давал по подговору Родина: «сопрем на Макарова и Егорку». Вместе с этим Козлов отказался и от утверждения, что он видел 2-го мая Макарова.

Родин эти показания также подтвердил.

Если мы выше говорили о сумме противоречий в показаниях ребят, которые требовали внимательного разбора, то при наличии только что цитированного материала, надо говорить совершенно о другом. Следователь отбросил эти показания, видимо, сам найдя их ложными и в обвинительном заключении о них ничего не указал. Если по первоначальным данным можно было говорить о небрежности и поверхностности расследования, то при наличии прямого отказа подростков от своих показаний, в которых они обвиняли Макарова, можно говорить только о явном игнорировании следователем оправдывающих материалов, о явном обвинительном уклоне.

Дело не было пропущено в суд и возвращено на доследование. Даже без дополнительной проверки показаний ребят, дело можно было прекратить. Но этим не была бы целиком выяснена истина по делу. И основная группа ребят в лице Купцова, Козлова Сергея и Родина была вызвана на допрос. Допрос их был произведен в присутствии инспектора РОНО, в соответствующей, располагающей детей, обстановке. Подойдя внимательно к ребятам, побеседовав с ними, не составило большого труда выяснить, что они в действительности Макарова и Буланова оговорили и что никакого подговора с их стороны не было. Была также выяснена и причина, почему ребята оговорили Макарова и Буланова. Оказалось, что когда ребята были вызваны все вместе на допрос, там грубо с ними обошлись и они решили оговорить Макарова и Буланова, пользуясь тем, что последние действительно за несколько дней до пожара были на речке около д. Азарово. В момент же вызова на допрос уже было известно, что поджог совершен ребятами.

Картина поджога была такова. Во время игры за двором ребята, по совету Купцова, решили поджечь солому. Купцов имел при себе спички; привязав на палку солому, ребята ее подожгли и подняв вверх — зажгли крышу двора. Когда же огонь стал распространяться, все разбежались.

Дело, конечно, прекращено. Но мы решили его подробно осветить, ибо вытекающие из него уроки довольно поучительны.

Первое — это дело представляет яркий образец обвинительного уклона на следствии. Полное игнорирование оправдывающих обвиняемых материалов и учет только тех материалов, которые имеют обвинительный характер.

Второе — предъявляя требование о вежливом, внимательном, культурном и чутком отношении к допрашиваемым вообще — это требование особо должно соблюдаться при допросе детей. Допрос детей всегда должен производиться в присутствии педагога и в обстановке, близкой к домашней.

Третье — к показаниям детей, как наиболее поддающихся влиянию посторонних, как наиболее способных к внушению, нужно относиться чрезвычайно осторожно, тщательно и внимательно, выясняя все детали факта, подкрепляя сообщаемое соответствующими доказательствами.

Ясно, что соблюдая все требования процесса, отбросив обвинительный уклон и произведя следствие по делу объективно и беспристрастно, мы не имели бы в результате неосновательное привлечение к уголовной ответственности двух лиц по обвинению в тяжчайшем преступлении.

М. Виноградов

Такую практику надо прекратить

В журнале № 1 «За социалистическую законность» (январь 1936 г.) в статье «О работе подготовительных заседаний судов» т. Лаговьер приводит ряд недочетов в их работе. В качестве одного из таких недочетов т. Лаговьер отметил пренебрежительное отношение со стороны судов к оформлению протоколов, указав, что такое положение нельзя считать терпимым.

С такого рода выводами нельзя не согласиться, и я полностью разделяю его точку зрения и считаю, что протокол подготовительного заседания является серьезным юридическим документом и, бесспорно, должен быть оформлен надлежащим образом.

Но я бы хотел к этому добавить, что с такого рода документами дело обстоит неблагоприятно не только в народных судах, но и в некоторых военных трибуналах. Имеет место пренебрежительное отношение к оформлению протоколов подготовительных заседаний и, что еще хуже, судебных заседаний.

Если т. Лаговьер указывает, что протоколы подготовительных заседаний пишутся плохо, что в них трудно разобраться, то протоколы судебных заседаний в некоторых трибуналах совершенно не пишутся, и если бы даже и хотелось разобраться, то не в чем. И они, можно прямо сказать, во время судебного заседания и судебного следствия не ведутся.

Если читатель спросит нас: «Ведь нельзя же вести судебного заседания без протокола, так как на добытых в судебном заседании и за-

фиксированных в протоколе данных строится основа обвинительного или оправдательного приговора». Да, это так должно быть, но этого на самом деле нет, а у нас получается совершенно наоборот. Не приговор основан на данных, зафиксированных в протоколе судебного следствия, а протокол судебного следствия составляется на основании уже вынесенного приговора, и трибунал, уходя в совещательную комнату для вынесения приговора, никогда не имеет протокола судебного следствия, так как секретарь судебного заседания не ведет протокола, как это полагается, т. е. не пишет полностью все то, что имеет место в судебном заседании, а просто сидит и делает заметочки карандашом, понятные только ему, а через 5—6 дней, иногда и через две недели, редактирует и печатает на машинке протокол, и этот печатанный протокол подписывается и считается подлинником.

Можно ли считать такой протокол подлинным протоколом? Конечно, нет.

Этот протокол не только нельзя считать подлинником, но его даже нельзя считать и копией, потому что он никогда не может быть подлинно верным, так как подлинника, с которым можно бы было его сверить, вообще не существует.

В подтверждение изложенного приведу несколько примеров такого порядка: военный трибунал внутренней охраны Воронежской области 23/X 1935 г. слушал уголовное дело по обвинению сотрудника исправтрудколонии Кривошеева по ст. 193/17 УК. Дело слушалось, с выездом на место, в г. Усмани, а протокол судебного заседания редактировался и печатался в городе Воронеже, и не 23/X, а через четыре дня. Тот же военный трибунал 5/III 1936 г. слушал уголовное дело по обвинению уч. инспектора Солопова по ст. 193/17 УК (незаконное задержание и арест граждан). Дело слушалось, с выездом на место, в г. Кирсанове, а протокол судебного следствия писался, редактировался и печатался в Воронеже через 5—6 дней по возвращении из командировки. И этот протокол в печатанном виде подшит в дело, как подлинник. Дело по обвинению уполномоченного Угро-Иванчихина по ст. 137 УК слушалось с выездом на место в г. Тамбове 21/XI 1935 г., а протокол судебного следствия писался, редактировался и печатался в Воронеже, через 7—8 дней после процесса по возвращении из командировки.

Я привожу только три-четыре примера, но подобного рода практика в данном трибунале существует в отношении всех рассматриваемых им дел.

Такая практика является неверной не только по форме. Она не верна и по существу, и в корне противоречит ст. 80 УПК.

Подобного рода практика лишает права и возможности проверить свои показания участникам процесса; она лишает права и участвующие в процессе стороны делать свои замечания на протокол, в порядке ст. 81 УПК. А неточности в записях судебных протоколов редактируемых секретарями, как выше указан, спустя 5—6 дней после процесса, безусловны; вряд ли секретарь может запомнить ход всех судебных процессов, проходящих за время выездной сессии и точно изложить в протоколах по возвращении из командировки показания лиц, проходивших и допрошенных на судебном следствии.

Если эта практика имела место до сих пор, то, по-моему, ее надо пресечь в корне и изменить сейчас. Надо заставить секретарей судебных заседаний вести подлинные протоколы судебных заседаний, и не карандашом, а чернилами, а председательствующих надо заставить отвечать за это дело.

И. М.

Работа гражданских прокуроров в частях Красной армии

(Об одном опыте правовой пропаганды)

Наши уголовные законы, как известно, имеют своей задачей охрану социалистического государства и установленного в нем правопорядка от общественно-опасных действий. Эта охрана осуществляется путем применения к лицам, совершающим общественно-опасные действия, указанных в уголовном порядке мер социальной защиты. Однако практика работы судебных органов показывает, что нередко человек становится на путь преступления потому, что он не учитывает опасности своих действий, не знает законов. Наши суды своей практикой публичного разбора дел, между прочим, воспитывают трудящихся к соблюдению советских законов. Однако это еще не все, что должны сделать работники суда и прокуратуры для того, чтобы широкие слои рабочих и колхозников знали советские законы.

Есть безусловная необходимость к развитию правовой пропаганды со стороны работников прокуратуры. Проведенный по Азово-Черноморскому краю и СКК опыт свидетельствует о большой заинтересованности трудящихся в знании законов.

Военная прокуратура СКВО совместно с прокурором Азово-Черноморского края еще летом 1935 г. провела выезды в красноармейские лагеря. В один из таких выездов 11 районных прокуроров сделали на красноармейских собраниях 17 докладов, в которых разъяснили законы об охране социалистической собственности и об измене родине. Ряд бесед был проведен о льготном законодательстве для военнослужащих и их семей. В другой раз в лагерь прибыли 6 работников прокуратуры, которые провели ряд докладов на разные правовые темы.

Результат получился положительный. Красноармейцы, особенно колхозники, высказали массу пожеланий, чтобы такие доклады часто повторялись. Это толкнуло прокуратуру на мысль — организовать доклады и беседы райпрокуроров среди бойцов РККА на краткосрочных зимних сборах терчастей. Практически это мероприятие было проведено следующим образом: военная прокуратура СКВО наметила, сообразуясь со сроками сборов терчастей, содержание бесед и добилась распоряжения краевого прокурора о том, чтобы районные прокуроры, на время сборов частей, по своим районам связались с командованием и, в отведенное время, проводили правовую пропаганду. В результате более 40 районных прокуроров по АЧК и СКК провели доклады и беседы среди находившейся на сборах колхозной и рабочей молодежи. Работой прокуроров было охвачено около 70 разных учебных центров и проведено 70—80 бесед и докладов на темы правового характера.

По отзывам комиссаров частей, прокуроров, проводивших эту работу и переменников, эти беседы способствовали укреплению воинской и трудовой дисциплины и повысили кругозор не одной тысячи граждан Советского союза.

Военная прокуратура СКВО, пользуясь этим небольшим еще опытом, решила организовать в этом году массовое проведение докладов райпрокуроров в лагерный период, что даст возможность охватить нашу молодежь, собранную в лагеря, на новобранческие сборы.

Районные прокуроры могут значительно помочь делу укрепления дисциплины молодых бойцов, если они в своих районах установят связь с частями РККА.

Для райпрокурора не представляет больших трудностей связаться с райвоенкомом и советами Осоавиахима, при помощи коих следует организовать правовую пропаганду на сборах.

Я. Крипен

Актив Кимрской райпрокуратуры на севе

Прокуратуре Кимрского района Калининской области удалось охватить почти весь свой актив соревнованием и включить его в работу по подготовке и проведению сева.

Вопросы сева были поставлены на пяти крупных совещаниях ГСП, где принимали участие 180 чел. В конце января 1936 г. был созван районный слет актива прокуратуры, в котором участвовало около 300 чел. В результате проведенной массовой работы райпрокуратура получила ряд ценных сигналов не только от актива, но и от самих колхозников. Сигнализировали колхозники через ГСП Ушаковского, Деулинского колхозов о ряде безобразий, творимых правлениями колхозов. Проверив эти сигналы через свой актив, прокуратура поставила вопрос о руководстве Деулинского колхоза на президиуме рика, а в отношении председателя Ушаковского колхоза Хазарина, поставила перед облпрокуратурой вопрос о привлечении его к уголовной ответственности. Актив за время подготовки и хода сева дал 68 сигналов. Наиболее активная роль по сигнализации принадлежит Гомоновской ГСП, Ильинской, Стоянецкой, Печетовской.

По сигналам ГСП районная прокуратура возбудила ряд уголовных дел. Приговоры по наиболее актуальным делам были опубликованы в местной печати. По двум сигналам актива о неблагополучии тракторных парков Горичкой и Ильинской МТС вопрос был поставлен на бюро РК ВКП(б). Рассмотрев материалы ГСП, бюро РК предупредило директоров МТС Даниэляна и Черняева о том, что если они в семидневный срок не устранят дефекты, отмеченные бригадой Прокуратуры, то будет поставлен вопрос о судебной ответственности.

Имея в городе актив в 150 чел., Кимрская районная прокуратура отобрала из этого количества наиболее проверенных и способных активистов, могущих оказать практическую, деловую помощь районным организациям в деле успешного проведения весеннего сева. Во время стахановской декады группа этих активистов в составе 12 чел. была послана в отстающие по севу сельсоветы. Посланные товарищи — Евстафьев, Бусько, Волков, Смирнов, Жуков, Стрей-

бо, Скопин и др. показали себя на работе с наилучшей стороны и на деле помогли сельсоветам вытянуть отстающие колхозы.

Активисты прокуратуры во вторую стахановскую декаду, объявленную обкомом партии с 1 по 10/V, организовавшись в группу в 6 чел., выехали на велосипедах 4/V в отстающие Заслоновский, Желковский и Котоваровский сельские советы. Бригада актива прокуратуры, выехавшая на сев, не ограничилась только работой по помощи колхозам в успешном проведении весеннего сева; она совместила эту работу с выпуском полевых передвижных стенных газет. За шесть дней пребывания в сельсоветах были выпущены две полевые передвижные стенные газеты «Сигнал с полей» и «На севе». Эти стенгазеты отличались своей оперативностью и конкретностью материала. Они сослужили не малую службу в подтягивании рядовых колхозников и руководителей колхозов и популяризации опыта работы передовиков. Так, например, газета подняла вопрос о сбориании граблями гнездищ сорняков с посеянных участков льна и показала опыт Тресковского колхоза. Газеты показывали наилучших ударников и стахановцев колхоза и ставили перед правлением вопрос о премировании их. По инициативе бригады актива прокуратуры 20 лучшим колхозникам-стахановцам, перевыполняющим норму выработки при высоком качестве работы, были вручены значки «За лучший лен в Советском союзе».

Бригада сумела организовать вечерний досуг колхозной молодежи. За время нахождения в сельсоветах бригада дала, совместно с шефствующими над сельсоветами организациями, две постановки на темы, связанные с весенним севом.

Все три сельсовета, в которых работали активисты прокуратуры, окончили сев льна досрочно к 7/V, тогда как до приезда бригады эти сельсоветы сильно отставали.

Районные организации верят в способности и силы нашего актива и ценят его работу. Секретарь райкома т. Чуканов уделяет этому активу большое внимание. Свидетельством этого служит высокая оценка, сделанная бюро РК 13/V работе актива прокуратуры на севе.

15/V прокуратура снова организовала бригаду активистов и послала на село. За время работы городского актива на селе, этот актив помог ГСП деревни наладить свою работу. Кроме всего этого, было организовано 6 групп содействия прокуратуре в количестве 25 чел., в которые выбраны лучшие колхозники-стахановцы.

Мы уверены, что на основе социалистического соревнования сумеем сделать работу актива прокуратуры еще более полезной, соответствующей тем задачам, которые стоят перед прокуратурой как боевым органом пролетарской диктатуры.

Шеврыгин

В защиту детей

Дети — наше будущее. Каждый, кто вредит делу правильного воспитания детей, кто портит, разлагает детей, — должен встретить беспощадный отпор со стороны пролетарского суда. Есть, однако, у нас одно зло, которому

наша общественность, а иногда и суд, не придают должного значения. Это — самоуправная расправа и наказание детей поркой.

Недопустимо, когда родители, и тем более недопустимо, когда это делают посторонние лица, которые часто в злобе не знают пределов и родительской жалости к ребенку, чинят над ними расправу.

По действующему Уголовному кодексу у нас нанесение побоев ребенку приравнивается к нанесению побоев взрослому и, начиная со ст. 142 по 146 включительно, у нас нет статьи, упоминающей о нанесении побоев ребенку, как о наиболее тяжелом преступлении. А ведь разница в объекте преступления различна.

Ст.ст. 151 и 152 особо ставят вопрос об ответственности за растление и развращение ребенка, так же как и закон от 31/V 1935 г. А за побои ребенка особой ответственности нет.

Вторую часть ст. 146 УК не всегда можно применить в этих случаях, так как истязания налицо нет, а есть нанесение удара, побоев, сопряженное с причинением физической боли. Если это совершено в отношении взрослого, это будет предусмотрено 1 ч. ст. 146 УК. Но если побои нанесены ребенку, это должно повлечь ответственность, так как эти побои кроме физической боли причиняют ребенку и тяжелые моральные страдания, чаще всего большой испуг, психическое потрясение и т. п.

В других случаях такая расправа озлобляет ребенка, развращает его и прививает ему взгляды, что и он, когда вырастет, так же будет порою детей.

Мы считаем, что было бы вполне правильным в новом УК соответственно ч. 2 ст. 146 УК предусмотреть и внести в нее второй квалифицирующий признак словами: «или были произведены в отношении малолетних детей».

С процессуальной стороны эти дела так же необходимо выделить и, чтобы изжить эти безобразные расправы с детьми, необходимо такие дела ставить показательными процессами.

На местах вопросу беспощадной борьбы со всяким колечением детей не придают еще должного значения и внимания. Часто внесудебная расправа с детьми, залезшими в огород или сад кончается лишь ссорой родителей с собственником сада или огорода, иногда обращением в сельсуд, который такие дела рассматривает как маловажные и выносит, соответственно положению о сельсудах, меру воздействия, совершенно недостаточную.

Необходимо категорически воспретить эту практику и изжить из сельсудов такие дела.

Надо исключить эти дела из-под действия ст. 10 УПК в ближайшее время и не допускать по ним примирения родителей, которые по своей темноте и недооценке вреда ребенку такой расправой часто идут на примерение с обвиняемым за одно угощение.

Надо мобилизовать внимание всей общественности, школы, пионеротряда и комсомола делу защиты малышей от расправ, побоев и иных калечащих психику ребенка действий. Надо скорее изжить этот позорный факт в нашей стране, где человек есть наивысшая ценность.

М. Тимонин

За улучшение качества предварительного следствия

Проводимая Прокуратурой РСФСР классификация следователей является вполне своевременной.

После того как в результате борьбы за высокое качество предварительного следствия в 1935 г., как одного из главнейших звеньев прокурорской работы, был создан значительный перелом в предварительном следствии, когда, на основе развертывания социалистических методов работы, мы добились положительных результатов как в самой работе следователей, так и в повышении их теоретического уровня и квалификации, а в 1936 г. работаем над закреплением положительных результатов 1935 г. и над дальнейшим улучшением качества следствия, со всей решительностью вскрывая недостатки, классификация следователей в соответствии с их квалификацией и практическим опытом служит очень большим стимулом борьбы за овладение техникой предварительного следствия.

По получении директивы Прокуратуры РСФСР о подготовительной работе по классификации следователей, прокуратура БАССР довела эту директиву до каждого прокурора и следователя и наметила мероприятия, направленные ко всестороннему изучению каждого следователя и учету его работы, с тем чтобы, с одной стороны, выявить точно уровень развития, квалификацию и работу над собой каждого следователя, на ходу предприняв меры, чтобы подтянуть отстающих,—и чтобы охватить все детали работы следователя для определения его количественных и качественных показателей, с другой.

В этих целях, наряду с проводимой плановой работой методбюро, как-то: развертывание социалистических методов работы, проведение конференций следователей с постановкой на

них теоретических докладов по вопросам техники и методики расследования, широкое участие соц. совместителей в следственной работе, изучение отдельных категорий дел и отдельных дел с дачей по ним методических указаний, а также методических писем из опыта изучения этих дел и т. д., — методбюро прокуратуры БАССР, при помощи всего коллектива прокурорских работников, в течение апреля—августа месяцев изучит работу каждого следователя непосредственно на месте, оказывая им одновременно практическую помощь в деле овладения техникой расследования. Поэтому и план работы методбюро на этот отрезок времени построен таким образом, чтобы его мероприятия обеспечили успешность подготовки к классификации следователей. При этом, имея в виду, что точный учет работы следователя должен сыграть важнейшую роль в деле классификации, методбюро приступило уже к этому учету. Нами установлена аналитическая ведомость работы прокурора и следователя, которая охватывает все количественные и качественные показатели и представляется в методбюро ежемесячно.

В каждом оперативном секторе прокуратуры составляются характеристики следственного дела, поступающего от следователей, и эта характеристика передается в методбюро.

Мы вошли также в Главный суд БАССР с просьбой обязать кассационную коллегия и народные суды сообщать в методбюро о каждом деле, прекращенном судом или возвращенном к доследованию посылкой копии определения по делу.

Все эти материалы сосредотачиваются в рабочем деле следователя, заведенном на каждого следователя.

Все эти мероприятия, несомненно, обеспечат возможность изучить каждого следователя со всех сторон и дать ему соответствующую оценку при классификации.

А. Тимашев

УССР

Прокуратура Николаева в борьбе с врагами стахановского движения

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) поставил задачу — «Партийные и профсоюзные организации должны разоблачать классово-враждебные элементы, пытающиеся пакостить стахановцам, и сплотить вокруг стахановского движения самые широкие массы рабочих» (из резолюции декабрьского пленума ЦК ВКП(б)).

Практика стахановского движения на предприятиях, в совхозах и колхозах г. Николаева, крупного промышленного центра страны, наглядно показывает, насколько важно, своевременно и актуально это указание пленума ЦК. В процессе разворота стахановского движения классово-враждебные элементы выступали против стахановского движения, пытались дискредитировать и отдельных стахановцев, переходя от случаев причинения вреда стахановцам к возмутительным по своей наглости прямым вылазкам против стахановцев.

В октябре—ноябре 1935 г. на тракторно-инструментальном заводе выдвинулся в качестве одного из лучших стахановцев т. Лютов, ра-

бочий кузнечного цеха. Тов. Лютов, старый рабочий, бывший красный партизан, краснофлотец, внес ряд ценных рационализаторских предложений, давших большую экономию в работе по изготовлению коловоротов. При норме в 140 шт. в смену Лютов давал 400—500 и больше. Работая на прошивке квадратов, при норме в 600 шт. в смену Лютов вырабатывал 3—3½ тысячи. Тов. Лютов был премирован администрацией завода во время Октябрьской годовщины. Эта работа Лютова, ломающая старые, заниженные нормы и показывающая образцы социалистического труда, вызвали к нему вражду и озлобление со стороны консервативных элементов завода.

Мастер кузнечного цеха Мартыненко, бывший владелец мастерской с наемной рабочей силой, лишенец, стал мешать т. Лютову и тормозить его работу. Мартыненко стал распускать среди рабочих слухи, дискредитирующие т. Лютова как стахановца, доказывая, что он «липовый» стахановец, что в результате его работы будут пересмотрены нормы и расценки, и т. п. Для того чтобы напасть на т. Лютова и его дискредитировать, Мартыненко искусственно создавал простои Лютову, перегонял его с работы на работу, заставлял его работать в

качестве чернорабочего, поставил Лютова на рубку болванок, забрав от него подсобную рабочую силу и заставив, таким образом, Лютова заниматься переноской болванок. Сняв Лютова с работы по штамповке ключей, где он давал рекордные показатели, Мартыненко поставил на эту работу бракодела, который сделал 193 ключа, дав 100-процентный брак. Не принимая никаких мер к организации рабочего места стахановца, Мартыненко довел Лютова до того, что тот при переноске болванок вынужден был перепрыгивать через длинное корыто с водой, стоявшее здесь же в цеху. Когда Лютов просил переставить корыто на другое место, ему подголоски Мартыненко отвечали: «раз ты стахановец, прыгай с болванкой через корыто». Характерно, что Мартыненко удалось привлечь к участию в травле стахановца даже профорга Гершковича, отсталого, малокультурного человека, исключенного в свое время из партии за политнеграмотность. Гершкович стал распространять о Лютове слухи о том, что он не стахановец и что из него искусственно создают стахановца.

Мартыненко был арестован прокуратурой и после слушания дела на месте в цеху завода осужден к 3 годам с лишением прав. Гершкович — к году и.т. работ условно. После процесса при помощи общественных организаций и коллектива рабочих Гершкович выправился, стал хорошим работником.

Возмутительный случай наглой вылазки против стахановцев имел место и на стеклозаводе. В День ударника, 11 января, на стахановский вечер ворвалась группа хулиганов, деклассированных пьяниц. Группа, среди которой особенно выделялись Павлов и Ревенко, начала кидать реплики докладчикам, дискредитируя стахановцев, а после организовала коллективный дебош. Хулиганы стали ломать мебель, драться, ударили одного из стахановцев т. Воробьева, в результате чего вечер хулиганами был сорван, и рабочие разошлись. Хулиганы осуждены к разным срокам лишения свободы.

На том же стеклозаводе имел место случай дикого насилия со стороны классово враждебных элементов над стахановцем Драговичем. Рабочий завода Саловский, известный всему заводу хулиган, сколотил группу из отсталых рабочих, судившихся в свое время за хулиганство, которая 26/II с. г. стала хулигански приставать к т. Драговичу. По команде Саловского «накрыть его и выбить психу», на Драговича набросили пальто, повалили на пол, разбросав в то же время из шкафа вещи Драговича по цеху. Шапку Драговича бросили в бочку с водой, а на голову Драговича стали лить воду. Один из хулиганов Клусович во дворе под видом «шутки» кинул Драговича на землю и во время борьбы ударил его в ухо. В результате этой бандитской вылазки Драгович заболел и был направлен на лечение в психиатрическую лечебницу. Организаторы хулиганской группы Саловский и Клусович арестованы; дело о них направлено в суд.

Классовый враг выступает не только на предприятиях против стахановцев, но и в колхозах. В артели имени Ворошилова Пересадовского сельсовета работает в полевой бригаде № 2 колхозница комсомолка Печерица Анна, стахановка. Она отличается исключительно добросовестным отношением к колхозному имуществу и к работе, перекрыв во вре-

мя стахановской пятидневки по удобрению полей нормы по вывозке навоза. Бригадир неоднократно заявлял, что он хотел бы, чтобы все колхозники в его бригаде работали так, как работает Анна Печерица.

После того как Печерица стала стахановцем и была приглашена на слет стахановцев с участием орденосца Дымова, ее стали травить. Колхозница того же колхоза Ольга Кафтан, семья которой выступала против колхозного строительства и занималась кражами, сама имеет много прогулов, организовала травлю Печерицы, распространяя о ней грязные сплетни, высмеивая ее как стахановку и дошла до заявления Печерице: «увидим, где еще вы, стахановцы, будете в свое время». Сельский суд, рассматривавший первоначально это дело, правильно расценил поступки Кафтан как классово враждебную вылазку, передав дело в прокуратуру. Следствие по этому делу закончено и направлено в суд.

Очень характерно дело о преследовании стахановца Шавинского. Трудящиеся Николаева знают Шавинского как знатного человека, коммуниста, стахановца, одного из пионеров стахановского движения на заводе им. «61». Завод заслуженно гордится этим товарищем. Тем не менее в течение долгого времени т. Шавинский подвергался травле со стороны одного из рабочих завода — Чепака. Чепак — бракодел, дважды увольнялся с завода за брак и нарушение правил внутреннего распорядка; возненавидев т. Шавинского, стал распространять о нем дискредитирующие слухи. Чепак заявлял рабочим, что Шавинский не настоящий стахановец, что он растратчик, растратил общественные деньги, что Шавинский бандит-мажновец. Эти выступления имели место даже на производственных совещаниях и не встречали никакого отпора. Чепак дошел до того, что 16/III в отсутствие Шавинского, когда тот работал на производстве, избил жену Шавинского. После этого заводские организации предоставили Шавинскому другую квартиру. Чепак был с завода еще раз уволен.

Вмешательство прокуратуры и горкома партии положило конец травле Шавинского. Чепак арестован. Дело направлено в суд.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что выступающий против стахановцев классовый враг смыкается с уголовными элементами, хулиганами, бракоделами и лодырями.

В процессе следствия мы пришли по ряду дел к выводу, что травле стахановцев на предприятиях и в колхозах дается недостаточный отпор, что иногда эта гнусная травля не пресекается в корне и не становится предметом реагирования заводских, сельских и колхозных организаций. Это подтверждается хотя бы тем, что дело о травле стахановки Печерицы не обсуждалось до вмешательства прокуратуры ни в колхозе, ни в общественных организациях села, ни в сельсовете, что, несмотря на двухкратную вылазку хулиганов на стеклозаводе, некоторые из работников стеклозавода склонны были возмутительное издевательство над рабочим-стахановцем объяснять «шутками», которые якобы допустили на производстве — что против травли знатного стахановца Шавинского руководители цеховых организаций не предприняли никаких мер.

Прокуратура заняла резкую позицию в борьбе с врагами стахановского движения, избирая мерой пресечения, как правило, арест до

суда, проводя расследование в краткие сроки с применением методов открытого следствия, широкого привлечения общественности к участию в следствии. Как правило, дела слушались с участием сторон непосредственно на производстве. Искключительное внимание вызвало дело Штемберг (хулиганки, неоднократно судимой до этого товарищеским судом), отсталой работницы, которая стала душить стахановку Власову, ругая ее за перевыполнение норм, и наконец бросила в нее гаечным ключом, ранив Власову.

По всем делам, как правило, прокуратура осуществляла тесную связь с местными партийными и советскими организациями, освещая широко в печати как самые дела, так и приговоры суда.

Практика работы и расследований дел о преследовании стахановцев за последнее полугодие еще раз заставляет нас напомнить о необходимости усиления внимания прокуратуры к разоблачению классовых врагов, пытающихся пакостить стахановцам.

Мыслов

Преступная бездеятельность нарсуда

На нарсуды как органы пролетарской диктатуры возложена обязанность вести беспощадную борьбу с остатками классового врага, применять жесткую уголовную репрессию к растратчикам социалистической собственности, а также вести борьбу за перековку сознания широчайших масс.

Мощное и могущественное стахановское движение героев и героинь социалистического труда ставит перед работниками судебных органов боевую задачу своевременно разглядеть и пресечь все классово преступные происки врага, старающегося всякими способами вредить стахановскому движению.

В нарсуд обращается также много женщин-трудящихся по алиментным, трудовым и гражданским делам для защиты их правовых интересов, и нарсуды обязаны четко и аккуратно разрешать эти дела, охраняя нерушимость советских законов.

В отношении выполнения приговоров нарсуда большая и ответственная работа возложена на судебных исполнителей, которые подчинены непосредственно нарсудьям, на работу которых до сего времени, к сожалению, не обращается должного внимания. Какой, примерно, эффект будет иметь приговор нарсуда, по которому исполнительный лист на присужденную с растратчика присвоенной им суммы государственных денег судебный исполнитель продержит у себя в ящике или портфеле несколько месяцев, дав этим возможность растратчику растраниживать имущество, а потом составит акт «о несостоятельности». На практике так, к сожалению, часто делается. Нечего говорить уже о том, как реагирует на приговор нарсуда трудящаяся женщина, которой присуждены с бывшего мужа алименты, которые с него месяцами, а иногда и годами не взыскиваются судисполнителями.

В соответствии с возложенными на народные суды в настоящей период задачи, я хочу оста-

новиться на работе нарсуда Ореховского района Днепропетровской области.

В нарсуде Ореховского района с ноября 1935 г. и до сего времени было всего 4—5 судебных заседаний. В ноябре дела вообще почему-то не назначались к слушанию. В декабре нарсудья т. Алексеенко 20 дней болел, и поэтому не было заседаний. В январе 1936 г. были назначены дела к слушанию на вторую половину месяца, но, к несчастью после второго заседания нарсудья т. Алексеенко вновь заболел; назначенные к разбору дела были сорваны, и, в связи с продолжающейся болезнью нарсудья, дела не рассматриваются до сего времени, и неизвестно, когда будут рассматриваться. В Ореховском нарсуде лежат десятки дел о растратах государственных средств, сотни алиментных, трудовых и гражданских дел, алиментщицы-колхозницы по нескольку раз за десятки километров ходят в нарсуд, к райпрокурору т. Санжарову, добиваясь, когда же, наконец, будут рассматриваться их дела, и получают один и тот же ответ, что «суда скоро не будет, так как нарсудья болен». В каждом нарсуде должны быть соизаеместители нарсудьи. В Ореховском нарсуде соизаеместителей нет, так как нарсудья т. Алексеенко предпочитает работать сам.

Бывший судисполнитель Ореховского района Блюм Андрей, принятый на эту должность нарсудья т. Алексеенко, систематически пьянствовал, дискретировал работников суда и не выполнял возложенных на него обязанностей. Нарсудья т. Алексеенко, вместо увольнения Блюма, все время читал Блюму «поучительно-моральные нотации» (конечно, для отвода глаз), контролировал и проверял его работу, подытоживал с ним вместе постановления присужденных сумм на счет в Госбанке и подписывал предъявительские чеки.

Вследствие такого «руководства» работой судисполнителя нарсудья, ревизией, произведенной Днепропетровским облсудом в январе с. г., было выявлено, что Блюм растратил около 7 тыс. руб., поступивших по исполнительным листам, не вел кассовой книги, не имел квитанций и так запутал дела, что теперь их трудно будет распутать. Необходимо также указать, что нарсудья т. Алексеенко и Блюм выписали предъявительский чек на 3600 руб., по которому были получены в банке деньги неизвестным лицом, и неизвестно, по какому делу и кому эти деньги были выписаны.

О всех этих безобразиях хорошо знает Днепропетровский областной суд, который ограничился тем, что снял с работы бывшего судисполнителя Блюма и передал его дело следователю. Нарсудью на время болезни т. Алексеенко облсуд не прислал. Дела как лежали в нарсуде месяцами без движения, так и лежат, а люди ежедневно ходят, добиваясь скорейшего разбора их дел.

Когда выздоровеет т. Алексеенко и приступит к работе, неизвестно. Бездеятельности, которая существует в нарсуде Ореховского района, необходимо срочно положить конец.

Нужно, чтобы Днепропетровский областной суд немедленно командировал в Ореховский нарсуд нарсудью для разбора залежавшихся дел и налаживания работы нарсуда в соответствии с требованиями и задачами настоящего периода.

Некоторые выводы из работы гражданской коллегии Черниговского областного суда

С 1 января по 1 мая 1936 года рассмотрено 1712 гражданских дел. За тот же период прошлого года рассмотрено 857 дел.

Таким образом по сравнению с прошлым годом имеется увеличение более чем на 100%.

Это обстоятельство безусловно обязывало руководство облсуда укомплектовать гражданский отдел определенным количеством работников. Между тем на протяжении почти двух лет гражданский отдел возглавлял всего один член суда, к которому прикомандировывались время от времени то один, то другой член суда, то один, то другой народный судья. При таких обстоятельствах трудно было рассчитывать на соответствующее качество работы и быстроту прохождения дел.

Из общего количества рассмотренных дел, за указанный период 1936 г. утверждено 785 дел — 45%, отменено 735 дел — 46,5%, изменено 132 дела — 7,7%.

За то же время 1935 г. из общего количества рассмотренных дел: утверждено 355 дел — 41,4%, отменено 403 дела — 47,1%, изменено 99 дел — 11,5%.

Приведенные цифры говорят о том, что в области рассмотрения гражданских дел нарсуд топчется на том же месте. Небольшой процент увеличения утвержденных решений в 1936 г. по сравнению с 1935 г. (всего на 4%) не может, конечно, свидетельствовать о каком-то существенном улучшении работы.

Рассмотренные гражданские дела разбиваются по содержанию своему на следующие основные категории:

1. Дела внутриобщественного сектора — 698. 2. Дела о взыскании алиментов и установлении отцовства — 480. 3. Трудовые дела — 325. 4. Жилищные дела — 148. 5. Прочие общегражданские дела — все остальное.

Процент отмен и изменений решений по всем указанным категориям дел колеблется между 47,7% (алиментные дела) и 61,3% (дела внутриобщественного сектора).

Чем объяснить такой большой процент плохих решений и каковы основные недостатки в работе нарсуда при рассмотрении указанных категорий дел?

В отношении споров внутриобщественного сектора у нарсуда нехватает знаний основ хозяйственного права. Как правило, иски по этим делам построены на основе локальных или прямых договоров, к делам приобщаются счета, фактуры, накладные, коммерческие акты, различные сложные, бухгалтерские расчеты и проч. документы. Необходимо самым срочным образом поднять квалификацию нарсуда по линии хозяйственного права.

Следующая категория дел, по своему количеству, составляет дела о взыскании алиментов.

По этим делам народному судье, как правило, не приходится иметь дела с разного рода документами. В большинстве случаев решение народных судов по алиментным делам строится на показаниях живых людей — свиде-

телей. От нарсудьи требуется только внимательное отношение к делу; причины отмены решений по алиментным делам следующие:

1. Произвольное установление размера алиментов, при отсутствии сведений о материальном и семейном положении сторон.

2. Построение решения об установлении отцовства на догадках и предположениях, а не на конкретных обстоятельствах дела. Облсудом было послано народным судам инструктивное письмо с указанием на ошибки, допускаемые ими при рассмотрении алиментных дел, и одновременно было предложено проверить работу судебных исполнителей в области взыскания алиментов, а также проверить учреждения и предприятия, которые непосредственно производят взыскание алиментов по исполнительным листам с рабочих и служащих данных учреждений и предприятий. В этой области работа поставлена очень плохо. По своей инициативе ни народные судьи, ни судебные исполнители такой проверки до сего времени не производили. Необходимо также отметить неправильную практику касс. инстанций, которая часто без всяких оснований уменьшала размер присужденных алиментов. Так, например, с 25 руб. уменьшалось до 20 руб., с 40 руб. до 30 руб. и т. д.

Следующей категорией по количеству являются трудовые дела. По содержанию своему они в большинстве случаев являются весьма сложными и запутанными; к этому еще необходимо иметь в виду, что наше трудовое законодательство чрезвычайно разбросано и плохо систематизировано, и в отдельных своих частях противоречиво; этим, главным образом, и объясняется большой процент брака.

Наконец, необходимо констатировать, что прочие общегражданские дела занимают в работе нарсуда самое незначительное место. Из данной категории дел необходимо выделить в особую категорию дела о разделе имущества в крестьянском хозяйстве. Всего рассмотрено за отчетный период данных дел 46 или 2,6% по отношению к общему количеству рассмотренных дел. Из них утверждено 15—33% и отменено 31—67%.

В восстановительный же период напа дела о разделе имущества крестьянского двора составляли основную массу дел народного суда. В окружных судах по кассационным жалобам эти дела составляли 15—20%, а сейчас всего 2,6%. При рассмотрении этих дел возникает ряд принципиальных вопросов, связанных с устарелостью действующих законов; раздел колхозного двора качественно отличается от старого раздела крестьянского двора.

Тов. Постышев в своей речи на IX съезде комсомола Украины сказал: «Возьмите далее проблему выделения женатого сына из хозяйства отца крестьянина. Сколько трагедий было на этой почве... Таково, товарищи, было положение молодежи в связи с браком, таковы те трудности, препятствия, условности, на которые наткнулись рабочий и крестьянский парень, девушка в этом важнейшем вопросе своей жизни. Куда девались все эти условности, все это рабство, весь этот кошмар былой жизни—все это мыто Великим Октябрем».

Возьмем для иллюстрации отдельные примеры.

Хозяйство колхозника не связано с вопросом о севообороте. Между тем, народные судьи

и работники областного суда считают, что споры о разделе имущества колхозной семьи покрываются давностью в два севооборота. Если этот закон не отменен формально, то он отменен жизнью, и при рассмотрении данной категории дел следует руководствоваться общей исковой давностью.

Совершенно по-новому должен быть поставлен вопрос о праве детей на имущество в семье колхозника. Ни о каком равенстве здесь не может быть и речи. Родители колхозники обязаны воспитывать своих детей, однако последние не могут иметь никакого права на имущество, заработанное родителями в колхозе или приобретенное на средства, заработанные на отходном промысле.

В заключение, считаю необходимым подчеркнуть, что необходимо поднять качество определений гражданской кассационной коллегии с точки зрения их мотивировки и убедительности, необходимо устранить такую организационную мелочь, как отсутствие копий определений в касс. инстанциях.

Аникеев

Борьба за охрану собственности

Прокуратура Черноморского бассейна с первого момента своей организации остро поставила вопрос об обеспечении безопасности перевозимых по Черноморскому бассейну грузов.

Детальным изучением этого вопроса было установлено, что Управление Черноморского пароходства не достаточно занималось вопросом обеспечения безопасности перевозимых грузов, изучением причин порчи и засылки грузов, что порождало большое количество претензий со стороны клиентуры. Не было также органа, на обязанности которого лежала бы концентрация претензионных материалов и изучение причин, порождающих возникновение претензий.

Между тем материалы, поступившие в прокуратуру бассейна, сигнализировали о явном неблагополучии на этом важнейшем участке работы Черноморского пароходства.

Особенно выделялся по количеству претензий Потийский порт. Начиная с составления фиктивных актов о недостачах при выгрузке с пароходов грузов (недостача по п/х «ТОМП» 1000 тонн при общей грузоподъемности его не свыше 2500 тонн), образуя таким образом у себя излишки грузов, работники Потийского порта установили целую систему хищений, дававшую им возможность обогащаться за счет государства.

Характерным делом, вскрывшим гнилую систему руководства на двух ответственных участках в Потии — на водном транспорте и в товаропроводящей сети, является заслушанное в марте м-це с. г. дело складских работников Потийского порта и работников Потийского отделения Грузпищеторга. Суду предано было по закону от 7/III 1932 г. 15 человек. Главными обвиняемыми по делу были: директор Потийского отд. Грузпищеторга Бахушвили, главбух пищеторга Кервалидзе, зав. магазином № 1, он же парторг, Джакобия, нач. склада Совторгфлота Элиава и др.

Эти лица, используя безобразнейшую постановку в Потийском порту, контроля и учета

ценностей, доверяемых транспорту государством, скверную организацию складского хозяйства, направили свои преступные щупальцы на ценнейшую часть социалистической собственности — на зерно и сахар.

Для некоторого представления о «деятельности» этой преступной шайки расхитителей собственности достаточно указать на то, что за период февраль—октябрь 1935 г. эта шайка успела похитить около 15 тонн сахара.

Невольно напрашивается вопрос, как же они могли реализовать такое большое количество сахара? Оказывается, что и тут нашлись дельцы, которые не прочь были «заработать». К услугам шайки является зав. базой Грузпищеторга Аспион Нантурия, пом. зав. базой Кучухидзе и Джакобия, зав. маг. № 1, непосредственно проводивший реализацию через магазин похищенного сахара.

Для покрытия всех преступных махинаций и соответствующего их бухгалтерского «оформления» нашелся главбух Потийского отделения Грузпищеторга Кервалидзе. Путем бухгалтерских комбинаций он присвоил 5643 р. 75 к. и из магазина № 1 получил без денег разные продукты, всего на сумму 1393 р. 23 к.

Особенно интересную роль сыграл в этом деле директор Потийского отделения Грузпищеторга Бахушвили. Потеряв свое политическое лицо, разложившись морально, он систематически пьянствовал с подчиненными ему лицами, получил из магазинов продукты и наличные деньги на 6448 руб. (выдал спецконтре 10 000 руб. на 10 дней, за что получил 1000 рублей, из коих в свою пользу присвоил 270 руб.), допустил гибель скоропортящихся продуктов на 14 323 руб. Еще одну немаловажную роль выполнял этот «универсальный» хозяйственник, — это роль десятника по строительству магазинов. Последнюю роль он выполнял не потому, что он был заинтересован в расширении торговой сети, а исключительно для того, чтобы, присвоив стройматериалы на 3690 руб., построить себе собственный дом.

Пролетарский суд со всей суровостью оценил преступную деятельность шайки расхитителей собственности.

Не меньший интерес с точки зрения посягательства на собственность представляет дело о хищениях в орсе Потийского порта, заслушанное в конце марта м-ца в клубе моряков Потийского порта.

Нач. орса Кавтарадзе совершенно не руководил работой орса, не только не боролся с хищениями и растратами, имевшими место в торгединицах, а наоборот попустительствовал растратчикам, пьянствовал с ними, восстановил на работе растратчика Панцулая, дав ему возможность продолжать хищения, сам присвоил 1219 руб., вырученных от продажи вина, и своей бесхозяйственностью и личными злоупотреблениями способствовал расхищению кооперативных ценностей на сумму свыше 125 000 руб.

Не отставал от нач. орса и главбух Барковский. Путем уничтожения бухгалтерских документов он покрывал растратчиков, вносил в баланс ложные сведения с целью скрыть недостачи. Зав. складом Панцулая и его замы: Хоштарий и Маткава расхитили продуктов со склада на 10 483 815 руб.

Под покровительством нач. орса Кавтарадзе, Панцулая вместе с продавцом Джакобия

похитил кроме того еще продукты и денежную выручку на 12 398 руб.

Не отстают по части растрат и кассиры орс. Кассир Габуния присвоил 3000 руб., полученных по чеку из Госбанка, кассир Вокуа — 4346 руб.

По делу были привлечены к ответственности 10 человек. По закону от 7/VIII 1932 г. — 3 чел., остальные по различным статьям УК УССР.

Приговором В. Т. суда Черноморского бассейна Панцулая приговорен к 10 годам лишения свободы, а остальные обвиняемые к раз-

личным срокам лишения свободы. Гражданский иск, предъявленный орсом к обвиняемым, удовлетворен в сумме 124 000 руб.

Эти два крупных процесса, проведенных в Поти, показывают, насколько еще засорен торговый и складской аппарат, и что вполне правильно, прокуратура Черноморского бассейна направила свое основное внимание на борьбу с хищениями соцсобственности, на участок наиболее неблагоприятный в Потиjsком порту.

И. Р.

ССР Грузия

За реальную защиту женщин¹

После долгих колебаний и весьма оживленной дискуссии по делам о так называемом «обманном сожителстве», в конце 1929 г. в Грузии установилась вполне устойчивая практика квалифицирования использования женщины в половом отношении путем обмана, как один из видов изнасилования. Уже в мае 1930 г. в УК Грузии появляется ст. 171¹ следующего содержания:

«Обманное вовлечение женщины в половую связь путем использования с этой целью установленной для регистрации брака формы влечет за собой»...

Прошедшие шесть лет бесспорно доказали, что эта статья в вышеприведенной редакции не в состоянии охватить все виды преступного деяния этого рода, ибо по смыслу текста обманное вовлечение женщины в половую связь лишь тогда подлежит уголовной репрессии, когда оно совершено путем использования с этой целью установленной для регистрации брака формы.

Если же вовлечение женщины в половую связь произошло другим путем, например, обещанием жениться, то этот случай останется вне действия УК.

Такое ограничение наказуемых способов обмана и сведение их лишь к одному виду явно нецелесообразно, да и неправильно по существу, ибо предметом посягательства, в сущности, является половая неприкосновенность женщины, а не форма регистрации брака, и последствием — нарушение половой неприкосновенности, а не формы регистрации брака. Что касается способа действия, то он выражается в обмане, и нет абсолютно никакой разницы между тем, как обманул женщину преступник, зарегистрировавшись с ней или лишь обещав зарегистрироваться, допустим, через месяц. Ибо женщина, охраняя свою половую неприкосновенность и уступая только обещанию мужчины жениться, при отсутствии такового сохранила бы свою половую неприкосновенность.

По нашему мнению, половое сношение, совершенное в результате обещания жениться, нужно считать совершенным вопреки воле женщины, если давший обещание отказался выполнить его. Тут налицо нарушение половой неприкосновенности женщины, и оно должно вызвать применение судебной репрессии.

Ввиду этих соображений необходимо изменение текста ст. 171¹ УК Грузии в плоскости более полной защиты половой неприкосновенности женщины.

А. Кобешавидзе

УзбССР

Черепашьи темпы

Текстильно-трикотажный промысловый союз в Узбекистане сообщает, что он никак не может добиться того, чтобы следственные органы г. Самарканда занялись расследованием дела о хищении товаров в магазине «Динамо».

Материалы по этому делу были переданы в уголовный розыск еще 20/IX 1935 г.

Ввиду того, что никакого движения они там не получили, Узтекстильшвейпромсоюз обратился к прокурору г. Самарканда, рассчитывая, что вмешательство прокурора быстро сдвинет это дело с мертвой точки. Однако надежды

эти не оправдались. Прокурор не вмешался, и дело никуда не сдвинулось.

В январе 1936 г. упорный Текстильшвейпромсоюз направился в Прокуратуру Республики. Там люди оказались отзывчивее. Быстро настрочили письмо Самаркандскому прокурору, предложив ему «воздействовать на УРО об ускорении ведения следствия». Срок исполнения 10 дней.

И вот с тех пор прошло новых 4 месяца, а воз и ныне там. Узбектекстильпромсоюз при этом не получает больше ответов на свои обращения в Прокуратуру Республики.

Может быть Прокуратура Республики со-общит свой ответ редакции нашего журнала?

¹ В порядке обсуждения.

Право-процесс-судостроительство в капиталистических странах

Уголовное законодательство в Финляндии

Основными законодательными актами по уголовному праву Финляндии являются уголовное уложение, закон об исполнении наказаний и вводный закон к уголовному уложению. Все эти законодательные акты были изданы в 1889 г., но вступили в силу 14/IV 1894 г.

Освобождение Финляндии от ига царизма, рост промышленности и наличие в стране революционного пролетариата, а также стремление стоявшей у власти крупной буржуазии обеспечить интересы капитала и сломить левое рабочее движение при помощи установления фашистской диктатуры повели к тому, что не соответствовавшее новым условиям уголовное уложение 1889 г. подверглось многочисленным изменениям и дополнениям, путем издания как специальных законов, так и поправок к уголовному уложению 1889 г.

Таким путем господствующий класс поставил уголовное законодательство на службу задачам подавления революционного движения финляндских рабочих, батраков и беднейшего крестьянства и проведения в жизнь программы так называемой лапуасской фашистской партии.

Финляндское уголовное уложение разделено на 44 главы. Первые девять из них представляют собою фактически общую часть. Остальные главы рассматривают отдельные виды преступлений и устанавливают санкции по ним. Последние четыре главы содержат составы, представляющие важнейшие нарушения распоряжений, изданных полицией.

Финляндское уголовное уложение было составлено под явным влиянием шведского уголовного уложения 1864 г., германского 1871 г. и, в меньшей мере, царского уложения о наказаниях.

Однако в противоположность шведскому и германскому уложениям финляндское уложение отказалось от тройного деления уголовно-наказуемых действий на преступления, проступки и нарушения. Все уголовно-наказуемые действия, вне зависимости от их серьезности и от характера наказаний за них, равно носят название преступлений и не разделяются на отдельные категории по степени тяжести.

Статьи общего характера в уложении 1889 г. мало чем отличаются от аналогичных уложений, издававшихся в последнюю четверть прошлого столетия в других буржуазных странах.

Отметим поэтому только, как уложение регулирует отдельные вопросы общей и особенной частей.

Возраст уголовного совершеннолетия установлен финляндским уложением в 15 лет. Однако закон предусматривает право суда направлять совершивших преступления детей в возрасте от 7 до 15 лет в воспитательные учреждения или поручить родителям ребенка или заменя-

ющим их лицам наказать ребенка, с тем, чтобы факт наказания мог быть доказан. Речь идет, конечно, о физических наказаниях.

В воспитательных учреждениях несовершеннолетние могут быть оставлены до достижения 18 лет, а с согласия их законных представителей — до 20 лет.

Из правил уложения 1889 г. о соучастии заслуживает внимания подробное регулирование вопроса о наказуемости покушения на подстрекательство. Такое покушение, как правило, не наказуемо. Однако в целях воспрепятствования революционным партиям публичных выступлений, из правила о ненаказуемости делается исключение, устанавливающее наказуемость и неприведшего к успеху публичного призыва к совершению преступления, сделанного на народном собрании, а также в печатных или письменных произведениях и рисунках, распространяемых или выставляемых.

Наказание за покушение на подстрекательство усиливается в тех случаях, когда имеется налицо подстрекательство к государственной измене или бунту.

Уложение устанавливает еще и другие исключения из правила о ненаказуемости покушения на подстрекательство.

Финляндское уложение не делает различия между крайней необходимостью и необходимой обороной. Оно говорит в общей форме о случаях, когда кто-либо, для спасения своей или чужой жизни или имущества от угрожающей опасности, совершит преступление, без которого спасение было бы невозможно.

Это обстоятельство не лишает действие, как это видно из самой редакции определения, его преступного характера. Суд в каждом отдельном случае должен решить, следует ли совершившего деяние вовсе освободить от наказания или только смягчить ему наказание.

По уложению 1889 г. правила о рецидиве ограничивались указанием на то, что рецидив влечет за собой усиление наказания в случаях совершения имущественных преступлений. В остальных случаях он являлся только отягчающим обстоятельством. Закон об опасных рецидивистах 27/V 1932 г. установил, кого следует считать рецидивистами, а именно: 1) отбывших наказания в виде лишения свободы не меньше чем за три преступления, одно из которых повлекло за собою каторжную тюрьму сроком не менее одного года, или 2) отбывших один или несколько раз наказание лишением свободы с общим сроком в 10 лет.

Если лицо, подходящее под эти требования, совершит в течение пяти лет после отбытия последнего наказания новое преступление, за которое преступник будет осужден не менее чем к трем годам каторжной тюрьмы, и если он будет признан представляющим опасность для общественной или частной (чьей-либо) безопасности, суд может признать, что осужденный может быть помещен в специальную тюрьму для опасных рецидивистов.

Давность преследования преступления составляет, в зависимости от серьезности преступления, 1—20 лет; давность для приведения приговора в исполнение, в зависимости от того же, в 5—20 лет.

Установленная уложением 1889 г. система наказаний осталась неизменной, так как она в достаточной степени соответствовала потребностям фашизирующей юстиции Финляндии. Уложение предусматривает следующие наказания: смертную казнь, каторжную тюрьму, тюремное заключение и денежный штраф, а для служащих: смещение с должности и освобождение от служебных обязанностей.

В качестве дополнительных наказаний уложение предусматривает лишение гражданских прав, а для служащих признание непригодности к занятию государственных и общественных должностей.

По уложению 1889 г. казнь применялась по следующим преступлениям: а) убийство или покушение на убийство государя, его жены, наследника и членов царской семьи, б) убийство главы дружественной державы и в) убийство других лиц, с возможностью замены казни в этом только случае пожизненным заключением.

После взятия курса на фашизацию уголовной политики область применения смертной казни была расширена, главным образом в целях борьбы с распространением влияния коммунистической партии.

В настоящее время смертная казнь обязательно, без права замены ее другой мерой наказания, применяется за убийство главы государства или главы дружественной державы. Смертная казнь может быть применена наряду с каторжной тюрьмой: а) к тем, кто добровольно явился с повинной в убийстве главы государства или главы дружественной державы; б) к совершившим какое-либо насильственное действие в отношении главы государства; в) к совершившим убийство и г) к признанным виновными в государственной измене. Этот последний пункт внесен в закон в порядке борьбы с коммунизмом.

Каторжная тюрьма на срок от 6 месяцев до 12 лет или пожизненно, тюремное заключение на срок от 14 дней до 4 мес., а при совокупности преступлений до 6 лет, — эти меры давали полную возможность для разгула белого террора и были поэтому без изменений сохранены в действующем уголовном законодательстве.

Применение денежного штрафа подверглось в 1921 г. изменению. Штраф по закону 1921 г. применяется в форме обязательства уплаты осужденным суммы, равной его обычному заработку в течение определенного срока (до 300 дней). Размер дневного заработка определяется при этом в приговоре суда. Однако он не должен превышать 300 марок. Ясно, что приговор к этой мере, способный окончательно разорить неимущего осужденного и означающий для чего и его семьи голод, с улыбкой будет встречен состоятельным осужденным.

Потеря гражданских прав назначается, в качестве дополнительного наказания, на срок от 1 г. до 15 лет, но может, при совершении преступлений, по которым по закону допускается казнь или пожизненное заключение, принимать пожизненную форму, т. е. по суще-

ству превращаться в так называемую «гражданскую смерть».

Так называемые «меры безопасности» применяются к душевнобольным и бродягам.

Преступления, совершенные в состоянии душевной болезни, исключающей вменяемость, или лицами, невменяемыми вследствие старческого расслабления или по другим причинам, считаются ненаказуемыми. Если суд признает, что такое лицо, совершившее преступление, опасно для общества, он выносит определение о помещении его в общегражданскую больницу для душевнобольных.

Бродягой по закону 9/IV 1883 г. считается всякий здоровый человек, который не имеет средств к существованию, о существовании которого никто не заботится и который скитается с места на место, не работая и ведя порочную жизнь. Бродяги арестовываются и подлежат направлению на работу. Арест производится полицией; направление на работу происходит в административном порядке, первый раз на срок до 12 месяцев, а при рецидиве — на срок от 6 мес. до 3 лет. В случае отсутствия государственных работ, бродяги направляются в местные тюрьмы. Таким образом мера безопасности фактически сводится к лишению свободы.

Разработан проект нового закона о бродягах, значительно расширяющий круг лиц, которые могут быть признаны бродягами.

Проект закона об алкоголиках предусматривает принудительное наблюдение над ними или помещение в специальные учреждения.

В 1935 г. палата представителей одобрила закон о стерилизации идиотов, слабоумных и умалишенных, а также лиц, страдающих патологической сексуальностью и признанных опасными для общества.

Финляндское уголовное уложение предоставляет суду крайне широкие рамки для усмотрения при назначении наказаний.

В санкциях не только устанавливаются минимальные и максимальные пределы наказания, но обычно предусматриваются различные виды наказания. В некоторых статьях специально устанавливаются наказания на случай признания смягчающих или отягчающих обстоятельств.

Следует отметить при этом, что по финляндскому уложению состояние опьянения не только не является смягчающим обстоятельством, но в известных случаях представляет самостоятельный деликт.

Так, например, штрафом наказываются те, кто «появится пьяным на дороге общего пользования, на улице или в другом общественном месте или на собрании и тем вызов недовольство». Специальный закон от 11/VI 1922 г., запрещающий изготовление и продажу спиртных напитков, предусматривает различные наказания за его нарушения.

Вопросам наказания посвящено несколько новелл. Закон от 20/VI 19, дополненный законом 13/V 1932 г., ввел в практику условное осуждение, но обставил его рядом оговорок, снимающих значение этого закона. Так, условное осуждение не применимо к военным преступлениям, оно допускается только при осуждении к штрафу и к лишению свободы на срок до одного года, т. е. при несерьезных преступлениях; оно не может быть применено к лицам, которые в течение 10 лет до совершения последнего преступления были осужде-

ны к тюремному заключению или к каторжной тюрьме — на срок более 6 месяцев и т. д. Испытательный срок устанавливается от 2 до 5 лет по усмотрению суда.

Условность отпадает в силу закона, и приговор механически приводится в исполнение, если осужденный до окончания испытательного срока совершит новое уменьшенное преступление, за которое он будет осужден к каторжной тюрьме или к тюремному заключению на срок не менее 3 месяцев, т. е. при совершении даже самых легких преступлений.

Суду представляется право аннулировать условность и постановить о выполнении приговора в тех случаях, когда новое преступление не было умышленным, или когда условно-осужденный совершил менее значительное преступление, или когда он не совершил нового преступления, но предается пьянству или «беспорядочной жизни», или (по требованию потерпевшего) когда он, несмотря на возложенную на него приговором обязанность, не возмещит причиненного ущерба.

Условно-досрочное освобождение было введено 21/V 1921 г., но изменено законом 9/X 1932 г. Этот закон, направленный преимущественно против революционных деятелей, означал усиление репрессии. Он отменил возможность условно-досрочного освобождения осужденных к пожизненному заключению (по закону 21/V 1921 г. для этих осужденных условно-досрочное освобождение было возможно после отбытия 12 лет). Таким образом, теперь условно-досрочное освобождение допускается только при срочных приговорах. Оно может быть применено только после отбытия двух третей срока приговора. Условно-досрочное освобождение предоставляется министерством юстиции. Испытательный срок для условно-досрочно освобожденных равняется неотбытой части приговора плюс один год, но не должен превышать 5 лет (в исключительных случаях 7 лет). Во время испытательного срока осужденный должен находиться под систематическим надзором определенного лица, какой-либо общественной организации или полиции.

Заслуживает упоминания закон от 28/II 1930 г. об усилении тяжести лишения свободы, вводящий меру, напоминающую «пенитенциарный пост» в германских фашистских проектах нового уголовного уложения. По этому закону, при сроках наказания до шести месяцев, лишение свободы отбывается с усилением его тяжести, но с тем, что один день такого лишения свободы засчитывается за 5 дней срока приговора. При осуждении к любому сроку за преступления, связанные с насилием, жестокостью или корыстью, суд может указать в приговоре, что часть срока, но не больше 6 дней, отбывается с усилением тяжести лишения свободы. Усиление тяжести заключается в том, что заключенный получает вместо обычного питания только хлеб, воду и соль. После отбытия одной трети срока в таких условиях, и во всяком случае после 20 дней, заключенный получает дополнительное питание, а именно 200 гр снятого молока (не более чем с 1% жира) и 20 гр маргарина к завтраку и обеду.

Особенная часть уложения 1889 г. начинается главой о религиозных преступлениях. Мрачным изуверством веет от этой главы. Тяжелые наказания предусматриваются здесь за святотатство, за «оскорбление святого слова», «святых

таинств» или обычаев какой-либо религии из числа признанных в Финляндии, разрешенных или терпимых. Совершение любого преступления в «субботное время» (с 6 часов утра до 6 час. вечера по воскресеньям и церковным праздникам) является отягчающим обстоятельством. Законом от 10/IV 1921 г. суровые правила о религиозных преступлениях были несколько смягчены.

Лицемерия и ханжества полны статьи уложения 1889 г. о половых преступлениях. Достаточно для их характеристики указать, что наказуемым является простое половое сношение между лицами, не состоящими в браке (штраф в 40 марок для мужчины и 20 марок для женщины). Только заключение брака освобождает от наказания виновных в «незаконных» половых сношениях.

Законы от 5/II 1926 г. и 28/I 1927 г. значительно расширили число составов половых преступлений, в особенности в отношении сводничества, совершения безнравственных действий в присутствии детей и др.

Этот же закон расширил число составов преступлений, направленных против свободы отдельных лиц. Он ввел наказание за торговлю женщинами, причем наказуема, как правило, только торговля несовершеннолетними. Для наказуемости торговли взрослыми женщинами требуется насилье, принуждение или использование зависимого положения.

В главе о преступлениях против личности обращает на себя внимание заимствованное из германского и царского уголовного уложения различие между убийством с заранее обдуманым намерением и убийством, хотя и умышленным, но совершенным без заранее обдуманного намерения. К этому последнему виду убийства приравнивается неумышленное причинение смерти, последовавшее в результате тяжелых увечий или по небрежности и неосторожности. Наказание — смертная казнь или пожизненное заключение.

Смягчающим обстоятельством при убийстве без заранее обдуманного намерения является тяжелое оскорбление или особо насильственные действия со стороны убитого, вызвавшие гнев убийцы. Смягчающим при причинении смерти в результате увечий является то обстоятельство, что преступник не мог ожидать наступления смерти в результате своих действий.

Увечья разделяются уложением 1889 г. на три вида: а) тяжелые увечья, вызвавшие потерю речи, зрения или слуха, тяжелое искажение или какой-либо тяжелый физический недостаток, длительное повреждение здоровья или опасную для жизни болезнь; б) увечья, повлекшие менее тяжелые повреждения, физический недостаток или болезнь; в) увечья, причинившие легкие повреждения или даже не причинившие никаких последствий.

Большое место уделяет уложение 1889 г. преступлениям против имущества.

Кража разделяется уложением на два вида: на кражу с суммой похищенного до 20 марок (по закону 21/V 1921 г., в виду обесценения финской марки, эта сумма повышена до 200 марок) и свыше 20 [200] марок. Кража на сумму до 20 [200] марок наказывается штрафом. Но закон предусматривает большее число исключений для различных квалифицированных случаев таких мелких краж. Всей тяжестью обрушивается уложение 1889 г. на совершивших

кражи в сумме более 20 [200] марок. Здесь легчайшее наказание — это тюремное заключение на разные сроки. В квалифицированных случаях — каторжные тюрьмы. Самостоятельным деликтом является кража со взломом.

Широкую защиту дает уложение 1889 г. помещикам от всяческих покушений на их земельные владения со стороны трудового крестьянства. С этой целью создано понятие противозаконного пользования землей. Это всеобъемлющее понятие охватывает самые разнообразные наказуемые действия: повреждение имущества на чужой земле, незаконное возведение постройки на чужой земле, незаконное занятие чужой земли, похищение предметов, которые являются принадлежностью чужого земельного участка или произрастают на чужой земле, действия арендаторов, исполщиков и др., нарушающие интересы землевладельца, и т. д.

Из законодательных новелл заслуживают особого внимания так называемый закон о коммунистах, изданный после фашистского переворота 23/1 1932 г. Ни для кого не является секретом, что именно для облегчения возможности борьбы с левым рабочим движением, находящимся под руководством коммунистической партии, законом понятие «государственная измена» было настолько расширено, что оно дало возможность любого члена любой нелегальной партии судить, на основании закона о коммунистах, за государственную измену. Для того чтобы дать суду возможность обрушивать всю тяжесть репрессии на работников компартии, закон 1931 г. считает наказуемой подготовкой к государственной измене: 1) присоединение к организации, преследующей задачу государственной измены (конечно, такой организацией считается компартия), или помощь таким организациям; 2) участие в таких организациях; 3) восхваление государственной измены или распространение произведений, которые подстрекают к государственной измене, готовят ее или восхваляют; 4) всякое иное умышленное содействие государ-

ственной измене посредством слова или другим путем.

Тягчайшие наказания — вплоть до смертной казни — делают закон о коммунистах наиболее острым орудием в руках буржуазии, направленным против всех революционных партий, и в особенности против компартии.

Задачами борьбы с антифашистским и революционным движением служат также многочисленные новые законы о преступлениях против власти и общественного порядка (16/IV 1919 г., 6/II 1931 г., 13/V 1932 г. и др.).

В этих законах, наряду с угрозой тяжелыми наказаниями за удержание военнообязанных от явки к призыву, скрывание оружия заключенными (?), побег заключенного, оскорбление финляндского флага, герба и даже публично выставленных собраний законов, можно найти суровые наказания за такие действия, как неуважительные отзывы о правительстве, о народном представительстве, о начальстве и т. п. «политические оскорбления».

Большим изменениям подверглось и военно-уголовное право.

На место материально-правовых статей старого военно-уголовного закона 16/VIII 1886 г. был издан 30/V 1919 г. новый уголовный закон для армии. Закон состоит из 18 глав и 166 статей. Закон относится только к чисто военным преступлениям.

Имеется и специальный закон о военном судостроительстве и судопроизводстве от 16/IV 1920 г. Издан также дисциплинарный устав для армии (23/IV 1920 г.) и закон о судах чести и армии (30/VI 1919 г.).

Специальный закон от 29/V 1931 г. посвящен уголовной ответственности лиц, которые в силу убеждений отказываются от военной службы. Эти лица по законам Финляндии направляются на принудительные государственные работы. Они привлекаются к уголовной ответственности за неисполнение приказа о явке и других приказов, за небрежную работу, за непослушание или за неподобающее поведение. Эти преступления подсудны общим судам.

В институте уголовной политики

Крупным событием в жизни института явился доклад прокурора Союза т. А. Я. Вышинского на тему: «Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе». Доклад, посвященный одному из узловых вопросов советского уголовного процесса, критически острый против ошибочных положений, которые содержались в ранее прочитанных докладах М. М. Гродзинского и М. С. Строговича на ту же тему, вызвал огромный интерес в широких кругах судебно-прокурорских и научных работников, переполнивших Красный зал Прокуратуры Союза.

Мы дадим краткий отчет как о самом докладе, так и о развернувшихся по докладу прениях.

Расчищая себе путь к построению теории оценки доказательств в советском уголовном процессе и к выяснению сущности и роли внутреннего судебного убеждения, т. А. Я. Вышинский начал с критики ошибочных установок по этим вопросам М. М. Гродзинского и М. С. Строговича, отрицавших роль судебного убеждения.

Тов. А. Я. Вышинский указал на то, что эти ошибки вытекают из недооценки значения в судебной работе субъективного начала, из недооценки роли судьи, как личности, как носителя определенных общественно-политических идеалов, из недооценки роли социалистического правосознания, как основного источника су-

дейского убеждения в нашем социалистическом советском государстве.

М. М. Гродзинский предлагал выбросить термин «внутреннее убеждение» из нашего УПК. Тов. А. Я. Вышинский показал, что речь идет не о термине, а о самом принципе оценки доказательств по внутреннему убеждению. М. С. Строгович выдвигал положение, условно названное им «теорией объективизации доказательств». Он сохранил термин: внутреннее убеждение, но, выхолащивая его действительную, творчески-активную роль, утверждал, что внутреннее убеждение — не критерий оценки доказательств, а результат оценки доказательств. Вместе с тем М. С. Строгович не мог указать, что же является критерием оценки доказательств.

М. М. Гродзинский, утрачивая историческую перспективу, смешивая явления расцвета классического буржуазного уголовного процесса с явлениями его позднейшего распада, его фашизации, упустил из виду, что принцип внутреннего судейского убеждения — одно из основных завоеваний буржуазной судебной демократии — буржуазия выдвинула, когда шла к власти как революционный в то время класс, противопоставив внутреннее убеждение формальной теории доказательств, которая господствовала в старом инквизиционном, розыском процессе полицейского феодального государства.

По мнению М. М. Гродзинского, принцип внутреннего убеждения органически связан с буржуазным уголовным процессом и от него неотделим, выполняя функцию «освобождения судьи от оценки доказательств», предоставляя судье «свободу действия» в последнем и решающем этапе доказывания — в оценке доказательств. «Для развязывания рук буржуазному судье — это внутреннее убеждение объявляется иррациональным, результатом его безотчетного душевного состояния, не могущего подлежать анализу». Словом, как замечает А. Я. Вышинский, выходит, что нам не по пути с этим внутренним судейским убеждением.

Тов. Вышинский говорит: «Здесь у Гродзинского путаница, тем более досадная, что вообще Гродзинский мыслит достаточно логически и марксистски выдержанно. Если какое-нибудь явление наполнено в своем историческом развитии буржуазным содержанием, то надлежит, будто бы, выбросить это явление в сторону, отбросить весь этот инструмент, не пользоваться им потому, что на нем лежит клеймо буржуазного проклятия, т. е. вместе с водой выплескивают и ребенка. Вместо того чтобы очистить этот принцип от буржуазного содержания, дать ему совершенно новое наполнение иным политическим содержанием, Гродзинский решает вопрос гораздо проще — он просто предлагает вычеркнуть из уголовного процессуального кодекса это внутреннее убеждение, прикрывая это требование тем, что оно касается якобы термина».

«Внутреннее убеждение» в буржуазном понимании, по мнению М. М. Гродзинского, тесно связано с теорией «процессуального агностицизма», с подменой достоверности высокой степенью вероятности. М. М. Гродзинский пишет: «Система» свободного убеждения, как она рисуется в буржуазном процессе, признает невозможность получения объективно достоверных выводов в результате судебного расследования. Принцип свободного действия суда

в советском процессе имеет совершенно другое положение. Советский уголовный процесс не может рассматривать судебную достоверность только как высокую степень вероятности. Задача советского суда заключается в том, чтобы стремиться к отысканию объективной истины в процессе».

Если достоверно правильны те выводы, которые, как содержащие в себе объективную истину, являются в данном случае единственно возможными, то это — основное положение суда, поэтому термин «внутреннее убеждение» не отражает специфики оценки доказательств в нашем процессе, а наоборот — доказывает специфику буржуазной оценки».

По этому поводу т. А. Я. Вышинский указывает, что это «утверждение прямо политически вредное, которое внушает мысль, что убеждение существует только в буржуазном процессе. Только, будто бы, там — убежденный судья. А в нашем советском процессе? У нас выносится приговор не на основании убеждения судьи, а на каком-то другом основании, потому что приговор все-таки выносится?»

Окончательно теряя почву под ногами, М. М. Гродзинский утверждает: «Мы должны говорить не о внутреннем убеждении, а об анализе доказательств, производимым судьей на основе социалистического правосознания».

По этому поводу А. Я. Вышинский говорит: «Поймите теперь, что может! Социалистическое правосознание признается, потому что нельзя советскому профессору выйти и сказать: «давайте выбросим из процесса социалистическое правосознание»... «социалистическое правосознание оставим, а внутреннее убеждение выбросим. Однако этим мы выбрасываем и социалистическое правосознание, потому что, если правильно разобораться в этих вещах, то внутреннее убеждение судьи в нашем процессе есть его социалистическое убеждение, это есть убеждение, вытекающее из социалистического правосознания. И те, кто говорят: социалистическое правосознание оставим, а внутреннее убеждение выбросим, — те прикрывают действительную попытку выбросить социалистическое правосознание из процесса».

М. С. Строгович полагает, что теория внутреннего убеждения как критерия оценки доказательств для советского уголовного процесса неприемлема, что советскому уголовному процессу присущ иной принцип оценки доказательств, который условно может быть назван принципом объективизации оценки доказательств.

Таким образом, как подчеркивает А. Я. Вышинский, М. С. Строгович «недоволен принципом внутреннего убеждения, он хочет перевести работу судьи, когда он оценивает доказательства, на какую-то объективную почву, не зависящую от сознания судьи».

Однако отсюда нет иного пути, как возврат к старой, давно похороненной теории формальных доказательств.

Тов. Вышинский доказывает, что т. Строгович упрощенно излагает взгляды буржуазных процессуалистов К. Случевского и И. Фойницкого. Нигде названные процессуалисты не защищают взгляда, будто буржуазный суд решает дела или должен решать «по впечатлению», как это утверждает т. Строгович.

Точно так же т. Вышинский оспаривает утверждение тт. Строговича и Гродзинского, что буржуазные процессуалисты, как, например,

развивают теорию «процессуального агностицизма».

Т. Строгович и Гродзинский, — говорит т. Вышинский, — упрощают точку зрения буржуазных процессуалистов, они приравнивают внутреннее судебное убеждение к судебному произволу. Между тем, например, Случевский говорит: «В самих уголовных доказательствах можно найти некоторые признаки, в свою очередь приводящие к заключению, что оценка уголовных доказательств не имеет ничего общего с произволом, а необходимо предполагает соблюдение судей некоторых правил и доказательств».

Теория внутреннего убеждения, — подчеркивает т. Вышинский, — не только не исключает некоторых правил и доказательств, но, наоборот, она обусловлена этими правилами и доказательствами.

Ошибки Строговича, по мнению т. Вышинского, как и ошибки Гродзинского, ведут свое начало от Ферри, который хотел выбросить внутреннее судебное убеждение. Ферри тоже пытался объективировать доказательства, судью заменить сфигмографом и атропометрической линейкой. В своей знаменитой периодизации уголовного процесса Ферри назвал буржуазный процесс «сентиментальной фазой». А. С. Тагер вслед за Ферри тоже проповедывал теорию «объективизации» в отношении свидетелей: свидетель должен сначала поступить в руки экспертов и затем с клеймом годности или негодности быть передан на распоряжение суда. Словом, на свидетеле должна быть пломба, как на ветчине, поступающей с фабрики в магазин для продажи.

Ошибка противника внутреннего судебного убеждения вытекает, по мнению т. Вышинского, также из неправильной постановки вопроса об абсолютной и относительной истине.

Поднимая свой доклад на большую теоретическую высоту, т. Вышинский дает развернутый анализ того, как проблема абсолютной и относительной истины ставится в учении Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, и показывает, как применить эту теорию к судебной действительности, к проблеме оценки и роли доказательств, к принципу внутреннего судебного убеждения.

Заканчивая этот анализ, т. Вышинский говорит: «Хороший пуддинг или нет? Как вы узнаете? Когда вы его скушаете. Объективное качество этого пуддинга познается через ваши вкусовые ощущения. Значит ли это, что качество пуддинга зависит от моих вкусовых ощущений. Нет, не значит, и было бы бессмысленным утверждать, что качество доказательств зависит от моего понимания доказательства хорошим или плохим».

И в другом месте: «В чем ошибка наших противников (Строгович между прочим в своем выступлении зачислил меня в ряды буржуазных процессуалистов, а я говорю, что и в наших рядах нашелся круг людей, которые идут на поводу у Ферри)? Они говорят нам: вы хотите внутреннее убеждение сделать критерием оценки доказательств; вы попадаете в заколдованный круг. Никакого заколдованного круга нет. Заколдованный круг для тех, кто не мыслит диалектически, которые мыслят механистически, которые разывают эти понятия, отделяют субъективное от объективного, не понимают того, что доказательство как вещь проходит перед моим сознанием и является

почвой, на которой формируется мое сознание».

«Проверить убеждение судьи в одних случаях можно, в других нельзя». «Для того чтобы оценить качество свидетеля, надо этого свидетеля переварить». «Поэтому теория внутреннего убеждения не противоречит ни в какой мере материализму — марксизму». «С точки зрения диалектического материализма только и можно познать вещь, познание которой осуществляется через использование этой вещи, овладение этой вещью, постановкой этой вещи на службу себе в уголовном процессе». «Я могу познать истину, овладев доказательствами, проанализировав доказательства, отбросив при помощи своего анализа ложное, отделив его от справедливого и истинного, использовав для своего решения то, что мне является истинным, отметая то, что мне истинным не кажется, что мне кажется ложным в анализе доказательств, вытекающем из внутреннего судебного убеждения. Только так можно мыслить этот процесс. Иначе мыслить нельзя. Иначе будет не диалектический, а механический подход к вопросу, иначе будет не решение вопроса, а путаница». Поставить вопрос иначе — значит выхолостить из работы судьи его живую душу, лишить его живой, настоящей творческой работы. Это значит прервать наш суд в канцелярии.

Внутреннее убеждение в буржуазном суде — это лицемерие, это обман масс, потому что внутреннее убеждение должно иметь свободного судью, должно иметь элементы действительной общественности в суде, мобилизовать эту общественность вокруг дела. Именно эти элементы налицо у нас, и вот почему именно здесь должно торжествовать начало внутреннего судебного убеждения.

В основе приговора лежит правосознание каждого господствующего класса.

«Что такое социалистическое правосознание?» спрашивает т. Вышинский и отвечает: «Социалистическое правосознание — это сознание в нашей области права о задачах социалистического строительства и социалистической борьбы. Именно это сознание не висит как-то отвлеченно в воздухе, а является почвой, на которой мы стоим и из которой впитываем реальные жизненные силы для реальной жизненной борьбы. Поэтому нашу борьбу нельзя отделять от социалистического правосознания. Это есть светоч, который освещает каждый шаг нашей жизни и нашей деятельности. И с точки зрения этого правосознания мы оцениваем факты, оцениваем явления действительности, определяем наши позиции в борьбе за наши идеалы и против идеалов наших врагов. Если с точки зрения нашего правосознания мы избираем формы и методы нашей борьбы, то можно ли исключить из этого правосознания ту важнейшую часть, которой является убеждение того или другого решения в судебном деле».

Идеология определяет деятельность судьи, она подсказывает, чему верить и чему не верить. Внутреннее убеждение играет роль и при оценке доказательств, и при выборе наказания, и при применении аналогии.

К чему ведет отказ от внутреннего убеждения как критерия, как способа оценки доказательств? — спрашивает тов. Вышинский и отвечает: «Несомненно этот отказ ведет к сужению творческой деятельности судьи, а это

неизбежно должно было повлечь за собою внесение в такую важную и сложную область судебной работы, которая заключается в оценке доказательств, признаков формального порядка, которые связывают волю и деятельность судьи. Это положение стоит в прямом противоречии с требованиями нашей эпохи». С другой стороны, чем свободнее судья в оценке явления, тем более он должен быть подготовлен к тому, чтобы уметь пользоваться этой свободой.

Попытка вычеркнуть внутреннее убеждение является ослаблением самой ответственности судьи, как свободомыслящего человека.

«Мы хотим предоставить, — говорит т. Вышинский, — судье возможно больший в наших условиях простор судебной деятельности, чтобы он умел лучше понимать и применять советский закон по своему убеждению и по своей социалистической совести, в соответствии со своим пониманием задач советского правосудия, которое стоит на страже охраны советского государства, социалистического строительства, всех трудящихся, всех граждан нашей великой, счастливой и радостной страны».

«Если мы требуем от каждого служащего величайшей политической сознательности и ответственности, которая глубиной пропасти отделяет его от старого чиновника, то в отношении советского судьи, занимающего особо ответственный пост на нашем политическом фронте, мы это требование ответственности и политической сознательности должны предъявлять в максимальной степени. Надо предоставить судье на основе закона, в соответствии с законом, действовать согласно своему социалистическому внутреннему убеждению».

Таковы были главные отправные пункты доклада А. Я. Вышинского.

Доклад вызвал оживленные прения и обширное заключительное слово докладчика.

А. С. Тагер, не возражая против положений доклада, указал, что доклад т. Вышинского явился важным этапом на этом пути, как посвященный одной из узловых процессуальных проблем.

По мнению т. Тагера, оценка и собирание доказательств — исследовательский процесс. Оценка доказательств не специфически судебский метод. Ограничено ли чем-либо внутреннее судебское убеждение? Оно ограничено источником познания, на материале которого построено. Внутреннее убеждение — это правосознание судьи, запас его знаний, его опыт. Нужно так организовать работу судьи, чтобы дать ему возможность максимально охватить материал, который должен лечь в основу его судебного убеждения, являющегося одновременно критерием и результатом оценки доказательств.

Именно потому, что работа суда — творческая, нужно бороться со всякими проявлениями рутины, трафарета, бездушно механических установок. Некоторые судьи в приговоре переписывают чуть ли не дословно обвинительное заключение, показывая этим, что они не понимают самой сущности поставленных перед ними задач.

Приговор суда должен быть творческим отчетом в большой проделанной судом работе, отображая ход его мыслительного процесса. Приговор должен быть ясен. Нелепые приговоры неясны прежде всего самому судье. Точно так же и подсудимому и окружающим при та-

ких условиях остается неясным, за что и почему он осужден. Внутреннее судебское убеждение тесно связано с поднятием качества судебской работы, ставит проблему подготовки судей. В нем должны быть с особой силой подчеркнуты не только интеллектуальные, но и волевые моменты. Суровая самокритика и чувство ответственности должны стать неизбежными спутниками той свободы, которая связана с творческой активностью суда. Объективная убедительность приговора — не менее важный момент, чем субъективная убежденность суда: они диалектически связаны друг с другом, и чем полнее развернулась творческая активность суда, чем лучше организована его работа, чем выше его подготовка, тем убедительнее и полнее выносимые им приговоры.

Тав. Чельцов-Бебутов посвятил свое выступление в значительной части самокритике, признанию своих ошибок, допущенных им в его учебнике уголовного процесса, которые ему стали сейчас ясны. Ошибки его идут и по линии непонимания проблемы относительной и абсолютной истины, и по линии недооценки внутреннего убеждения, и по линии недостаточной критики феррианства.

Проф. Чельцов-Бебутов, автор интересной брошюры «Анатоль Франс как криминалист», привел ряд любопытных выдержек из произведений этого автора в подтверждение того, что буржуазия отнюдь на практике не отказалась от теории формальных доказательств. В рассказе «Кренкебиль» имеется остроумное место, иронически объясняющее, почему буржуазный суд в деле уличного торговца Кренкебиля не поверил доктору Давиду Матве, который говорил правду, а поверил, полицейскому, бляха № 64, который явно лгал. Для буржуазного суда «объективация доказательств» заключалась именно в признании непогрешимости полицейского, бляха № 64, если его «взять, как сущность».

Острая сатира Анатоля Франса ярко разоблачает лживость и лицемерие буржуазного суда, попирающего на деле провозглашаемые им в теории принципы, в том числе принцип судебного убеждения.

В своем выступлении А. Е. Брусиловский указал, что формула М. С. Строговича: «внутреннее убеждение — не критерий, а результат оценки доказательств» не отвечает на вопрос, что же является критерием оценки доказательств, и потому М. С. Строгович, — хочет ли он этого или не хочет, — вынужден идти вспять к давно похороненной теории формальных доказательств. К этой теории, действительно, постепенно скатывается буржуазный суд с его полицейским, бляха № 64, феррианскими сфигмографами и арифмометрами, с ломброзианскими измерительными приборами и «стигматами преступности», с фашистскими «презюмциями» опасного состояния (ср. итальянский УК 1930 года).

Наоборот, если формулу М. С. Строговича изменить таким образом, что «внутреннее убеждение является критерием и результатом оценки доказательств», — то все становится ясным и простым.

А. Е. Брусиловский полагает, что ни в одном из трех докладов не было уделено достаточного внимания систематическому изложению взглядов антропологов и «позитивистов» на теорию уголовного процесса. Антропологическая и «позитивная» школа, эта попытка идео-

логического оформления реакции в уголовной политике, создала большую литературу по теории уголовного процесса. Проанализировать эти взгляды было особенно обязательно для М. М. Гродзинского и М. С. Строговича, и, если бы эта работа была проделана ими, она, быть может, предохранила бы их от их ошибок.

Сразу бы стал ясен истинный смысл мнимого расширения роли научной экспертизы в уголовном процессе, что в свое время соблазнило М. М. Гродзинского и М. С. Строговича. Не подлежит сомнению, что принцип внутреннего убеждения, сменивший формальную теорию доказательств, является одним из ценных завоеваний буржуазной судебной демократии. Буржуазия провозгласила этот принцип как революционный в то время класс. Тт. Гродзинский и Строгович утратили историческую перспективу и смешали теорию классического уголовного процесса с ее разложением при фашизме.

Теории «процессуального агностицизма», или даже правильное «процессуального цинизма», — явления загнивания теории буржуазного процесса. Как яркие образцы такого процессуального цинизма — проповеди осуждения заведомо невиновных, но неудобных фашистскому режиму людей.

Буржуазия очень скоро начала искать правок к своей теории «внутреннего убеждения», стеснявшей ее на практике. Особенно много хлопот ей доставлял суд присяжных, как инструмент, играть на котором, добиваясь желательных приговоров, часто бывало затруднительно. Суживался объем компетенции этого суда, вводились цензовые рогатки. А между тем, суд присяжных являлся именно точкой приложения «внутреннего убеждения» в классическом смысле.

Ф. Энгельс прекрасно показывает, как коронный судья-председатель, прикрываясь внешним «объективизмом», «подсовывает» присяжным нужный приговор. Этот судья-чиновник вовсе не руководится «внутренним убеждением», а видами начальства, и эти виды начальства умело навязывает присяжным.

Между «немотивированным» внутренним убеждением присяжных в буржуазном суде, подсунутым им коронным судьей-чиновником, и внутренним убеждением советского судьи, который всегда мотивирует свои приговоры, имеется глубочайшее принципиальное различие. Правильный приговор советского суда, построенный на глубоком внутреннем убеждении в своей правоте, всегда убедителен и для окружающих.

Вот почему т. Вышинскому нужно было в большей степени, чем это сделано, остановиться на проблеме мотивировки приговора, приведя ее в связь с проблемой внутреннего убеждения. Мотивировка приговора, как метод оформления и проверки внутреннего убеждения, как способ объективизации этого внутреннего убеждения во вне, заслуживает большего внимания, чем ей было уделено. Точно так же нужно было более подробно остановиться на проблеме научной экспертизы, которая, не снимая внутреннего убеждения суда, в какой-то мере для него обязательна: он может ее отвергнуть, только мотивируя свое несогласие (опять проблема мотивировки).

И. Д. Ильинский полагает, что нельзя говорить о полной свободе внутреннего убежде-

ния: этому внутреннему убеждению поставлены весьма заметные пределы. И. Д. Ильинский ссылается на примечание к ст. 63 нашего УПК, которое гласит: «вызов эксперта обязателен для установления причин смерти и характера телесных повреждений, а также для определения психического состояния обвиняемого и свидетеля, когда у суда или следователя возникают по этому поводу сомнения». В этих случаях, по мнению т. Ильинского, положены пределы свободному убеждению суда. При этом наш процесс знает и экспертизу свидетельских показаний, а такая экспертиза также ограничивает свободу внутреннего убеждения. Таким образом, возможно положение, при котором свидетель сначала пройдет через экспертизу, а затем уже «поступит» в суд. Экспертиза показаний малолетних и несовершеннолетних также в какой-то степени связывает суд. Поэтому И. Д. Ильинскому кажется, что в построениях М. С. Строговича имеется какая-то правильная мысль, хотя неправильно им формулированная, мимо которой прошел т. А. Я. Вышинский.

Проф. Н. Н. Полянский полагает, что хотя высказывания т. Строговича по вопросам доказательственного права заслуживают положительной оценки, тем не менее т. Строгович сам дал повод своими неосторожными формулировками для направленной против него остроумной филиппики А. Я. Вышинского.

Суть разногласия между тт. Строговичем и Вышинским заключается в том, что, по формуле т. Строговича, «убеждение судьи имеет свой критерий для оценки доказательства и этот критерий коренится в объективном качестве доказательственного материала», тогда как, по мнению т. Вышинского, внутреннее убеждение само является критерием оценки доказательств.

По мнению оппонента, нельзя согласиться ни с той, ни с другой точкой зрения.

Что такое критерий? — спрашивает оппонент и отвечает: критерий — масштаб оценки, как таковой; он непременно заключает в себе некоторую общую мерку. Индивидуальное никогда не может быть критерием. Уже по одному этому индивидуальные свойства доказательств никогда не могут быть критерием. Имея, очевидно, это в виду, т. Строгович говорит об «объективном» качестве доказательств. Но что такое «объективное качество». Ведь всякое качество, например свидетеля, всегда субъективно, и объективным мы можем его назвать только в том случае, когда оно возводится на степень объективного критерия, т. е. когда тому или другому качеству придается некоторое общее значение («свидетель говорит неправду, если он перемывается с ноги на ногу») ... Так не думает, конечно, докладчик, но такой вывод неизбежно вытекает из его тезиса. Судья как раз нуждается в критерии оценки доказательства, т. е. его качества (его доброкачественности или порочности), а т. Строгович предлагает именно качество доказательства принять за его критерий. Явный заколдованный круг, из которого выход только через теорию формальных доказательств.

По мнению проф. Полянского, в иную ошибку попадает т. Вышинский.

Убеждение, которое складывается у судьи относительно того или другого доказательства, — это результат применения некоторого усвоенного им критерия к доказательствам. Этот критерий заключается в правосознании судьи, в

данных его опыта, в его общих знаниях и представлениях. Но как внутреннее убеждение судьи относительно достоверности или, напротив, недостоверности доказательства может быть своим собственным критерием? Критерий должен быть у судьи раньше, чем сложится его убеждение относительно ценности того или другого доказательства, подобно тому, как покупатель приходит к убеждению относительно добротности или, напротив, непригодности предлагаемого ему товара на основании некоторого критерия, который дается ему опытом, наставлениями сведущих людей или даже наукой товароведения.

Н. Н. Полянскому кажется, что у М. С. Строговича нет вполне определенного представления о том, что он называет «объективизацией процесса». То под объективизацией разумеется требование, чтобы за критерий оценки доказательства принималось его объективное качество; то объективизация им сближалась с технизацией процесса, отчего, впрочем, он отказался, и правильно отказался; то, наконец, требование объективизации процесса отождествляется с требованием объективной убедительности приговора, что кажется совершенно элементарным; то объективизация процесса сводится им к установлению известных правил отбора и рассмотрения доказательственного материала в совещательной комнате.

Ценность того, что т. Строговичем уже напечатано по вопросам доказательственного права, проф. Полянский видит, во-первых, в данном впервые, хотя и очень сжатом, марксистском объяснении смены системы формальной оценки доказательств системой внутреннего убеждения и, во-вторых, в настойчивом отстаивании мысли, что советская судебная практика по вопросам доказательственного права должна быть подвергнута тщательному изучению и обобщению в целях извлечения из нее уже выработанных руководящих начал для работы суда по рассмотрению и оценке доказательств.

Н. О. Лаговьер по всем основным вопросам согласен с докладчиком, но и ему кажется, что в высказываниях т. Строговича имелась какая-то правильная мысль, которая идет по линии высоких требований, предъявляемых к качеству судебной работы (что впрочем ярко было обрисовано и в докладе т. Вышинского), к убедительности и серьезности приговора. Конечно, убедительность приговора совершенно не связана с мнимой «объективизацией доказательства», как это думает Строгович, но заслуга т. Строговича заключалась в том, что, поставив проблему внутреннего убеждения (хотя неправильно ее разрешив), он вместе с тем поставил и вопрос об убедительности приговора.

Проф. М. С. Строгович выступал два раза: в первый раз непосредственно после доклада, второй — после разгневанных по докладу прений. Во втором выступлении М. С. Строгович в значительной степени сдал свои позиции, выразив готовность признать, что «внутреннее убеждение судьи является и критерием и результатом оценки доказательств». Вместе с тем т. Строгович горячо протестовал против того, что он находится на феррианских позициях.

Своей заслугой т. Строгович считал постановку проблемы «внутреннего убеждения», вызвавшую ответный доклад А. Я. Вышинского и позволившую внести ясность в вопрос. Ему

кажется, что между выступлением т. Вышинского по его, Строговича, докладу и самим докладом имеется известное различие: т. Вышинский в своем докладе с большей четкостью, чем в своем первоначальном выступлении в качестве оппонента Строговичу, подчеркнул, что свободное внутреннее убеждение судьи отнюдь не безконтрольно. Однако ему кажется, что в концепции т. Вышинского имеются некоторые черты субъективизма, которые, как он опасается, могут быть неправильно истолкованы.

В своем заключительном слове А. Я. Вышинский не только ответил всем своим оппонентам, но еще дополнил и подробно развил свои положительные построения.

А. С. Тагеру А. Я. Вышинский указал, что т. Тагер обошел молчанием главное, о чем хотелось бы выслушать его мнение, а именно брошенные ему в докладе обвинения в феррианстве. Доклад т. Тагера в институте о «судебной психологии» показал, что т. Тагер не усвоил основные марксистски-ленинские установки в науке уголовного права и процесса. Тов. Тагер в своем докладе не только предлагал подвергать экспертизе каждого свидетеля, но даже подвергать экспертизе и судей. Тов. Тагеру следовало бы учесть пример проф. Чельцова-Бебутова и заняться прежде всего самокритикой, осознанием и исправлением допущенных им ошибок.

Проф. Чельцов-Бебутов пошел по правильному пути, хотя, по мнению т. Вышинского, далеко не коснулся всех своих ошибок.

Цитата, которую т. Брусиловский привел из Ф. Энгельса, бьет его самого. Судья-председатель не мог бы навязать присяжным своею мнению, если бы цензовые буржуазные присяжные не сделали этого мнения своим убеждением: буржуазно-классовый суд присяжных потому и выносит «подсунутый» ему приговор, что он с ним согласен, что он разделяет точку зрения судьи-председателя, понимает и одобряет политический смысл своего приговора. Присяжные не мотивируют своего приговора, но этот приговор отнюдь не безмотивный, как пытается его изобразить т. Брусиловский. Неверно, что только приговоры советского суда носят «рациональный» характер: буржуазный суд прекрасно видит, чего он хочет; с его точки зрения его приговоры не менее рациональны.

И. Д. Ильинский не прав, когда приписывает докладчику, что, будто бы, он стоит за абсолютную свободу судейского убеждения в смысле полной безконтрольности. И. Д. Ильинский совершенно извратил смысл примечания к ст. 63 УПК. По этому примечанию суд обязан в некоторых случаях допустить экспертизу, а вовсе не признать ее правильной: экспертизу, как всякое другое доказательство, суд оценивает по «внутреннему убеждению». Экспертиза свидетеля обязательна только в случае его неполноценности, выяснение которой требует специальных знаний. Это вовсе не то, что, например, предлагает А. С. Тагер, настаивая на экспертизе любого свидетеля. Возражения И. Д. Ильинского бьют мимо цели.

Несогласен тов. Вышинский и с проф. Полянским: он все же остается на своей точке зрения, что критерий оценки доказательств — внутреннее убеждение судьи, вырастающее по конкретному делу из более широкого его общего социалистического правосознания.

В заключение т. Вышинский яркими красками рисует высокую роль советского судьи в нашем бесклассовом социалистическом обществе, облеченного всей полнотой доверия, решающего дело по своему убеждению и по своей совести. Работа судьи — творческая, активная, политически ответственная работа, и никакая

«объективизация» доказательств не будет и не должна быть ему навязана.

В конце своего выступления т. Вышинский указал на важную проблему «пределов кассационного обжалования», которую не поставил никто из его оппонентов, хотя она вытекала из доклада. Этой проблемой придется заняться институту в ближайшую очередь.

ПО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМ ЖУРНАЛАМ

1. ПОИСКИ СЛЕДОВ ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ

Каждый производящий расследование должен быть знаком с теми особенностями, которые возникают для него при расследовании дел, где подозревается отравление.

Прибыв на место преступления, относительно которого возникло подозрение об отравлении, следователь должен обратить особое внимание на пищу, напитки, молоко, кофе, лекарство — жидкое и в виде порошков, на воду, в какой бы посуде она ни находилась, на посуду, бутылки, чашки, стаканы и т. п.

В протоколе осмотра необходимо отметить, где и в каком положении был найден каждый из предметов этого рода. При этом следователь не должен упускать из виду, что на посуде могут быть отпечатки пальцев, и должен стараться не повредить их.

Подозрительные жидкости не должны быть, без крайней необходимости переливаемы из тех сосудов, в которых они найдены. Следует принять все меры к тому, чтобы доставить их эксперту в том виде, в каком они были обнаружены.

При осмотре помещения надо зафиксировать следы мочи, кала и рвоты, могущие оказаться на полу, на одежде, белье и т. д.

Необходимо также обращать внимание на следы, иногда оставляемые посудой на полу и на полках; по этим следам можно сделать заключение, где стояла эта посуда и не переставлялась ли она недавно.

Если следователь застанет потерпевшего еще живым, он должен до прибытия врача попытаться добыть следующие сведения: 1. Рвота и испражнения — сколько раз. 2. Была ли кровь в рвоте. 3. Судороги. 4. Сонливость или тяжелый сон. 5. Лихорадочное состояние. 6. Расширение зрачков или сужение зрачков. 7. Жжение в груди или во рту. 8. Слюнотечение. 9. Прерывистое или нормальное дыхание. 10. Обильная жажда. 11. Коррозия языка или губ.

Выяснение всех этих обстоятельств может оказаться впоследствии уже невозможным.

Следы отравления обнаруживаются во внутренних органах при вскрытии трупа, в выделениях и в крови потерпевших. Из внутренних органов исследуются в первую очередь все части пищеварительного тракта, печень, селезенка и легкие, иногда кожа и другие элементы человеческого тела.

При поручении эксперту химического исследования нужно сообщать ему предварительные данные, которые добыты. Экспертиза начинается с производства предварительных проб,

посредством которых быстро устанавливается наличие или отсутствие некоторых ядов, как, например, фосфора или синильной кислоты. Синильная кислота быстро исчезает из частей трупа и продуктов питания, особенно в присутствии сахара и при гниении. К той же группе летучих ядов относится этиловый алкоголь. Этиловый алкоголь, входящий в спиртные напитки, обнаруживается при химическом исследовании крови и мочи отравившихся им лиц.

Из металлических ядов наиболее известны — мышьяк и ртуть. При нахождении их следов нужно проверить, не принимал ли потерпевший каких-либо лекарств, содержащих эти яды.

Группа сильно действующих лекарственных средств и растительных ядов, так называемых алколоидов, очень обширна. Сюда относятся опотворные, болеутоляющие препараты, стрихнин, никотин и др.

Выделение при экспертизе алколоидов в чистом виде часто представляет большие трудности, так как при гниении животных тканей возникают схожие вещества — птомяны.

Поэтому химические реакции этих ядов должны в сомнительных случаях проверяться на лабораторных животных.

Весьма трудно распознавание кокаина. Если органы следствия имеют подозрение на отравление кокаином, это должно быть особо оговорено в задании эксперту.

К растительным ядам принадлежат морфий и его производные. Растительные яды легко разлагаются. Исследование на них должно производиться без замедления.

Отравление грибами не может быть доказано химически, оно констатируется при микроскопическом исследовании содержимого желудка и кишок.

В связи с ростом сжигания трупов умерших в крематориях приходится при подозрении в отправлении покойного производить исследование содержания мышьяка в пепле. При этом нужно иметь в виду, что мышьяк может попасть в пепел данного трупа и из находящегося в печи крематория остатка пепла от других трупов. Так, например, в пепле мужчины, отравившегося мышьяком, было найдено 1,1 миллиграмм этого вещества на 100 грамм пепла. В пепле трупа, сожженного тотчас же вслед — 0,7 миллиграмма, в пепле трупа, сожженного третьим — 0,3 миллиграмма мышьяка. Необходимо еще иметь в виду, что мышьяк может попасть в тело человека при его жизни в форме лекарственных препаратов. Так, в пепле мужчины, лечившегося сальварсаном, было найдено 0,01 миллиграмма мышьяка на 100 грамм пепла. (Гарроу, «Раскрытие преступления», Лондон).

2. СИМУЛЯЦИИ ОГРАБЛЕНИЙ

Следователи и работники милиции и розыска и судебные врачи нередко встречаются в своей работе со случаями, в которых им приходится иметь дело с людьми связанными или с таковыми, рот которых затынут, завязан или забит тряпками или бумагой. Эти лица обычно заявляют, что они явились жертвами преступлений и были приведены в беспомощное состояние нападшими на них преступниками. Часто в этих случаях приходится решать вопрос, действительно ли здесь имело место преступление, или данные люди на самом деле не были жертвами преступлений и симулировали преступление с целью сокрытия собственного преступления или извлечения для себя иной выгоды. Так, например, в 1923 г. в Марселе на одной из улиц был найден связанный кассир, который заявил, что на него напали бандиты в масках и отняли 80 тыс. франков. Следствием было выяснено, что вся история была создана самим кассиром с целью скрыть растрату. Второй подобный пример: в октябре 1929 г. в Париже один гражданин, вернувшись домой, нашел свою дочь связанной, с затынутым ртом и в обморочном состоянии. Приведенная через 2 часа в чувство, она рассказала, что в квартиру вторглись два бандита и напали на нее. Расследование же показало, что всю эту историю она подстроила, с целью сокрыть похищение драгоценностей своей матери, которые она передала своему сообщнику.

Как видим, причины, по которым мнимые жертвы преступлений прибегают к симуляции, очень разнообразны, поэтому случаи, в которых на месте происшествия оказывается человек связанный и с затынутым ртом, должны всегда вызвать подозрение. Если оставить в стороне психологический момент, момент страха, то затыкание рта само по себе не препятствует возможности издавать ртом довольно громкие звуки и иногда даже крики.

Преднамеренное, в целях симуляции, связывание не трудно узнать по разным признакам: по без разбора намотанным веревкам, по плохо затынутому узлам, по тому, что веревка не врезалась в тело, по отсутствию следов попыток освободиться от веревок.

Практика показывает, что значительная часть случаев, в которых находят связанных людей с затынутым ртом, — симулированы.

(Архив фюр Криминологи, 1934 г. № 5—6).

3. РАССЛЕДОВАНИЕ СЛУЧАЕВ ОТРАВЛЕНИЯ ОКИСЬЮ УГЛЕРОДА

Оксись углерода является одним из самых распространенных и поэтому наиболее опасных ядовитых газов. Воздух становится сильно ядовитым при содержании в нем 0,07% окиси углерода. Поглощение даже небольших количеств окиси углерода вызывает сильные головные боли. Симптомами отравления служат головная боль, бинение в висках, покраснение лица, появление на теле пятнистой красноты, понижение температуры отравленного. При дальнейшем вдыхании газа пострадавший впадает в бессознательное состояние. При значительных степенях отравления наступает смерть. Разные человеческие организмы неодинаково реагируют на отравление окисью углерода, однако доза в 1% считается смертельной. Ядовитое действие окиси углерода вызывается

соединением газа с гемоглобином крови, с образованием вещества, называемого карбоксигемоглобином. При удалении пострадавшего из отравленной атмосферы и вдыхании чистого воздуха карбоксигемоглобин разрушается, и гемоглобин вновь приобретает временно уничтоженную вследствие отравления способность поглощать кислород. Процесс восстановления протекает довольно медленно.

Оксись углерода — бесцветный газ, лишенный запаха. Так называемый «угар» пахнет не окисью углерода, но другими продуктами горения. То обстоятельство, что окись углерода часто сопровождается этими продуктами, является весьма благоприятным для раннего распознавания угара по запаху. Однако, во сне человек может не заметить запаха и, если отравление застигает его спящим, он может при достаточной концентрации газа умереть, не проснувшись. Если окись углерода проникает в жилое помещение, просачиваясь например из испорченного газопровода через почву, последняя может поглотить ароматические составные части газовой смеси, так что окись углерода, попадая в помещение, может скопиться там незаметно для работающих в нем людей.

Оксись углерода легче воздуха (плотность этого газа по отношению к воздуху — 0,967). Поэтому в закрытых помещениях окись углерода скапливается, первоначально, в верхней части комнаты. Эта особенность окиси углерода должна быть твердо усвоена оперативными работниками, которым поручается расследование отравлений.

Приводим интересный случай из практики. В комнате спали муж и жена. Окись углерода проникла в помещение. Женщина проснулась от головной боли и встала, чтобы открыть окно. Попадая в более высокие слои воздуха, она вдохнула большую порцию газа и упала в обморок. Окись углерода продолжала накапливаться в комнате. Муж так и не проснулся и умер в кровати. Женщина, лежащая на полу, т. е. в более низком положении, осталась жива.

Оксись углерода получается практически при горении веществ, содержащих углерод. Количество образующейся окиси углерода зависит от притока кислорода. Чем свободнее и больше этот приток, тем меньше образуется окиси углерода. В домашнем быту окись углерода попадает в помещения в результате преждевременного закрытия печей, когда в них осталась еще много раскаленного угля; а) проникновения газа через нагретые стенки чугунных печей, б) распространения газа из угольных утюгов, в) просачивания светильного газа. Остановимся более подробно на этом последнем случае. Светильный газ получается на газовых заводах при сухой перегонке каменного угля. Он представляет собой смесь из различных горючих газов. Состав светильного газа бывает различен, но в среднем может быть выражен следующим образом (в процентах по объему): водорода — 50%, газа метана — 35%, окиси углерода — 8%, других примесей — 7%. Наличие в светильном газе 7—10% окиси углерода делает его сильно ядовитым. Утечка газа в помещении при неплотно закрытых кранах может вызвать серьезные отравления. Существует предубеждение, что при наличии якобы горящего газового пламени отравления газом невозможны. Между

тем, если, например, на газовой плите стоит большой бак и приток воздуха недостаточен, особенно если в помещении много пара, происходит неполное сгорание газа и окись углерода скапливается в комнате. При этом отравления вызываются не только окисью углерода, содержащейся в самом светильном газе, но и окисью, образующейся при неполном сгорании других составных частей светильного газа, как-то: метана и др.

Кроме отравлений окисью углерода в домашнем быту, встречаются отравления этим газом на производстве, как-то: в металлургии, при горных работах и т. п.

Не следует смешивать отравления окисью углерода со случаями удушения людей, спустившихся в долго остававшиеся закрытыми колодцы, погреба и т. п. В этих последних случаях играют главную роль совершенно другие газы.

Часто высказывается предположение, что окись углерода образуется только при горении угля и кокса и не получается при сжигании древесного угля. Это — глубоко ошибочное мнение, стоившее жизни многим людям. Во время войны 1914—1919 гг. наблюдались случаи отравления окисью углерода солдат от неосторожного пользования древесным углем при подогревании полевых убежищ; кокс и древесный уголь как раз наиболее опасны, так как получающиеся при их горении газы не имеют сильного характерного запаха, который в других случаях много раз спасал лю-

дей от отравления, своевременно предупреждая об опасности.

Отравления окисью углерода происходят в действительности чаще, чем это принято думать, так как в некоторых случаях именно окись углерода вызывает явления, неправильно приписываемые другим отравлениям. Поэтому при расследовании внезапных смертей в помещениях нужно в первую очередь убедиться, не было ли здесь отравления этим газом.

Открытие окиси углерода в крови имеет значение при расследованиях по поводу обнаруженных в пожарах трупов. Если в крови умершего нет окиси углерода, должно возникнуть предположение, что потерпевший попал в огонь уже мертвым.

Окись углерода имеет большое значение в военной санитарии, так как все взрывчатые вещества при своем распаде образуют окись углерода.

Нужно еще отметить, что известны случаи, когда убийцы пользовались окисью углерода, как орудием преступления, с тем чтобы смерть жертвы могла быть приписана ее собственной неосторожности.

Поскольку врачи и эксперты нередко довольно поздно попадают на место происшествия оперативные работники должны быть в курсе упомянутых особенностей отравления окисью углерода, чтобы суметь предпринять без опоздания нужные следственные действия.

(Криминалистич. Монатсхфте).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В журнале № 2 «Социалистическая законность» была помещена статья под названием «О соисполнителях» (на стр. 62), в которой указано о нечутком отношении некоторых работников Киевской областной прокуратуры к социалистическому совместителю т. Нусинскому, желающему работать народным следователем.

По материалам, имеющимся в областной прокуратуре, установлено, что т. Нусинский 5/XI 1935 г. подал заявление о принятии его на работу народного следователя.

Того же числа был послан запрос областной прокуратурой прокурором Бело-Церковского района т. Волосастову о работе и подготовке т. Нусинского к следственной работе, но ответа райпрокурором не было представлено.

27/XI 1935 г. областная прокуратура вторично запрашивает прокурора Бело-Церковского района отзвыв о работе т. Нусинского, и после вторичного запроса Бело-Церковская прокуратура прислала на указанного товарища характеристику.

На этом основании 8/XII 1935 г. т. Нусинский был мною вызван в областную прокуратуру для личных переговоров, для установ-

ления возможности использовать его на работе народного следователя.

11/XII 1935 г. из личных разговоров с т. Нусинским выяснилось, что последний не имеет никакой подготовки к следственной работе, не знает уголовного процесса, не мог дать элементарного ответа по технике расследования и не ориентируется в общих политических вопросах.

Кроме того, т. Нусинский по своему возрасту еще очень молод, и поэтому он не мог быть мною послан на работу народного следователя.

Несмотря на это, я все же решил послать его на юридические курсы во время набора в 1936/37 учебном году и по окончании послать на работу, в зависимости от того, насколько т. Нусинский успешно закончит указанные курсы.

О своем решении 30/XII 1935 г. мною было сообщено Народному комиссариату юстиции и Генеральной прокуратуре УССР, а также был об этом поставлен в известность сам т. Нусинский.

Прокурор Киевской области Старовойтов

Официальный отдел

Утверждено Советом народных комиссаров Союза ССР

Постановление третьего пленума Комиссии советского контроля
при СНК Союза ССР 22—26/V 1936 г.

О рассмотрении жалоб трудящихся

Успехи социалистического строительства и рост общественной активности трудящихся ставят с особой остротой вопрос об усилении борьбы с недостатками и бюрократическими извращениями в советском аппарате, а также с фактами нарушения революционной законности. Это требует действительно внимательного и чуткого отношения со стороны всех советских и хозяйственных организаций к заявлениям и жалобам трудящихся, указывающих на эти недостатки и извращения, устранение которых поможет дальнейшему росту наших успехов.

Между тем многие жалобы и заявления трудящихся, поступающие в Комиссию советского контроля и в другие советские органы, вскрывают многочисленные факты невнимательного, а нередко и бездушно бюрократического отношения к этим заявлениям. Все еще не редки также случаи забвения руководителями советских и хозяйственных учреждений неоднократных указаний товарища Сталина о том, «чтобы наши руководители проявляли самое заботливое отношение к нашим работникам, к «малым» и «большим», в какой бы области они ни работали».

Проверка работы по разбору жалоб в наркоматах, советских, профсоюзных и других организациях (в НКФ Союза ССР, НКЗеме Союза ССР, Сталинградском крайисполкоме, Западном облисполкоме, Центральном профсовете Белоруссии и др.) показывает, что нередко руководители учреждений сами не занимаются разбором жалоб; жалобы, даже заслуживающие большого внимания, механически пересылаются в местные организации без контроля за ходом их разбора, иногда жалобы передаются на разрешение тех учреждений и лиц, на которых подана жалоба. Имеет место совершенно небрежное хранение, а подчас и утеря жалоб; отсутствует проверка исполнения принятых по жалобам решений, а также проверка постановки разбора жалоб в подведомственных организациях.

Комиссия советского контроля особо указывает на недопустимость волокиты и формально бюрократического отношения к заявлениям и жалобам рабочих, красноармейцев и колхозников, причем в отношении колхозников необходимо усилить борьбу с неправильными исключениями из колхозов, так как эти исключения допускаются уставом с.-х. артели только как крайняя мера после проведения мер воспитательного и предупредительного характера.

Комиссия советского контроля считает такие недопустимыми:

когда некоторые руководители советских и хозяйственных организаций меры воспитания в отношении отдельных провинившихся работников подменяют мерами административного воздействия, иногда заочно налагаемыми, что на деле не способствует укреплению государственной дисциплины и создает безразлично привычное отношение к этим взысканиям;

неправильное увольнение работника или отказ в приеме на работу исключительно по формальным мотивам, например, из-за социального происхождения, наличия административно-судебных взысканий в прошлом или осуждения родственников увольняемого, применяемое некоторыми руководителями учреждений в целях фальшивой самостраховки. Особенно недопустимо лишение молодежи учебы (неприм или исключение) по этим признакам; самовольные чистки или кампанийские проверки аппарата, проводимые в большинстве случаев исключительно формально, на деле не укрепляющие советский аппарат;

посылка в некоторых случаях «секретных характеристик» при переводе работника на другую работу, иногда незаслуженно опорочивающих работника и лишаящих его в этих случаях возможности оправдаться, так как он не знает, что ему ставится в вину;

выдача сельсоветами, риками и горсоветами справок о социальном происхождении, основывающихся не на документах, а на устных, зачастую неправильных заявлениях.

Комиссия советского контроля отмечает, что в работе Бюро жалоб и уполномоченных Комиссии советского контроля имеются следующие недочеты:

а) вместо выполнения основной своей задачи контроля за правильным разбором жалоб в ведомствах и учреждениях, органы Комиссии советского контроля пытаются подменить собою эти организации в разборе поступающих к ним жалоб;

б) при проверке разбора жалоб в ведомствах и организациях не уделяется должного внимания устранению недостатков данного аппарата, а ограничиваются лишь устранением отдельных недочетов по поступившим жалобам;

в) плохо осуществляется контроль за работой учреждений и организаций, в которые поступает наибольшее количество жалоб, и проверка того, какие меры эти учреждения проводят для улучшения работы в подведомственных им органах;

г) недостаточное привлечение актива к своей работе, а также недостаточная мобилизация актива общественных организаций проверяемых

учреждений на борьбу с недостатками по рассмотрению жалоб.

В соответствии с указаниями товарища Сталина и мероприятиями правительства и партии по усилению революционной законности, а также в соответствии со специальным постановлением ЦИК Союза ССР «О положении дел с разбором жалоб трудящихся» от 14/XII 1935 г., Комиссия советского контроля считает необходимым:

1. Прекратить увольнение и отказ в приеме на работу советскими, хозяйственными и другими организациями по таким мотивам, как социальное происхождение, судимость в прошлом, осуждение родителей или родственников и т. п., поскольку это не предусмотрено специальными законами.

2. Произвести пересмотр взысканий, наложенных на работников советского аппарата бывшими органами РКИ при чистках советского аппарата, поскольку значительная часть их утратила, в настоящих условиях, свое значение.

Снятие указанных взысканий в каждом отдельном случае производить по решениям руководителей учреждений, в котором работает данный работник, на основании отзывов общественных организаций.

3. Запретить, без разрешения Комиссии советского контроля при СНК Союза ССР, проведение каких бы то ни было чисток аппарата как по отдельным областям, краям и республикам, так и по отдельным ведомствам.

4. Не допускать посылки «секретных характеристик» при переводе работника из одного учреждения в другое, а давать лишь открытые характеристики.

5. Привлекать к строгой ответственности, вплоть до судебной, руководителей советских, хозяйственных и других организаций (сельсоветы, райы, учреждения, предприятия) за выдачу неправильных фактических справок о трудящихся.

6. Не допускать наложение взысканий заочно, без вызова и заслушивания объяснений провинившегося работника. Наложение административных взысканий и их снятие проводить, обеспечивая воспитательное воздействие и поднятие дисциплины во всем коллективе работников данного учреждения.

7. Указать, что взыскания, в виде лишения права занимать ответственные должности или запрещения работать в той или иной местности, могут налагаться только по разрешению высших правительственных органов. Указать также на то, что запрещение работы в системе данного ведомства на определенный срок может применяться только по решению соответствующего народного комиссара Союза ССР и союзной республики, в случаях, предусмотренных законом.

8. Прекратить передачу дел по наложению взысканий за служебные проступки на провинившихся работников в общественные организации. Особенно нетерпимым считать факты передачи судебно-прокурорским органам дел о служебных проступках, не содержащих никаких признаков уголовного преступления, а равно считать недопустимым разрешение в дисциплинарном порядке дел явно уголовного характера (растраты, использование служебного положения и др.).

9. Уполномоченным Комиссии советского контроля и органам прокуратуры усилить

борьбу с нарушением устава сельхозартели и, в частности, пункта 17 этого устава о неправильном исключении колхозников из колхоза, привлекая к суровой ответственности всех нарушителей этого устава.

10. Обращая внимание руководителей организаций и учреждений на наличие массовых фактов нарушений сроков рассмотрения жалоб трудящихся, установленных постановлением ЦИК Союза ССР от 14/XII 1935 г., Комиссия советского контроля предлагает руководителям учреждений и организаций:

а) установить точную регистрацию всех поступающих жалоб, а также контроль за рассмотрением и прохождением этих жалоб и за исполнением решений, принятых по этим жалобам; привлекать к строгой ответственности работников учреждений, виновных в утере жалоб трудящихся;

б) при получении жалоб точно устанавливать срок их рассмотрения, в соответствии с постановлением ЦИК Союза ССР, а в тех случаях, когда жалоба требует длительного расследования, своевременно ставить об этом в известность жалобщика;

в) систематически проверять постановку работы по жалобам в низовых звеньях своей системы.

11. Обязать Бюро жалоб и уполномоченных Комиссии советского контроля:

а) решительно перестроить свою работу, сосредоточив основное свое внимание на контроле за правильной организацией разбора жалоб ведомствами, учреждениями, профсоюзами, путем проведения систематических, а не от случая к случаю, проверок правильности расследования жалоб по существу и своевременного устранения имеющихся недостатков;

б) ввести в практику работы обсуждение результатов расследований жалоб, имеющих общественное значение, на собраниях рабочих, колхозников и др.;

в) привлекать к работе по разбору жалоб и к проведению массовых проверок хорошо проверенный актив рабочих, колхозников, работников и специалистов, тщательно инструктируя их и помогая им в работе.

О РАБОТЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ЖАЛОБАМ

22—26/V 1936 г. состоялся III пленум Комиссии советского контроля при СНК СССР. Пленум рассмотрел по докладу т. М. И. Ульяновой вопрос о рассмотрении жалоб трудящихся. В этом постановлении указывается на ряд чрезвычайно серьезных и совершенно недопустимых ошибок и фактов невнимательного, нередко бездушно-бюрократического отношения к различным заявлениям и жалобам трудящихся.

Постановление III пленума Комиссии советского контроля вскрыло не только самые факты безобразно бюрократического отношения к жалобам трудящихся, но и причины, порождающие столь недопустимые и нетерпимые в советских учреждениях явления.

Имеющиеся в Прокуратуре Союза материалы свидетельствуют о том, что указанные в постановлении III пленума Комиссии советского контроля грубейшие недостатки в работе по жалобам трудящихся имеют место и в работе органов Прокуратуры. Приказ Прокура-

туры Союза от 21/III с. г. за № 157 уже отмечал нетерпимость подобного положения вещей.

В соответствии с постановлением III пленума Комиссии советского контроля приказываю:

1. Проработать на всех камерных и оперативных совещаниях прокуратуры постановления III пленума Комиссии советского контроля при СНК СССР по вопросу о рассмотрении жалоб трудящихся и так проинструктировать свои местные органы, чтобы было полностью гарантировано последовательное выполнение ими этого постановления.

2. Во всех случаях доведения до сведения прокуратуры о фактах увольнения или отказа в приеме на работу советскими, хозяйственными и другими организациями по таким мотивам, как социальное происхождение, судимость в прошлом, осуждение родителей или родственников и т. п., поскольку это не предусмотрено специальными законами, принимать немедленные меры к устранению подобных фактов, оказывая жалобщикам полную и решительную защиту.

3. Особо обратить внимание на пункт 6 постановления КСК о привлечении к «строгой ответственности, вплоть до судебной, руководителей советских, хозяйственных и других организаций (сельсоветы, рики, учреждения, предприятия) за выдачу неправильных фактических справок о трудящихся» и п. 8 о прекращении передачи дел «по наложению взысканий за служебные проступки на провинившихся работников в общественные организации».

Не допускать приема к своему производству органами Прокуратуры дел «о служебных проступках, не содержащих никаких признаков уголовного преступления», не допускать одновременно «разрешения в дисциплинарном порядке дел уголовного характера (растраты, использование служебного положения и др.)».

4. В соответствии с п. 9 постановления III пленума КСК усилить борьбу с нарушениями «устава сельхозартели и в частности п. 17 этого устава о неправильном исключении колхозников из колхоза, привлекая к суровой ответственности всех нарушителей этого устава».

Предлагаю прокурорам союзных республик, краев и областей все дела о нарушении устава сельскохозяйственной артели взять под свое личное непосредственное наблюдение, имея в виду, что каждое такое дело должно проводиться при максимальной мобилизации внимания колхозной общественности к борьбе советской власти за точное и неуклонное исполнение устава сельскохозяйственной артели.

5. Исходя из п. 10 постановления III пленума КСК, обратившего внимание руководителей организаций и учреждений «на наличие массовых фактов нарушений сроков рассмотрения жалоб трудящихся, установленных постановлением ЦИК СССР от 14/XII 1935 г., и установленного указанными в п. 10 (пп. «а», «б», «в») мероприятия по устранению этих нарушений, — предлагаю во всех прокуратурах союзных республик, краев и областей регистрацию и контроль за рассмотрением и прохождением жалоб в точно установленные сроки сосредоточить в бюро жалоб.

Работу бюро жалоб построить в соответствии с прилагаемым при сем примерным по-

ложением о бюро жалоб органов прокуратуры.

На прокуроров союзных республик, прокуроров краев и областей, военных и транспортных прокуроров возлагаю личную ответственность за систематическую проверку постановки работы по жалобам во всех звеньях аппарата.

Придавая исключительное значение правильной постановке дела рассмотрения жалоб органами прокуратуры, предлагаю на основе постановления III пленума КСК и данных Прокуратурой Союза указаний решительным и коренным образом перестроить всю систему и методы работы по рассмотрению жалоб и добиться устранения волокиты и бюрократизма в прохождении жалоб, обеспечив тем самым быстрое и справедливое их разрешение.

О проделанной вами в этом направлении работе предлагаю мне сообщить не позже 1 августа с. г.

Контроль за исполнением настоящего приказа возлагаю персонально на пом. прокурора Союза ССР т. Шумовского.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ

ПРИМЕРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

О бюро жалоб органов прокуратуры

Бюро жалоб органов прокуратуры выполняет работу в пределах предоставленной ему компетенции под непосредственным руководством прокуроров союзных и автономных республик и краевых (областных) прокуроров.

I. Структура бюро жалоб

1. Начальник бюро жалоб, прокуроры и технический секретариат.

Примечание: Количество прокуроров и работников технического секретариата определяется соответствующим прокурором по принадлежности, в зависимости от местных условий.

2. Приемная и справочное бюро.

3. Центральная регистратура и экспедиция.

II. Круг деятельности бюро жалоб

На бюро жалоб возлагается:

а) Первичное рассмотрение всех поступающих в прокуратуру жалоб.

б) Наблюдение за прохождением жалоб в отделах и управлениях прокуратур союзных и автономных республик, краев и областей и районных прокуратур.

в) Контроль за исполнением распоряжений по жалобам.

г) Выявление недочетов в работе периферийных органов, составление отчетов о работе прокуратуры в связи с жалобами.

д) Прием жалобщиков, дача им справок, направление в соответствующие отделы прокуратуры или другие учреждения по принадлежности.

III. Права и обязанности

При первичном рассмотрении жалоб бюро жалоб обязано немедленно отослать по принадлежности неправильно присланные в прокуратуру жалобы, подлежащие рассмотрению других ведомств или периферийных органов прокуратуры.

2. При отсылке жалоб в другие ведомства

или органы прокуратуры на распоряжение бюро жалоб немедленно ставить об этом в известность жалобщика.

3. Все остальные жалобы, заявления, в том числе жалобы, хотя и не бывшие еще на рассмотрении нижестоящих органов прокуратуры, но содержащие в себе указания на нарушение революционной законности и требующие принятия оперативных мер со стороны прокуратуры, подлежат немедленному направлению начальникам соответствующих отделов, а в надлежащих случаях — прокурорам республики или краевым (областным) прокурорам.

4. О результатах рассмотрения жалоб в отделах прокуратуры жалобщнику немедленно посылается извещение (оставление жалобы без последствий, направление для расследования и на проверку на периферию, принятие к производству данной прокуратурой), о чем делается соответствующая отметка в картотеке в центральной регистратуре бюро жалоб.

5. Бюро жалоб проводит систематический контроль за прохождением жалоб по отделам и периферийным органам прокуратуры за своевременностью разрешения жалоб, осуществляя этот контроль путем непосредственных проверок состояния производства по жалобам.

6. В случае обнаружения неправильно разрешенной жалобы отделом бюро жалоб немедленно сообщает об этом прокурору Республики или краевому (областному) прокурору.

7. Бюро жалоб ведет прием жалобщиков по всем делам и вопросам в течение всего рабочего дня.

8. При повторных обращениях жалобщиков, после наведения по их делам соответствующей справки, если он не удовлетворился последней, жалобщик направляется в отдел, где находится его дело.

9. Бюро жалоб Прокуратуры Республики и краевых (областных) прокуратур проверяет постановку как оперативной, так и технической работы по жалобам соответствующих периферийных органов прокуратуры.

10. О всех выявленных при рассмотрении жалоб недостатках в работе органов суда и прокуратуры или иных учреждений и организаций бюро жалоб немедленно информирует соответствующего прокурора для принятия надлежащих мер.

О РАБОТЕ ПРОКУРАТУРЫ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Работа судебно-прокурорских органов по гражданским делам приобретает все большее значение.

Количество гражданских дел в судебных учреждениях Союза ССР из года в год растет. В процентном отношении гражданские дела преобладают в общем количестве судебных дел.

В одной РСФСР за 1935 г. рассмотрено около двух миллионов гражданских дел, причем число этих дел на 38% превышает количество гражданских дел 1934 г. Соответственно растут гражданские дела и в других союзных республиках.

Совершенно ясно, что только систематическая борьба прокуратуры за строгое соблюдение социалистической законности при разрешении гражданских дел, правильная политика судебных органов по этой категории дел и

высокое качество судебно-надзорной работы прокуратуры смогут обеспечить законную защиту материально-имущественных прав и интересов трудящихся, охрану общественной социалистической собственности, строгое проведение в жизнь договорной дисциплины и хозяйственного расчета, как средства проведения плана, во взаимоотношениях организаций и учреждений общественного сектора.

Имеющиеся в Прокуратуре Союза материалы говорят о неудовлетворительном состоянии работы судов по гражданским делам. Существенные недостатки судебных решений и определений указывают на явно недостаточное внимание со стороны суда и прокуратуры к этому важнейшему участку работы.

Основные недочеты в работе судебных учреждений по гражданским делам отмечены в постановлении 52 пленума Верховного суда Союза ССР «О соблюдении норм гражданского процесса», принятом на основании постановления Президиума ЦИК СССР от 17/IX 1935 г.

Важнейшие из этих недостатков заключаются в упрощенчестве, в стремлении добиться ложной быстроты разрешения спора за счет качества работы и нарушения основ гражданского процесса, что в результате приводит к недопустимой волоките, к многократным отменам неправильных решений и к большим затратам сил и средств на исправление допущенных ошибок.

Упрощенчество при разрешении гражданских споров заключается в том, что стороны в суд часто не вызываются, вручение повесток сторонам не проверяется, элементарные процессуальные права сторон грубо нарушаются, законные ходатайства участников процесса не удовлетворяются, фактическая сторона дела не исследуется с достаточной полнотой, истцы нередко превращаются в процессе в ответчиков и т. п.

Определения кассационных коллегий, краевых и областных судов, как правило, плохо мотивируются; не мотивируются вовсе определения, выносимые при утверждении решений суда первой инстанции, несмотря на категорическое требование 52 пленума Верховного суда Союза об обязательном мотивировании кассационных определений.

Прокуратура в ряде случаев вовсе не помогает суду в работе по гражданским делам.

Как правило, прокурор не участвует в гражданском процессе — ни в суде первой инстанции, ни в кассационных коллегиях.

Протесты прокуратуры в порядке надзора на незаконные судебные решения и определения приносятся крайне редко. Так, например, прокуратурой Свердловской области за 1935 г. на 72 тысячи гражданских дел даны заключения по 167 протестам в порядке надзора, причем значительная часть этих протестов внесена председателем областного суда, а не прокуратурой.

Такая же картина наблюдается и в других краях и областях.

Обращает на себя внимание низкое качество приносимых протестов и отказ от занятой прокуратурой позиции при отклонении протеста, недоведение прокурорского надзора до конца.

Ст. 2 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик, являющиеся важнейшим средством внедрения прокурорского надзора в гражданский процесс в любой его

стадии, используются прокуратурой крайне редко.

Беспримерная волокита с рассмотрением гражданских дел не пресекается вмешательством прокурора.

Изучение судебной практики и практики прокурорского надзора по гражданским делам не проводится. В отчетах прокуратуры гражданским делам уделяется ничтожное внимание. Никакого анализа судебной политики по важнейшим категориям гражданских дел не проводится.

Даже в элементарных статистических сводках важнейшие категории гражданских дел попадают в рубрику «прочих», составляющих не менее 50% всего количества гражданских дел данного края, области.

Систематической работы над повышением качества судебно-надзорной деятельности прокуратуры по гражданским делам не ведется. Такое отношение к гражданским делам в дальнейшем недопустимо.

С разрешения Совета народных комиссаров Союза ССР, в составе Прокуратуры Союза организован специальный отдел прокуратуры по гражданским делам, на который возложено выполнение задач по осуществлению надзора за работой судебно-прокурорских органов по гражданским делам.

В целях надлежащей организации работы прокуратуры по гражданским делам в республиках, краях и областях, усиления судебного надзора и достижения решительного перелома на этом важнейшем участке работы прокуратуры — **предлагаю:**

1. Обеспечить организацию в течение апреля 1936 г. в составе прокуратур союзных и автономных республик, краев и областей отделов по гражданским делам. В районах работу по гражданским делам возложить на одного из помощников районного прокурора.

2. Сосредоточить в этих отделах судебно-надзорную работу прокуратуры по гражданским делам: истребование и просмотр судебных дел в порядке надзора, принесение протестов и поддержание их в судебных инстанциях, прием жалоб и посетителей, руководство работой прокуратуры по гражданским делам, изучение и обобщение практики по важнейшим категориям гражданских дел.

3. Усилить судебно-надзорную работу прокуратуры по гражданским делам как в кассационных коллегиях, так и в президиуме и пленумах краевых и областных судов и верховных судов союзных республик.

4. Усилить практику вступления прокурора в процесс в порядке ст. 2 ГПК РСФСР и соответствующих статей ГПК других союзных республик во всех случаях наличия в деле существенного интереса государства или трудящихся, возникновения в связи с конкретным делом принципиальных вопросов гражданского права и процесса, расширить практику использования ст. 2 ГПК по алиментным, жилищным и колхозным делам, а также и по другим важнейшим категориям гражданских дел.

5. В случаях опротестования незаконных решений практиковать обязательное личное поддержание прокурором протестов на решения по гражданским делам.

6. Решительно улучшить работу прокуратуры по жалобам трудящихся, обеспечив максимально быстрое их рассмотрение и вмешатель-

ство прокуратуры во всех случаях нарушения материально-имущественных прав и интересов трудящихся неправильным судебным решением, действиями нотариуса или судебного исполнителя.

7. Усилить надзор прокуратуры за работой судебных исполнителей и нотариусов, уделяя должное внимание этому участку прокурорского надзора при всех обследованиях краевых, областных и районных прокуратур.

8. Систематически ставить на оперативных совещаниях вопросы, относящиеся к судебно-надзорной работе прокуратуры по гражданским делам.

9. В докладах и отчетах прокуратуры о работе по судебному надзору выделять особым разделом судебно-надзорную работу прокуратуры по гражданским делам.

10. Обсудить настоящий циркуляр на оперативных совещаниях прокуратуры и сообщить о принятых мерах по его исполнению не позднее 15/V 1936 г.

Зам. прокурора Союза ССР
Г. ЛЕПЛЕВСКИЙ

7 апреля 1936 г.

№ 25/22.

О НЕПРАВИЛЬНОМ ПРЕКРАЩЕНИИ ДЕЛ ПО РАСТРАТАМ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ СЕЛЬСОВЕТОВ

Ко мне поступили материалы о том, что органы прокуратуры на местах допускают неправильное прекращение дел о растратах бюджетных средств в сельсоветах по мотивам «малозначительности» или даже отказывают в производстве следствия по этим делам.

Вывод о малозначительности преступления основывается только на сумме обнаруженной недостачи, без учета обстоятельств дела.

Так, например, прокурор Воскресенского района возвратил Воскресенскому райфинотделу материалы об обнаруженной у председателя Климовского сельсовета Хрулева недостаче в размере 527 руб., предложив райфо взыскать эту сумму с Хрулева в гражданском порядке. Прокурор Московской области действия райпрокурора признал правильными.

Между тем, из материалов дела видно, что недостача 527 руб. образовалась в результате прямого злоупотребления, выразившегося в неоприходовании Хрулевым полученных с населения сумм. При этом самый сбор указанных сумм являлся незаконным (наложение штрафов с нарушением установленного законом порядка, прием их по распискам, а не по квитанциям). Из тех же материалов видно, что Хрулев имеет судимость за хулиганство. Собранием избирателей из состава сельсовета он отведен.

При всех этих обстоятельствах расследование представленных райфинотделом материалов являлось обязательным, и у райпрокурора не было никаких оснований к передаче этих материалов для рассмотрения в гражданском порядке.

Обращая внимание всех органов прокуратуры на необходимость решительной борьбы с растратами бюджетных средств в сельсоветах, в точном соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 17/VII 1933 г., в дополнение к указанию, данным мною в циркуляре от 13/IV с. г., **предлагаю:**

Во всех случаях поступления в органы прокуратуры материалов о растратах бюджетных

средств в сельсоветах производить исчерпывающее и срочное расследование этих материалов. Прекращение дел в уголовном порядке может допускаться только в строго ограниченных случаях мелких недостатков, образовавшихся не в результате присвоения или не связанных с другими злоупотреблениями (например подлогами) и поташенных ответственными за ценность лицами. О всех прекращенных делах районные прокуроры должны немедленно сообщать в вышестоящий орган прокуратуры с изложением мотивов прекращения дела.

Прокурорам краев и областей и республик, не имеющих областного деления, вести систематическое наблюдение за прохождением в районах дел о растратах бюджетных средств в сельсоветах, проверяя работу районных прокуроров не реже одного раза в квартал.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

28 апреля 1936 г.

№ 29/8.

О РАСТРАТАХ В ДОБРОВОЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ

По имеющимся в Прокуратуре СССР сведениям до сих пор очень велико число растрат и хищений в органах добровольных общественных организаций — Осоавиахим и др. По одному Осоавиахиму за 1935 г. прямых растрат и хищений установлено на сумму 1750 тыс. руб.

Наряду с этим отмечается чрезвычайно широкое расходование специальных средств (лотерейных, авиационных и пр.) не по назначению.

Со всеми этими явлениями плохо борются сами общественные организации, но также скверно ведется борьба с ними по линии прокурорско-следственных органов.

Достаточно отметить, что по переданным за 1935 г. в судебно-следственные органы 518 делам о растратах и хищениях в системе ОАХ осуждено только 39 чел.

Особый рост этих преступлений отмечается в Таджикской ССР, в Каракалпакской АССР, Татарской АССР, в Куйбышевском, Сталинградском, Горьковском, Азово-Черноморском краях и Ивановской обл.

Обращая ваше внимание на необходимость энергичной борьбы с хищениями, растратами и злоупотреблениями в системах добровольных обществ, выполняющих работу большого политического значения, **предлагаю:**

1) Никим образом не допускать необоснованного прекращения дел этой категории по мотиву плохого проведенной ведомственной ревизии, добиваясь от следственных органов соответствующего пополнения материалов и быстрого проведения расследования;

2) в случаях крупных и систематических хищений неуклонно применять закон 7/VIII 1932 г., организуя при соответствующих условиях показательные процессы;

3) при наличии грубой халатности в деятельности ревизионных органов добровольных обществ привлекать к ответственности виновных, добиваясь возмещения ими материального ущерба, причиненного данной организацией.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

5 мая 1936 г.

№ 30/21.

О НАПРАВЛЕНИИ КОПИЙ ПРИГОВОРОВ

В практике работы судебных органов наблюдаются случаи, когда при направлении осу-

жденных в места лишения свободы судебные органы не посылают в места лишения свободы копии приговоров, а ограничиваются лишь посылкой кратких выдержек из этих приговоров. Считая такое положение совершенно недопустимым, **предлагаем:**

При направлении осужденных в места заключения обязательно посылать в таковые полные копии приговоров.

Прокурорам не допускать содержания в местах лишения свободы осужденных без наличия копий приговоров о них.

Прокурор Союза ССР Председатель Верховда
ВЫШИНСКИЙ Союз ССР **ВИНОКУРОВ**

10 мая 1936 г.

№ 31/24.

На периферии

ПРИКАЗ № 67

по Управлению прокуратуры Саратовского края.

г. Саратов 10 апреля 1936 г.

О контроле исполнения

Приказом Прокурора СССР от 21/III 1936 г. № 157 отмечается в ряде краевых и областных прокуратур волокита при исполнении органами прокуратуры заданий и поручений руководящих центральных органов.

Ряд фактов волокиты при выполнении заданий и поручений, получаемых саратовской прокуратурой края от руководящих центральных и краевых органов, также свидетельствует о явно неудовлетворительном состоянии контроля исполнения, причинами чему являются:

а) безответственное отношение отдельных работников прокуратуры края к исполнению заданий и поручений центральных и краевых руководящих органов, нежелание и неумение выделить их из общей массы в особую категорию, требующую особого учета и внимания, исключительной тщательности, повышенной настойчивости по отношению к районным органам прокуратуры и особого контроля в процессе исполнения;

б) безобразное, нередко прямо преступное отношение к выполнению этих поручений со стороны отдельных городских и районных прокуроров, порождающее нетерпимую бумажную переписку, десятки напоминаний и т. д.;

в) неудовлетворительная постановка контроля исполнения в аппарате прокуратуры края, сводившаяся, главным образом, к регистрации поступивших поручений и организации чисто механических напоминаний.

Достаточно привести следующие факты:

1. 27/VII 1935 г. Прокуратура СССР направила в прокуратуру края жалобу Попова, требуя представления результатов рассмотрения к 27/VIII 1935 г.

5/VIII эта жалоба была направлена прокурору Аткарского района с предложением проверить дело в порядке надзора. Ответ от него требовался к 15/VIII. Поручение это райпрокурор не выполнил.

Сельскохозяйственный сектор прокуратуры края отнесся к этому безучастно и только 8/XII направил райпрокурору первое напоминание.

Последовавшие затем 27/XII и 20/I еще два напоминания положения не изменили.

Этот пример свидетельствует не только о преступной волоките прокурора Аткарского района т. Чумадина, но и о бездействии старшего помощника прокурора края по с.-х. сектору т. Юрьева, не поставившего вопроса о привлечении к ответственности т. Чумадина и не потребовавшего его вызова в прокуратуру края для личного доклада о его мероприятиях по жалобе Попова и о причинах этой безобразной волокиты.

2. 28/V 1935 г. Прокуратура СССР направила в прокуратуру края жалобу Бирина. 13/VI 1935 г. с.-х. сектор прокуратуры края направил жалобу Бирина прокурору Духовницкого района с предложением проверить дело Бирина в порядке надзора и сообщить о результате к 20/VI. После этого делается три напоминания: 20/VII, 7/XII и 22/III 1936 г., которые районным прокурором игнорируются.

Вместо того, чтобы поставить вопрос о привлечении прокурора Духовницкого района т. Грачева к ответственности, с.-х. сектор своими бесконечными и бесплодными канцелярскими напоминаниями создает у райпрокурора убеждение в необязательности исполнения поручения, т. е. просто дезориентирует и без того недисциплинированного, безответственного и недобросовестного прокурора.

3. Саратовский крайком ВКП(б) 8/VIII 1935 г. направил в прокуратуру края жалобу колхоза им. Ворошилова, связанную с ликвидацией дебиторской задолженности. 15/VIII 1935 г. с.-х. сектор прокуратуры края поручил ее проверить прокурору г. Саратова. После этого были сделаны три напоминания: 8/XII, 28/XII и 23/I, которые никаких результатов не дали.

Здесь так же как и в приведенных уже случаях, вместо того чтобы вызвать городского прокурора с докладом в прокуратуру края, с.-х. сектор ограничился напоминаниями, явно не дававшими реальных результатов.

Получаемые из Прокуратуры СССР и Прокуратуры РСФСР списки «задолженности», хотя и сокращаются в последнее время по количеству перечисленных неисполненных поручений, но в то же время являются позорной аттестацией нашей работы, вызывающей необходимость в такого рода списках.

Исполнение горрайпрокурорами поручений непосредственно прокуратуры края, не связанных с заданиями центральных и краевых руководящих органов, со стороны горрайпрокуроров поставлено еще хуже. Контроль за исполнением этих поручений осуществляется совершенно неудовлетворительно.

Во исполнение приказа прокурора СССР от 21/III 1936 г. № 157, в целях организации быстрого и четкого исполнения всех заданий и поручений, даваемых прокуратуре края центральными и краевыми руководящими органами, а также в целях организации быстрого и четкого исполнения горрайпрокурорами поручений непосредственно прокуратуры края, — приказываю:

По аппарату прокуратуры края

а) По поручениям директивных и руководящих органов.

1. Личному секретарю т. Шпунт все задания и поручения центральных директивных и руководящих партийных и правительственных органов, Комиссии партийного контроля, Комиссии советского контроля, Прокуратуры СССР, НКЮ и Прокуратуры РСФСР, край-

кома ВКП(б), крайисполкома, уполномоченного Комиссии партийного контроля и уполномоченного Комиссии советского контроля, после личного доклада прокурору края, заносить в особую контрольную карточку, а на переписке ставить штамп «взято на особый контроль».

После занесения на контрольную карточку материал передавать под расписку секретарю соответствующего сектора.

2. Секретарям секторов каждую контрольную переписку заносить на такую же особую контрольную карточку, а материал передавать старшему пом. прокурора.

3. Старшим помощникам прокурора вести исполнение по контрольным перепискам исключительно лично, причем первоначальное исполнение производить в тот же день, когда получается переписка от секретаря сектора.

4. Вся неисполненная контрольная переписка хранится в специальной папке лично у старшего помощника прокурора, который лично контролирует исполнение отдельных заданий райпрокурорами. Только тогда, когда поручение окончательно выполняется, переписка передается секретарю сектора, который производит отметку об этом в своей контрольной карточке, передавая об этом сообщение т. Шпунт, которая отмечает исполнение в своей контрольной карточке. Таким образом, количество неисполненных контрольных переписок в папке старшего помощника прокурора должно точно соответствовать количеству контрольных карточек у секретаря и у т. Шпунт.

5. Контрольные поручения должны выполняться точно в срок. В тех отдельных случаях, когда по каким-либо причинам это не будет обеспечено, заведующий сектором обязан немедленно сообщить об этом в тот орган, откуда исходило поручение.

6. В тех случаях, когда по контрольному заданию какие-либо отдельные поручения будут выполняться помощниками прокурора заведующие секторами обязаны устанавливать точные сроки исполнения и контролировать их выполнение.

Точно так же они должны устанавливать сроки и контролировать их для технических работников.

7. Личному секретарю т. Шпунт раз в декаду докладывать лично мне о всех невыполненных по секторам контрольным заданиям.

8. Запрещаю при контроле исполнения горрайпрокуроров делать трафаретные напоминания.

Одновременно предлагаю старшим помощникам прокурора при поручениях горрайпрокурорам устанавливать реальные сроки для исполнения.

В случаях несвоевременного исполнения горрайпрокурорами порученных им заданий заведующие секторами обязаны ставить передо мною вопрос о личном вызове в прокуратуру края горрайпрокурора для объяснений. Расходы по этим вызовам будут отнесены за личный счет вызываемого горрайпрокурора.

9. По даваемым горрайпрокурорам поручениям, если эти поручения относятся к категории, установленной в п. 1 данного приказа, а также по моим личным поручениям и личным поручениям обоих моих заместителей ставить штамп «взято на особый контроль, на райпрокуроров возлагается особая ответственность за точность и своевременность выполнения».

10. Управделами т. Дмитриеву представлять мне 1 числа каждого месяца список горрайпрокуроров, выполняющих задания и поручения точно в срок в целях поощрения их.

б) По всем остальным поручениям прокуратуры края.

1. Всем заведующим секторами установить в каждом секторе еженедельную проверку исполнения заданий и поручений.

2. Управделами т. Дмитриеву раз в декаду составлять список невыполненных заданий по каждому району и направлять их горрайпрокурорам за подписью прокурора края или первого его заместителя.

В списке отмечать к какому именно сектору прокуратуры края относится невыполненное задание.

3. Ю всех горрайпрокурорах, не выполнивших поручений после повторного помещения в список, докладывать лично мне.

в) По спецчасти.

В изъятие из общего порядка организации контроля хранения и ведения переписки по контрольным заданиям установить следующий порядок для контрольной переписки секретного характера:

1. Специально выделенным работником спецчасти на каждое поручение составляется две контрольных карточки, из которых одна хранится в спецчасти, а вторая лично у соответствующего старшего помощника краевого прокурора.

2. Вся неисполненная переписка хранится в спецчасти.

По исполнении поручения контрольная карточка возвращается специально выделенному работнику, который оба экземпляра карточки по исполненной переписке изымает из карточки и подшивает в специальный наряд.

Таким образом, количество контрольных карточек у зав. сектором должно точно соответствовать количеству неоконченных контрольных переписок у специально выделенного работника.

3. Зав. секретной частью заводит на каждый сектор специальный наряд «текущей переписки по контрольным заданиям».

По горрайпрокуратурам:

1. Поручения, взятые на особый контроль, выполнять вне всякой очереди.

2. Учитывать контрольную переписку отдельно от общей переписки.

3. В случае невозможности по каким-либо причинам выполнить в срок поручение, взятое на особый контроль, сообщать об этом в прокуратуру края, указывая, к какому ближайшему сроку поручение будет выполнено.

4. При получении списка невыполненных заданий и поручений прокуратуры края, горрайпрокуроры обязаны в 3-дневный срок исполнить поручение или немедленно представить объяснения о невозможности исполнения поручения в срок, указав, к какому ближайшему сроку поручение будет выполнено.

5. При направлении переписки в прокуратуру края горрайпрокуроры обязаны ссылаться на номер и дату требования прокуратуры края.

Прокурор края **Пригов**

Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР

за февраль и март 1936 г.

1. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. Об образовании Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/I 1936 г. (СЗ 1936 г. № 5, ст. 40).

2. Об отчетности сельских советов и районных исполнительных комитетов на 1936 г. — пост. ЦИК и СНК СССР от 29/I 1936 г. (СЗ 1936 г. № 5, ст. 42).

3. Об организации в системе Народного комиссариата тяжелой промышленности Государственной всесоюзной конторы «Союзгоспосбыт» — пост. СТО от 5/I 1936 г. (СЗ 1936 г. № 7, ст. 66).

4. О передаче Всесоюзной академии архитектуры в ведение Всесоюзного комитета по делам искусств — пост. СНК СССР от 5/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 10, ст. 80).

2. Военное и морское дело

5. О форме одежды и знаках различия командного, начальствующего и рядового состава сухопутных и воздушных сил РККА — пост. СНК СССР от 2/XII 1935 г. (СЗ 1936 г. № 11, ст. 98).

6. О знаках различия командного и начальствующего состава морских сил РККА — пост. СНК СССР от 2/XII 1935 г. (СЗ 1936 г. № 11, ст. 99).

3. Просвещение

7. Об учебниках истории — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26/I 1936 г. (СЗ 1936 г. № 6, ст. 45).

8. Об упорядочении архивного дела в Народных комиссариатах и центральных учреждениях Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 5/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 7, ст. 57).

9. О порядке обеспечения учащихся-стипендиатов в случаях временной нетрудоспособности — пост. СНК СССР от 21/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 12, ст. 104).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

10. Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 9, ст. 70).

11. О заключении договоров на строительные работы — пост. СНК СССР от 13/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 11, ст. 94).

12. О передаче Народному комиссариату пищевой промышленности картонной монополии — пост. СНК СССР от 10/I 1936 г. (СЗ 1936 г. № 11, ст. 97).

2. Земля и сельское хозяйство

13. О совхозах орсов центральных и местных учреждений и организаций — пост. СНК СССР от 11/I 1936 г. (СЗ 1936 г. № 6, ст. 64).

14. О мероприятиях по развитию верблюдоводства — пост. СНК СССР от 5/1 1936 г. (СЗ 1936 г. № 6, ст. 55).

15. О порядке регулирования и надзора за правильным ведением охотничьего промысла — пост. СНК СССР от 23/1 1936 г. (СЗ 1936 г. № 6, ст. 56).

16. О признании утратившими силу некоторых постановлений об управлении рыбным хозяйством — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 7, ст. 59).

17. Об изменении законодательства Союза ССР в связи с постановлением СНК Союза ССР от 25/IX 1935 г. «О регулировании рыболовства и охране рыбных запасов» — пост. СНК СССР от 3/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 7, ст. 64).

18. О государственном плане весеннего сева 1936 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 8, ст. 67).

19. Об отрезке от совхозов Ивановской промышленной области неиспользуемых ими земель и об увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 10/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 10, ст. 73).

20. Об отрезке от совхозов Свердловской области неиспользуемых ими земель и об увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 10/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 10, ст. 74).

21. Об отрезке от совхозов Оренбургской области неиспользуемых ими земель и об увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 10/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 10, ст. 75).

22. Об отрезке от совхозов бывшего молочного треста Северного края неиспользуемых ими земель и об увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 10/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 10, ст. 76).

23. О стимулировании производства пшеницы и повышении доходности колхозов, производящих пшеницу — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 9, ст. 71).

3. Транспорт

24. О передаче органам железнодорожного транспорта переходящего на 1936 г. строительства железнодорожной жилищно-строительной кооперации — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 12, ст. 100).

III. ФИНАНСЫ

25. О налоговом обложении представительств иностранных хозяйственных организаций, производящих торговые операции на территории Союза ССР, — пост. ЦИК и СНК СССР от 2/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 5, ст. 41).

26. О сроках представления годовых отчетов за 1935 г. — пост. СНК СССР от 17/1 1936 г. (СЗ 1936 г. № 6, ст. 52).

27. О порядке расчетов по внешней торговле и другим валютным операциям — пост. СНК СССР, от 29/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 10, ст. 86).

28. Об изменении ст. 33 постановления ЦИК и СНК СССР от 23/1 1934 г. «О сборе на нужды жилищного и культурно-бытового строительства в городах и сельских местностях» — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 11, ст. 87).

29. Об изменении ст. 6 постановления СНК СССР от 27/IV 1932 г. «О целевом финансиро-

вании промышленности по государственному бюджету» — пост. СНК СССР от 21/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 11, ст. 96).

30. О мероприятиях по укреплению бюджетов городов: Сухума, Гагр, Кисловодска, Пятигорска, Ессентуков, Железноводска, Евпатории и Ялты и поселков — Алупки и Симеиза — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/1 1936 г. (СЗ 1936 г. № 6, ст. 48).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

31. Об управлении местными рынками — пост. СНК СССР от 4/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 7, ст. 65).

32. О предварительных заказах на товары широкого потребления на 1936 г. — пост. СНК СССР от 15/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 8, ст. 68).

33. О контрактации табakov и махорки урожая 1936 г. — пост. СНК СССР от 3/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 8, ст. 69).

34. Об организации в Азербайджане республиканского торгового по торговле овощами — пост. СНК СССР от 31/1 1936 г. (СЗ 1936 г. № 10, ст. 78).

35. О дополнении к постановлению СНК СССР «О комиссионных магазинах» — пост. СНК СССР от 3/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 10, ст. 79).

36. О договорах с колхозами для лесозаготовок и сплава — пост. СНК СССР от 3/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 11, ст. 95).

37. Об изменении зачетных эквивалентов по курдючным овцам, принимаемым в счет мясopоставок, — пост. СНК СССР от 13/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 12, ст. 103).

38. О мероприятиях по усилению розничного товарооборота — пост. СТО от 17/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 12, ст. 105).

39. О ценах на вновь осваиваемое оборудование и оборудование, заготавливаемое по индивидуальным заказам, — пост. СТО от 10/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 12, ст. 107).

V. КООПЕРАЦИЯ

40. О расширении производства предметов широкого потребления промышленной кооперацией и кооперацией инвалидов — пост. СНК СССР от 27/1 1936 г. (СЗ 1936 г. № 7, ст. 63).

41. О порядке кредитования товарооборота сельских потребительских обществ и сельских магазинов — пост. СТО от 21/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 12, ст. 106).

VI. КОММУНАЛЬНОЕ И ЖИЛИЩНОЕ ХОЗЯЙСТВО

42. О порядке передачи государственных предприятий, зданий и сооружений — пост. СНК СССР от 15/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 11, ст. 93).

VII. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

43. О введении сдельно-прогрессивной системы оплаты труда на механизированных лесопунктах — пост. СНК СССР от 13/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 10, ст. 77).

VIII. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

44. Об ответственности за утрату военных билетов — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/1 1936 г. (СЗ 1936 г. № 6, ст. 47).

45. О создании нового Петриковского района в Днепропетровской области УССР — пост. ЦИК СССР от 3/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 7, ст. 62).

46. О трудовом участии сельского населения в строительстве и ремонте шоссейных и грунтовых дорог — пост. ЦИК и СНК СССР от 3/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 11, ст. 88).

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. Об организации в составе Народного комиссариата пищевой промышленности Главного управления хлебопекарной промышленности — пост. СНК СССР от 28/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 13, ст. 118).

2. Об организации Центрального управления предприятиями Народного комиссариата водного транспорта — пост. СНК СССР от 3/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 13, ст. 119).

3. О реорганизации Центрального управления шоссежных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта — пост. СНК СССР от 3/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 14, ст. 121).

4. Об изменении в структуре Главного управления гражданского воздушного флота — пост. СНК СССР от 17/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 16, ст. 136).

2. Просвещение

5. Об организации конкурса на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории Союза ССР с краткими сведениями по всеобщей истории — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 3/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 13, ст. 111).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

6. О передаче Народному комиссариату легкой промышленности Союза ССР предприятий первичной обработки кендыря и рами, котонизации кендыря и дегомации рами — пост. СНК СССР от 23/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 13, ст. 117).

7. О передаче треста Вохимфарм из ведения Народного комиссариата тяжелой промышленности в ведение Народного комиссариата здравоохранения РСФСР — пост. СНК СССР от 9/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 14, ст. 127).

8. О порядке слияния, присоединения, разделения и ликвидации трестов и других хозяйственных организаций и выделения из их состава отдельных предприятий — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 18, ст. 151).

9. Об отмене института приемщиков Государственной горно-технической инспекции при заводах, производящих горно-техническое оборудование и взрывчатые вещества — пост. СНК СССР от 26/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 18, ст. 160).

10. О продлении срока заключения договоров на строительные работы 1936 г. — пост. СНК СССР от 20/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 16, ст. 137).

11. О нормах накладных расходов в строительстве на 1936 г. — пост. СТО от 5/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 18, ст. 162).

12. О горно-технической инспекции по технике безопасности в угольной и горной промышленности — пост. СНК СССР от 27/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 16, ст. 135).

2. Земля и сельское хозяйство

13. О льготах хлопководческим колхозам и единоличным хозяйствам Муминабадского района Таджикистана — пост. СНК СССР от 28/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 14, ст. 124).

14. О государственном плане развития тонкорунного овцеводства и помощи колхозникам в обзаведении овцами в личное пользование — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 15, ст. 128).

15. Об отрезке от совхозов Куйбышевского края неиспользуемых ими земель и об увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 13/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 15, ст. 129).

16. Об отрезке от совхозов Саратовского края неиспользуемых ими земель и об увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 13/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 15, ст. 130).

17. Об отрезке от совхозов Крымской АССР неиспользуемых ими земель и об увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 13/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 16, ст. 140).

18. Об отрезке от совхозов Челябинской области неиспользуемых ими земель и об увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 13/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 16, ст. 141).

19. Об отрезке от совхозов Северокавказского края неиспользуемых ими земель и об увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 13/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 16, ст. 142).

20. О дополнительной отрезке от совхозов Северо-Донского округа 4600 гектар земли и об увеличении за этот счет земель колхозов — пост. СНК СССР от 22/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 16, ст. 143).

21. О распространении на Северный край п. 4 раздела I постановления СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О государственном плане весеннего сева на 1936 год» — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 17, ст. 146).

22. О мероприятиях по повышению урожайности, контрактации и заготовках семян клевера в 1936 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 17, ст. 147).

3. Транспорт

23. О борьбе с переборами и недоборами платы за перевозку грузов на железнодорожном и водном транспорте — пост. СНК СССР от 25/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 14, ст. 122).

24. Об оплате билетов и плате за провоз багажа в международных сообщениях — пост. СНК СССР от 9/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 14, ст. 126).

25. О распространении «Устава о дисциплине рабочих и служащих железнодорожного транспорта Союза ССР» на промышленный и железнодорожный транспорт во всех отраслях промышленности, подведомственных Народному комиссариату тяжелой промышленности — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 18, ст. 155).

4. Связь

26. О пересылке по почте хлеба, муки и крупы — пост. СНК СССР от 28/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 14, ст. 125).

III. ФИНАНСЫ

27. Об изменении «Положения о подоходном налоге с предприятий обобществленного сек-

тора» — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 13, ст. 114).

28. Об изменении ст. 4 постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 17/XII 1932 г. «О рыболовном сборе с предприятий обществленного сектора» — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 13, ст. 115).

29. О ставках налога с оборота на сельскохозяйственные продукты децентрализованных заготовок — пост. СНК СССР от 27/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 14, ст. 123).

30. О дополнительном выпуске облигаций государственного выигрышного займа 1935 г. — пост. ЦИК и СНК СССР от 17/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 16, ст. 132).

31. О порядке финансирования строительства и ремонта мостовых и трауров в городах и рабочих поселках — пост. ЦИК и СНК СССР от 19/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 16, ст. 133).

32. О порядке привлечения членов промысловых кооперативных артелей в сельских местностях к уплате сельскохозяйственного налога, сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства и платежей по самообложению — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 18, ст. 153).

33. О районных страховых комиссиях — пост. СНК СССР от 5/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 18, ст. 159).

IV. ТРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

34. Об обязательных поставках зерна, риса, подсолнуха и картофеля государству и о снижении норм поставок зерна и подсолнуха по колхозам — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 27/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 13, ст. 108).

35. О контрактации сахарной свеклы урожая 1936 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 13, ст. 109).

36. О контрактации хлопка-сырца урожая 1936 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28/II 1936 г. (СЗ 1936 г. № 13, ст. 110).

37. О производственных марках и товарных знаках — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 13, ст. 113).

38. О плане контрактации и мероприятиях по повышению урожайности новомасличных культур, льна-кудряша и канареечного семени в 1936 г. — пост. СНК СССР от 17/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 16, ст. 134).

39. О контрактации льна и конопли урожая 1936 г. — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 1/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 17, ст. 148).

40. О распространении на 1936 г. инструкции Комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК Союза ССР о порядке проведения обязательных поставок зерна из

урожая 1935 г. — пост. СНК СССР от 28/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 18, ст. 156).

41. О плане контрактации новолубяных культур (кенафа, южной конопли и канатника) урожая 1936 г. — пост. СНК СССР от 5/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 18, ст. 157).

42. О ликвидации конвенционных бюро по установлению сбытовых цен на сельскохозяйственные продукты — пост. СНК СССР от 11/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 18, ст. 158).

V. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

43. О заработной плате медицинских работников Таджикской ССР — пост. СНК СССР от 7/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 13, ст. 120).

44. Об оплате труда на лесозаготовках — пост. СНК СССР от 3/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 16, ст. 138).

45. Об оплате труда работников городских универсальных и специализированных магазинов Народного комиссариата внутренней торговли Союза ССР — пост. СНК СССР от 13/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 16, ст. 139).

46. О тарифных сетках и поясных коэффициентах для рабочих, занятых на строительстве, — пост. СТО от 5/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 18, ст. 161).

VI. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

47. О дополнении постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 3/IX 1934 г. «О сроках исковой давности по спорам между государственными органами, колхозами, кооперативными и общественными организациями» — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 18, ст. 152).

48. Об ответственности за изготовление, хранение, приобретение и сбыт без специального на то разрешения сильнодействующих ядовитых веществ — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 18, ст. 154).

VII. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

49. Об образовании новых районов в Таджикской ССР — пост. ЦИК СССР от 7/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 13, ст. 116).

50. Об изменении «Общего положения об орденах Союза СССР» — пост. ЦИК и СНК СССР от 15/III 1936 г. (СЗ 1936 г. № 16, ст. 131).

51. Положение о государственном пожарном надзоре и о городской пожарной охране — пост. ЦИК и СНК СССР от 7/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 18, ст. 150).

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство «Советское законодательство»

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 3/VI 1936 г.

Подписано к печати 3/VII 1936 г. 6,25 п. л.; 16,7 авт. листа. В одном бум. листе 231000 печ. знаков

Формат бум. 72x110/16

С—04 п.; № 306.

Технический редактор Холмогорова

Уполном. Главлита Б—24540

Заказ № 720.

Тираж 17 000

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», М. Дмитровка, 18

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЗАОЧНЫЙ ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ

(Москва, 9, ул. Герцена, д. 11)

ОТКРЫТ ПРИЕМ

НА СУДЕБНО-ПРОКУРОРСКИЙ И ХОЗЯЙСТВЕННО ПРАВОВОЙ ФАКУЛЬТЕТ И НА ПРЕДМЕТНО-ЦИКЛОВОЕ ОБУЧЕНИЕ

ЗАДАЧА ИНСТИТУТА — подготовка и повышение квалификации работников суда, прокуратуры и следствия, государственного и ведомственного арбитража, юрисконсульты наркоматов и хозорганов.

СРОК ОБУЧЕНИЯ — на СПФ и ХПФ — четыре года, на судебно-прокурорском цикле — полтора года. Лица, окончившие ЦЗПИ (полный курс) и славшие установленные государственные экзамены, получают права окончивших стационарные правовые институты.

НА СУДЕБНО-ПРОКУРОРСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ принимаются преимущественно практические работники органов юстиции, **НА ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРАВОВОЙ ФАКУЛЬТЕТ** — преимущественно работники государственного и ведомственного арбитража, юрисконсульты наркоматов и хозорганов, командируемые соответствующими и хозяйственными организациями на основании договоров, заключаемых с Центральным заочным правовым институтом.

НА ПРЕДМЕТНО-ЦИКЛОВОЕ ОБУЧЕНИЕ принимаются только практические работники органов юстиции, нуждающиеся в повышении квалификации по отдельным дисциплинам.

ПРЕДМЕТНО-ЦИКЛОВОЕ ОБУЧЕНИЕ ДЕЛИТСЯ НА ДВА КОНЦЕНТРА:

ПЕРВЫЙ — для лиц, общеобразовательная подготовка которых не соответствует требованиям, предъявляемым при поступлении на основные факультеты института.

ВТОРОЙ — для лиц, имеющих высшее правовое образование и желающих освоить новейший материал специальных дисциплин.

Для всех поступающих на СПФ и ХПФ обязательны приемные письменные испытания в объеме полной средней школы.

Поступающие на предметно-цикловое обучение приемным испытаниям не подвергаются.

Последний срок подачи заявлений — 1 июля 1936 г. Начало занятий — 1 сентября.

Правила приема и анкеты можно получить во всех заочных секторах и консультационных пунктах, а также во всех местных органах юстиции и наркоматах юстиции союзных и автономных республик.

АДРЕСА ЗАОЧНЫХ СЕКТОРОВ И ФИЛИАЛОВ ЦЗПИ:

1. Московское отделение ЦЗПИ — г. Москва, 9, ул. Герцена, 11, Московское отделение ЦЗПИ.
2. Ленинградский заочный сектор — г. Ленинград, Университетская набережная, 7/9. Правовой институт, заочный сектор.
3. Казанский заочный сектор — г. Казань, Б. Красная, 40, Правовой институт, заочный сектор.
4. Саратовский заочный сектор — г. Саратов, Кооперативная, 45, Правовой институт, заочный сектор.
5. Свердловский заочный сектор — г. Свердловск, ул. Малышева, 2-б. Правовой институт, заочный сектор.
6. Дальневосточный филиал — г. Хабаровск, Комсомольская, 44, Дальневосточный филиал ЦЗПИ.
7. Крымский филиал — г. Симферополь, ул. К. Маркса, 21, Наркомюст, Крымский филиал ЦЗПИ.
8. Украинский филиал — г. Харьков, Пушкинская, 81, Институт совстроительства и права, заочный сектор.
9. Белорусский филиал — г. Минск, Университетский городок, главный корпус, Правовой институт, заочный сектор.
10. Закавказский (говынский) филиал — г. Тифлис, Трибунальная, 32, Тифлисский филиал ЦЗПИ.
11. Армянский филиал — г. Эривань, пл. Аббвьяна, 124, Госуниверситет, заочное отделение правового факультета.
12. Азербайджанский филиал — г. Баку, Красноармейская, 25, Социально-экономический институт, заочное отделение правового факультета.
13. Среднеазиатский (узбекский) филиал — г. Ташкент, ул. Ленина, 21, Наркомюст, заочный филиал ЦЗПИ.
14. Туркменский филиал — г. Ашхабад, Багирова, 28, Правовой техникум, филиал ЦЗПИ.
15. Таджикский филиал — г. Сталинабад, Наркомюст, заочный филиал ЦЗПИ.

М4729

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Народный комиссариат финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года, статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 года № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 3428 (три тысячи четыреста двадцать восьмым)

Государственный строительный трест НКЛП СССР

„ЖИЛСТРОЙЛЕГПРОМ“

Адрес: Москва, Машков пер., 15

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. зак. и распоряж. правительства СССР 1931 года, статья 99 и Бюллетень финансов. и хозяйствен. законодательства 1931 года № 12) зарегистрировано в государственном реестре юридических лиц под № 3321 (три тысячи триста двадцать первым)

Всесоюзное государственное объединение по торговле и обслуживанию производственно-бытовых нужд РККА и флота

„ЦЕНТРОВОЕНТОРГ“

находящееся в системе Наркомвнуторга СССР
Адрес: Москва, Б. Черкасский, 15

Народный комиссариат финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. закон. и распоряж. правительства СССР 1931 года, статья 99 и Бюллетень финансов. и хозяйствен. законод. 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 3338 (три тысячи триста тридцать восьмым)

Государственная всесоюзная контора по реализации продукции спичечных фабрик „СОЮЗСПИЧСБЫТ“

находящаяся в ведении Главспичпрома Наркомлеса СССР

Адрес: Москва, Комсомольская пл., 1

НКФ СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (СЗ СССР 1931 г., ст. 99 и Бюлл. фин. и хоз. законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 3470 (три тысячи четыреста семидесятым)

Государственная всесоюзная контора по снабжению предприятий транспортного машиностроения и сбыту их продукции

„СОЮЗТРАНСМАШСНАБСБЫТ“

Адрес: Москва, ул. 25 Октября, дом 1/5

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 368 (триста шестьдесят восьмым)

Пушноприемно-сортировочная база

„ПУШНОЭКСПОРТ“

находящаяся в ведении Всесоюзного экспортно-импортного пушно-мехового объединения „Союзпушнина“

Адрес: Москва, Б. Дмитровка, 11

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 3444 (три тысячи четыреста сорок четвертым)

Всесоюзная государственная контора по сбыту продукции сильнопоточной электротехнической промышленности НКТП

„ЭЛЕКТРОСБЫТ“

находящаяся в ведении Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР

Адрес: Москва, Красноказарменная ул., 13

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года, ст. 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 352 (триста пятьдесят вторым)

Московская областная контора по заготовке и сбыту лошадей

„ЗАГОТКОНЬ“

находящаяся в ведении Всесоюзной конторы „Заготконь“ НКЗ СССР

Адрес: Садово-Триумфальная, 10

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 3430 (три тысячи четыреста тридцатым)

Всесоюзная государственная контора по розничной торговле галантерейными, трикотажными, бельевыми и парфюмерными товарами

„СОЮЗГАЛАНТЕРЕЯ-ТРИКОТАЖТОРГ“

находящаяся в ведении Наркомвнуторга СССР
Адрес: Москва, ул. Кирова 47, комн. 435